

Издание посвящается
митрополиту Гурію (Егорову)

†

Божьим благословением издание диссертации
агумена Варсануфія Веребкіна. Вестьма
последній труд для людейищущих путей
приближеніи к Богу. Самыи главныи из них
являються молитва. Дай Бог, чтобы она нашла
своих читателей, которые бы вней обрели самыи
правильныи пути, основанныи на творениих
святых Отцов.

† Митрей Архипишкон Ярославский
и Ростовский

27 Октября 2001.

Игумен Варсонофий

Игумен Варсонофий
(В. С. Веревкин)

УЧЕНИК О МОЛИТВЕ ПО ДОБРОТУЛЮБИЮ

Ярославль — Рыбинск
2002

Книга подготовлена к изданию
духовными чадами митрополита Иоанна (Вендланда),
архимандрита Кирилла (Павлова).

Варсонофий, игумен (Веревкин В. С.)

В 18 Учение о молитве по Добротолюбию. — Рыбинск:
Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати», 2002. —
256 с., ил.

Диссертация игумена Варсонофия являет собой торжественный гимн молитве. Материалом для настоящего труда послужил многотомный сборник «Добротолюбие», в последнее издание которого вошли извлечения из письменных творений тридцати восьми христианских подвижников, живших в период между IV и XIV веками.

Восхищенный глубиной мысли святых отцов, живописующих неизреченную красоту жизни во Христе, автор создал труд, способный принести Боголюбивой душе большую пользу и радость.

От составителей

Труд, который читатель держит в руках, скромно именуется диссертацией студента Петроградской Духовной Академии В. С. Веревкина «Учение о молитве по Добротолюбию». Создавался он в тяжелейший период истории России и церкви. Страна, пережив революцию и гражданскую войну, лежала в руинах. Обстоятельства жизни были очень тяжелыми — голод, холод, притеснения, гонения на православную веру. И именно в это время совсем молодой человек, вступающий на путь духовного возрастания, берется за огромную работу — изучение наследия святых отцов о молитве.

Примечательно, что эта диссертация была одной из последних, рассмотренных советом Петроградской Духовной Академии перед ее закрытием.

В течение многих десятилетий рукопись этой работы хранилась в семье, тесно связанной с игуменом Варсонофием. Написана она простым карандашом на больших листах сшитой тетради. Почти на каждой странице множество аккуратных вклеек с исправлениями и дополнениями. Судя по датам, проставленным на полях, автор начал писать свою работу весной 1920 года и закончил ее через год. На последней странице написано: «12 часов ночи, 17 марта 1921 года».

Профессор Петроградской Духовной Академии А. А. Бронзов в своем отзыве на диссертацию отметил главную ее особенность: «При чтении сочинения г. Веревкина бросается в глаза та необыкновенная любовь, какою автор, бесспорно, был проникнут по отношению к его теме. Видно, что молитва интересовала его не просто как предмет лишь изучения, а гораздо больше. Как нечто самое близкое и до-

рогого его сердцу... Автор, знакомясь со святоотеческими воззрениями, плодом зрелым и жизненно полезнейшим, видимо, желал бы провести их, эти воззрения, в свою собственную жизнь... Приходится только удивляться, как он при самых неблагоприятных условиях, в каких находился во время изучения вопроса о молитве, сумел так внимательно и глубоко вдуматься в дело».

В своем отзыве профессор Духовной Академии написал еще и такие слова: «Можно было бы высказать пожелание, чтобы его труд в будущем увидел свет в печатном виде. Отпечатанный — он явился бы прекрасным дополнением к работе на однородные темы, уже существующим в отечественной богословской литературе. Ведь святые отцы, всю жизнь проводившие молитвенно и в молитве, являются наилучшими в данном случае руководителями».

Высказано это было в тот момент, когда не только опубликовать большой тиражом, но и напечатать на машинке эту работу было невозможно. Прошло восемьдесят лет — и на древней ярославской земле, где по промыслу Божию собрались члены той духовной семьи, к которой принадлежит и игумен Варсонофий, появилась возможность исполнить это. Слава Богу!

Диссертация игумена Варсонофия является торжественным гимном молитве, сотканным из тех слов святых отцов, которые вошли в «Добротолюбие». Много книг написано о молитве. Эта диссертация отличается от них тем, что автор не включил в нее своих личных мыслей относительно молитвенного делания. И тем не менее читатель ясно увидит его пламенную любовь к данной теме, почувствует его восхищение глубиной мысли святых отцов, ярко живописующих неизреченную красоту жизни во Христе.

В процессе всестороннего освящения темы о молитве автору приходилось для связности изменять обороты речи святых отцов. При этом он эти слова все равно заключал в кавычки, давая соответствующую ссылку на «Добротолюбие». Издателями все ссылки были просмотрены и при наличии отклонений от текста кавычки были сняты. Следует

заметить, что если имя святого отца отсутствует в тексте, то оно приводится в ссылке. Для более глубокого проникновения в тему игумен Варсонофий предлагает сравнивать высказывания об этом нескольких авторов. Чтение труда игумена Варсонофия с «Добротолюбием» в руках принесет Боголюбивой душе и пользу, и радость. Радость от отклика в глубине его сердца на пламенный призыв святых отцов имеет постоянную молитвенную связь с Живым Богом.

Автор разбил диссертацию на главы, но названия им не дал. При подготовке рукописи к изданию составители дали главам названия и разбили их на параграфы: первая цифра — номер главы, вторая — номер параграфа. Названий параграфов в самом тексте нет, они приводятся в оглавлении. Всего диссертация имеет 16 глав и 118 параграфов.

Ознакомившись с оглавлением, читатель сразу увидит, что тема молитвы раскрыта в данной работе исключительно глубоко и широко. Переход от одной мысли о молитве к другой отцу Варсонофию всегда удается осуществить очень естественно. Он вселяет в сердце читателей новую мысль очень бережно, стремится напитать ее словами святых отцов так, чтобы восхождение его на гору добродетелей было приемлемым, легким. Так обучает своего духовного сына благодатный старец.

Литературный редактор этой книги, Лидия Леонидовна Шаматонова, глубоко проникнув в тему о молитве, сумела обеспечить высокий научный уровень данного издания. Книга готовилась ею к выходу в свет с большой любовью как к самой теме, так и к ее автору. Эта любовь помогла ей благодушно, с благодарностью к Богу, переносить тяжелую болезнь. Ее чаение скончаться, закончив полностью этот труд, по милости Божией осуществилось.

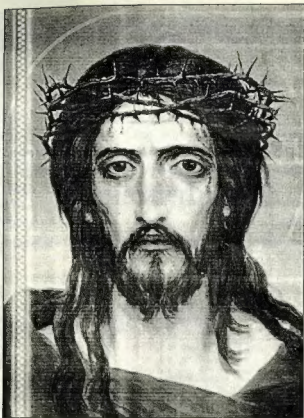
Издание посвящено памяти митрополита Гурия Егорова. Именно он положил начало той духовной семье, в которую входил и игумен Варсонофий. К ней принадлежат такие служители православной церкви, как ныне здравствующие митрополит Волгоградский и Камышинский Герман Тимофеев и архиепископ Ярославский и Ростовский Михей Хар-

харов, протоиерей Леонид Кузьминов, протоиерей Леонтий Никифоров, протоиерей Иоанн Беляков, а также почившие митрополит Иоанн Вендланд, архиепископ Иннокентий Тихонов, архимандрит Варлаам Сацердоцкий, архимандрит Серафим Суторихин, протоиерей Игорь Мальцев и многие другие.

Митрополит Гурий был одним из основателей Александро-Невского братства. Оно образовалось в 1918 году по благословению ныне причисленных к лику святых Святейшего Патриарха Тихона и священномученика митрополита Вениамина. Вся жизнь игумена Варсонофия, включая его труд «Учение о молитве по Добротолюбию», служила основному делу Александро-Невского братства — сохранению веры, надежды и любви к Богу в тяжелые годы гонений.

Игумен Варсонофий

Репродукция иконы Спасителя работы В. М. Васнецова, подаренной митрополиту Гурию (Егорову) в день монашеского пострига. На обороте иконы — металлическая пластина с гравировкой:

Радуйтесь, усовершеншайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, и Бог любви и мира будет с вами (2 Кор. 13, 14). На молитвенную память дорогому отцу Гурию, подвизавшему в написание этих слов в кноти своей — горячо любящему друзей: священник Николай Попов, иеромонах Серафим, Петр Шурбасов, Георгий Алексеев, Серафим Бутурзов, Владимир Веревкин, Иван Виноградов, Леонид Есеров, Александр Попов, Александр Протопопов, Николай Терпигорев, Владимир Цин. 19⁴ XII 15

ИГУМЕН ВАРСОНОФИЙ И ЕГО ВКЛАД В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО БРАТСТВА

Игумен Варсонофий (Владимир Сергеевич Веревкин) родился 15/28 июля 1894 года в городе Гатчине под Петербургом. Его родители, Сергей Михайлович и Ольга Тимофеевна Веревкины, почетные граждане этого города, проживали на Люцевской улице. В семье было четверо детей — дочь Ольга и трое сыновей: Владимир, Сергей и Александр.

Нянечка будущего отца Варсонофия Мария Петровна, которая жила у них в семье, рассказывала, что в шесть лет Володя говорил: «Когда я вырасту большой, буду священником, но не белым, а черным». То есть монахом.

С детства мальчик всячески избегал каких-либо развлечений, даже самых невинных. Интересен и такой факт. В юные годы его, как и всех сверстников, обучали танцам. Когда он возвращался с уроков, то говорил дедушке Михаилу Петровичу, что от этих танцев у него болит голова. Дедушка поговорил с родителями, и они освободили его от занятий танцами. В юношеские годы у двоюродной сестры Владимира, Елены Павловны, в Петрограде устраивались вечеринки для молодежи, поэтому в этот день он всегда старался уехать из Петрограда в Гатчину. А когда вся семья ходила гулять в Гатчинский Царский парк, он уединялся и бродил по какой-нибудь безлюдной дорожке.

В 1911 году Владимир Веревкин закончил Гатчинское имени императора Александра III реальное училище и со-

бирался поступать в Духовную Академию. Но родители не благословили его: он старший сын в семье и ему необходимо вначале получить светское образование. Подчиняясь воле родителей, он поступил в Санкт-Петербургский технологический институт.

Каникулы в 1913 году Владимир провел на Валааме, а в 1914 году — в Оптиной пустыни, где стал любимым учеником старца Анатолия (Потапов, 1855—1922). Он как послушник носил подрясник и четки.

До наших дней сохранились письма студента Владимира Веревкина, написанные с Валаама своей семье в 1913 году. По сути это подробный дневник молодого человека, где он пишет обо всем, что увидел и пережил в Валаамской обители. Это очень важные документальные свидетельства того, как формировался и духовно возрастал будущий православный подвижник. Подробно и с любовью в письмах он описывает сам остров, монастырские строения и скиты, гостиницы и трапезные, службы и крестные ходы. Будущий игумен, а тогда студент технологического института, радостно вглядывается в каждого обитателя острова — монаха, священника, трудника, с которыми пересекаются его пути, благоговейно описывает схимников, которых видит на службе, дружелюбно и с христианской любовью обращает внимание на каждого своего спутника. С одними из них он живет в монастырской гостинице, с другими несет послушание.

Если следовать известному выражению, что стиль — это человек, то юный автор писем предстает перед нами человеком с чистой душой и радостным мировосприятием. Его отношение к миру — это хвала Господу за все, созданное им. Каждое письмо дышит любовью к своей семье, которая скучает о нем и ждет возвращения в Петербург. Между строк, написанных послушным сыном и любящим братом, читается уверенность в избранном пути — стать монахом и служить Богу!

Вот лишь несколько отрывков из писем Владимира Веревкина с Валаама в Петербург, которые дают представление и о том времени, и о монастыре на Валааме, и о самом авторе.

«Въезжаем в монастырскую бухту. Дивные виды открываются путешественникам. Скалистые, покрытые хвойным лесом, освещенные солнцем берега так и манят к себе своей красотой и величием. Масса народа на берегу и на пристани встречает пароход. Он поворачивается в бухте и пристает к берегу. На высоком берегу красиво выделяется среди зелени монастырский собор. На пристани есть специальные телеги для вещей и прибывающих богомольцев. И взваливая свой тюк на телегу, я поднимаюсь в гору к монастырской гостинице. Прибывшие с парохода осаждают монаха-гостиника, прося номер. Здесь надо образовать группу в четыре человека, чтобы получить номер...

Моими компаньонами оказались: преподаватель Киевской духовной семинарии, реалист седьмого класса и помощник присяжного поверенного, окончивший университет и готовящийся к поступлению в Духовную Академию. Он посетил почти все монастыри России... Устроившись в номере, мы отправились осматривать монастырь. В 6 часов в соборе служба, после которой трапеза. Трапезная — это довольно длинное помещение, в котором вдоль стоят три ряда столов. Рядом с трапезной находится церковь Успения Божией Матери. Приходит игумен или очередной иеромонах. Перед обедом звонят в колокол и поют молитву. Затем звонят еще раз и несут кушанье. Обыкновенно бывает первое, вроде винегрета с квасом (ботвинья), на второе и третье — хлебное или щи, или перловый суп, лапша, горох. Затем каша гречневая или ячневая. Едят из одной чашки четверо...

На другой день я побывал у благочинного. Он прочел письмо и сказал, что для меня спокойнее будет жить в Предтеченском скиту... Предтеченский скит отстоит от монастыря в пяти верстах. В лодке поместились пять человек: я с юристом, два монаха, ехавших в скит — они грести веслами, и благочинный, сидевший на руле. Ехать надо около часа. Замечательно красивы берега островов...

Церковь святого Иоанна Предтечи находится на горе. Мы входим в церковь. Ах, как там хорошо! Маленькая церковь, чрезвычайно уютная. Были у монаха отца Карпа. Он слепой и ничего не видит. Познакомил меня также благочинный со схимонахом Пионием. Он там пономарем. В Предтеченском скиту живет иеромонах Исайя, который теперь никого не принимает. Отцу благочинный гроб сам, когда мы ехали с Предтеченского острова на Порфирьевский остров, где построена часовня во имя преподобного Серафима и маленький домик для благочинного. Но и замечательно же красив этот остров! Во многих местах на камне натаскана земля и посажены капуста, картофель, малина, крыжовник. Масса работы положена на все это... Благочинный собственноручно провел водопровод из маленького озера наверху горы к грядам для их поливки. Побывав в разных частях острова, где везде были маленькие места с землею, засаженные овощами, которые поливал отец Феодорит, мы с ним отправились пить чай на открытом воздухе. Ни одной души человеческой, кроме нас троих, не было на острове. Только птицы весело щебетали в лесу. Насколько животные не боятся на этом пустынном острове людей, видно из того, что отец Феодорит видел, как лиса поймала маленького зайца среди бела дня. Попив чаю, мы отправились в обратный путь в монастырь... Я ехал в лодке и мысленно благодарил Вас, доставивших мне удовольст-

вие тем, что отпустили... По приезде в монастырь я отправился в Никольский скит, находящийся в одной версте от монастыря. Скиты представляют собой как бы маленькие монастыри со своими порядками. Затем был в скиту Всех святых, куда сегодня ходил пароход с баркасом, был в монастырском музее, ризнице, иконописной.

На самом верху колокольни на уровне 34 сажен от земли находится наблюдательный пост. Монах с подзорной трубой ходит там и смотрит, чтобы не случилось где пожара и чтобы не разводили костры».

По благословению игумена студенту Веревкину духовником был назначен благочинный. Именно на Валааме Владимир делает первые шаги по пути будущего монашества, о котором мечтает всей душой.

«Нас одели в подрясники, дали высокие непромокаемые сапоги и скуфейки. Дали также по подушке с чистой наволочкой, по одеялу, по войлоку, заменяющему матрас, по полотенцу. В экономской дали по мешочку чая и по нерасколотому куску сахара. Все это полагается на один месяц каждому послушнику...

Когда мы приехали на остров, то монах, называемый хозяином скита, на которого возложено заведывание островом и назначение послушаний, показал нам келью, в которую и поместил нас двоих... При монастыре есть обширная библиотека, из которой мы взяли по книге. Хозяин принес нам Псалтирь, чтобы мы могли заранее просматривать порядок чтения в церкви. Иеросхимонах рекомендовал мне и дал одно из творений Димитрия Ростовского. Схимонах, управляющий певчими, принес ноты для ознакомления со столповым пением. Монах, живущий против нашей кельи, принес Библию и Отечник. Он уже древний старец.

Валаамъ. V 21 июля.

Дорогой папа!

Спишу отъѣздить на Ваше 2ое письмо, которое получилъ 21 июля. Первая половина этого письма была уже написана и собиралась послать его, какъ получилъ Ваше письмо, на которое и отъѣзжаю, возмотно подробно. Во-первыхъ спасибо за письмо. Во-вторыхъ. Вотъ видите же, что я Вася совсемъ забылъ. Нить дорогой папа-то невосторго. Уже представляю себя, какъ это сынъ можетъ забыть родителей вообще, и еще тотъ сынъ, который они доставили удовольствіе. Дамъ, Вы пишете, что письма мои очень редки. Первое время моего пребывания на Валаамѣ, всю массу чисто-липовыхъ фактовъ, а именно въ пространствѣ письма, теперь же, когда я начинаю входить въ колею скитской жизни, самъ такъ потно выражается, различнаго рода событія, пожеланиями ись. Внутреннихъ же переживаній настолько разнообразны и многолики, что потребовалась бы особая тетрадь, а не только одно письмо, для нихъ передачи. Да

Первая и последняя страницы письма В. Вревкина,

точно.

Думаю поспешить здѣсь изъ Курбожанскіе Босхде-шона-стырскій призывъ-преставъ въ Беринскій церквы въ соборъ. Много день въѣзда сейчасъ указать трудно. Это зависитъ отъ погоды и отъ погоды. При-тигнутаю то между 6 и 16 ^{присланы} августа. Если будетъ озеро бурно, то думаю выдаться изъ Финляндіи, берегъ которой виденъ съ Валаамъ. Тѣмъ же думать и студентъ, съ которымъ я живу.

Поздравляю Петру Николаевичу Рендана и Таммокиа д. Александру.

Прошу прощенья въ томъ, что далъ поводъ сдѣлать. Вашъ сынъ
Володѣ.

посланного роднымъ в Петербургъ с Валаама летом 1913 г.

Еще старше его есть иеромонах Исайя, который на Валааме находится около шестидесяти лет. Он постоянно бывает в церкви, и все время в келье у себя находится за занятием: стоя вяжет чулки и читает Псалтирь. На Предтеченском острове всего пять схимников, очень симпатичных. Всего братии на острове, считая с нами, 20 человек. День у нас распределяется так. Встаем в половине четвертого утра. В четыре часа полунощница, утренние молитвы, утренняя обедница. Как хорошо дышать свежим воздухом, когда солнце встает, идя к утрени.

Мы несем клиросное послушание: чтение и пение. Во время службы иногда приходится читать житие святых, обращая лицом к братии. Возвращаясь от утрени, трудно подумать, что еще только шесть часов. Все на ногах, солнышко светит, птички поют... До обеда работают каждый свое дело, кто на огородах, кто где. У некоторых есть свои огороды, в которых только они и трудятся. В десять часов утра звонят около келий в ручной звонок, призывая на трапезу...

Относительно съестных припасов вот что: эти коробочки, которыми вы снабдили меня, лежат и до сих пор у меня. Я опустошил часть из них во время пребывания в гостинице. В скиту же не полагается есть рыбы и вкушать молочные продукты круглый год, не исключая и Пасхи, в подражание Иоанну Крестителю. В среду же, в пятницу и понедельник не полагается и масла...

После обеда до 12 часов остаются в кельях. Затем выходят на работу до 3 часов... В 5 часов бывает вечерня, повечерие с канонами, акафистом, затем правило, состоящее из известного числа поклонов земных и посясных. В канун праздников земных нет. После этого вечерняя трапеза... После ужина можно идти дышать свежим воздухом.

...Вы пишете, что я Вас совсем забыл. Нет, дорогой папа, это неверно. Я не представляю себе, как это сын может забыть родителей вообще, и еще тот сын, которому они доставили удовольствие... Первое время моего пребывания на Валааме всю массу чисто внешних фактов я излагал в пространных письмах. Теперь же, когда я немного вошел в колею скитской жизни, различного рода события, конечно, уменьшились. Внутренние же переживания настолько разнообразны и многочисленны, что потребовалась бы обьемистая тетрадь, а не несколько страничек письма...

...30 июля причастился за обедней. Собираюсь ехать. Сегодня отвез пальто и сапоги на подворье. Ветрено, небольшие волны. 31 июля в 5 часов вечера пароход отошел от пристани. Шел дождь. Брат Стефан и еще кто-то махали платками с Предтеченского острова. Проехали маяк, началось волнение. Я стоял на корме и смотрел на удаляющийся Валаам. Жаль было покидать гостеприимный монастырь, прожив там больше месяца... Я спал в столовой II класса и встал утром 1 августа, когда пароход шел по Неве. Опять фабрики и заводы. Пасмурный Петербург...»

Письма Владимира Веревкина с Валаама представляют собой интерес потому, что именно благодаря этим документам мы имеем возможность услышать живой голос игумена Варсонофия, представить, каким он был, когда еще только готовился к монашескому подвигу, — чистым, любящим, жаждущим служить Богу.

Учеба Владимира в технологическом институте длилась недолго — всего два года. Но и там он нашел применение своим устремлениям и чаяниям. Как вспоминает профессор Никита Александрович Мецкерский (1906—1986), хорошо знавший его, в предреволюционные годы в институте действовал студенческий православ-

ный кружок с миссионерским уклоном. В него входил архимандрит Лев (Егоров, 1888—1941), тогда еще студент. Владимир Вережкин познакомился и с ним, и с его родным братом, будущим митрополитом Гурием (Егоров, 1891—1965). Владыка Гурий в то время еще не был монахом и учился в Духовной Академии в Петрограде, а игумен Варсонофий мечтал в нее поступить.

Сохранилось такое свидетельство их дружбы. При погриге Владыки Гурия, который состоялся 4/17 декабря 1915 года, друзья подарили ему икону Спасителя в терновом венце с подписями на обратной стороне. Среди них была и подпись Владимира Сергеевича Вережкина. Икона эта сохранилась. После смерти митрополита Гурия по его благословению она перешла его духовному чаду — митрополиту Иоанну (Вендланд, 14.01.1909—25.03.1989), который в свою очередь тоже подарил ее архиепископу Могилевскому и Мстиславскому Максиму (Кроха, 1928—2002).

В 1915 году Владимир Вережкин был призван на военную службу, где он получил звание прапорщика. В 1917 году, когда началась революция, с ним произошел чудесный случай, о котором он рассказывал сам. Как прапорщик по долгу службы Владимир водил своих солдат в церковь. Однажды, когда он был с ними за городом, солдаты неожиданно окружили его с криком: «Бей его! Он водил нас в церковь». Владимир стал молиться, и вдруг Кто-то взял его за руку и вывел из окружения. Когда он опомнился, вокруг никого уже не было...

С начала революции и до 1920 года Владимир Вережкин, как и многие другие, был мобилизован в Красную Армию и служил в военно-строительной части. Период этот длился очень недолго. И вот, наконец, свершилось то, о чем он так долго мечтал. Родители, видя любовь сына к духовной жизни, дали ему благословение поступить в Духовную Академию.

Учился Владимир очень усердно. Экзамены сдавал

экстерном и сразу же приступил к написанию кандидатской диссертации. Сохранилась рукописная работа студента Владимира Вережкина «Учение о молитве по Добролюбию».

Дивны дела Господни! Эта диссертация была одной из последних, рассмотренных советом Академии.

С 1920 года Духовная Академия была фактически закрыта. Профессора вынуждены были обучать студентов и принимать экзамены у себя дома.

С конца 1921 года наступают тяжелые времена для Русской Православной Церкви. В эти годы для всех чад церковных Духовная Академией становится их сердечная пламенная молитва, соединенная с чтением Слова Божия и творений Святых Отцов.

Знаменательным в этом отношении является последний абзац диссертации студента Вережкина, будущего старца Варсонофия:

«Исследование наше заключим восторженными и выразительными словами, завершающими пятый том "Добролюбия", в которых дается высшая оценка молитве: "Что еще большее и лишнее желать от молитвы, когда благодаря ей, мысленно можешь беседовать с Богом, без Коего никогда никакой человек не может быть блаженным ни здесь, ни в будущей жизни. 12 часов ночи 17 марта 1921 года"».

Пятого января 1922 года (по новому стилю) священномученик митрополит Вениамин Петроградский постриг кандидата богословия В. С. Вережкина в мантию и дал ему имя Варсонофий, в честь святителя Варсонофия, епископа Тверского (память 24 апреля). На следующий день в Рождественский сочельник он посвятил его в иеродиакона, а 3 февраля — в иеромонаха. В этом сане он служил до июня 1922 года в Александро-Невской Лавре.

Здесь, в Лавре, он еще более тесно сближается с основателями Александро-Невского братства защиты святой православной веры иеромонахами Иннокентием (Тихонов, 1889—1937), братьями Гурием и Львом (Егоровы). Отец Варсонофий входит в это братство и всю свою последующую жизнь посвящает служению тем благим делам, ради которых оно создано.

Сразу после вооруженной попытки захвата Александро-Невской Лавры 19 января 1918 года Святейший Патриарх Тихон издал послание. В нем говорилось:

«Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви, станьте на защиту оскорбленной и угнетенной ныне Святой Матери нашей... А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собой...»

Это воззвание Патриарха от 19 января 1918 года было оглашено на следующий день в субботу во время вечернего богослужения в Казанском соборе его настоятелем, священномучеником протоиереем Философом (Орнатский, 1860—1918). Ему удалось размножить это послание и разослать по всем храмам Петрограда для прочтения за Литургией в воскресенье 21 января. В этот день с 11 часов утра потянулись к Александро-Невской Лавре крестные ходы от всех столичных церквей. К часу дня около двухсот шествий слились в один крестный ход. Лаврская площадь не могла вместить всех верующих, и они заполнили все ближайшие улицы. Во втором часу дня под звон колоколов из Лавры вышел крестный ход во главе со священномучеником митрополитом Вениамином Петроградским. Владыка поднялся на специальный помост, сооруженный на площади. Лаврский протоиерей громовым голосом прочитал воззвание Святейшего Патриарха Тихона, после

чего был совершен молебен об умиротворении и спасении Богохранимой державы Российской. Пел весь народ. Здесь же после совершения молебна и было открыто Александро-Невское братство.

Сохранилась грамота, данная Патриархом Тихоном Александро-Невскому братству. Внешне она полностью соответствует понятию «грамота» — это длинный бумажный свиток, скрепленный печатью. Эта историческая реликвия благоговейно хранится в одной петербургской семье и сейчас публикуется впервые.

Братству при Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре.

С благодарением Отцу щедрот и всякие утехи (2. Кор.1.3) приемлет мерность Наша Ваше любезное приветствие.

В дни ниспосланных нам Провидением великих испытаний с душевною отрадою вспоминаем Мы о пребывании своем в Богоспасаемом граде Св. Петра и о многочисленных свидетельствах любви и готовности верных чад Церкви Петроградской встать на защиту попираемых ныне прав Матери нашей Церкви Православной. Твердо уповаем, что духовные чада Наши не оставят Нас и впредь без усердной молитвы своей ко Господу Богу, да дарует Он смиренному нашему духа премудрости и разума, духа совета и крепости, духа ведения и благочестия (Ис. XI, 2) дабы сила Его совершалась в немощи Нашей (2 Кор. XII, 9) к вящей славе Церкви и благу Родной Земли.

Да будет на Вас Божие благословение.

Тихон, Патриарх Московский и вся России.

Грамота сия дана в Богоспасаемом великом граде Москве в лето от Рождества Христова 1918, месяца сентября, в 19 день».

Напомним, что православные братства существовали еще в Западной Руси в XI—XVII веках. Известны Виленское Святодуховское, Львовское ставропигиальное, Киевское братства. Это были духовно-просветительные организации, которые создавали школы, издавали книги и боролись против католического влияния.

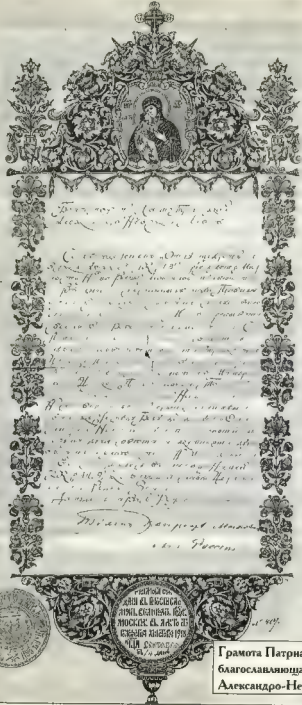
В XX веке поводом для создания братств стал Декрет об отделении церкви от государства. Православный народ осознал необходимость встать на защиту православной веры. Если государство отказывает Церкви в поддержке, то народ должен взять эту поддержку на себя. В то время сведения о западнорусских братствах были широко распространены среди интеллигенции. Летописец того времени профессор Никита Александрович Мещерский в своих воспоминаниях пишет, что знал об этом уже с восьми лет из популярной книги по русской истории.

Кроме Александро-Невского были в Петрограде и другие братства, в частности, при Захариино-Елисаветинской церкви, где настоятелем был Александр Введенский — известный деятель обновленчества. Были братства при Андреевском соборе, в церкви Спаса на Синопской, при храме Вознесения на Вознесенском проспекте, при церкви Милующей Божией Матери в Гавани.

Александро-Невское братство занимало особое место. Оно стало главным в северной столице, и все ориентировалось именно на его деятельность.

Интересные материалы о деятельности братства находим в статье современного исследователя этой стороны жизни Русской Православной Церкви В. В. Антонова «Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы)».

Братство не имело отдельного устава и руководствовалося в своей деятельности некоторыми пунктами приходского устава. Принимались в него все желающие, если это были преданные религии люди. Через два года после свое-

Грамота Патриарха Тихона,
благославляющая деятельность
Александро-Невского братства

го основания Александро-Невское братство насчитывало 70—100 человек. Основой духовной жизни братиц и братчиков были, безусловно, богослужения, которые проходили в основном в Крестовой митрополичьей церкви, часто при участии самого митрополита Вениамина. Службы длились дольше, чем в приходских храмах, ибо устав соблюдался более точно. За каждой службой обязательно произносилась проповедь, практиковалось строгое уставное чтение и общенародное пение, хотя у братства были собственные два хора: один пел за ранней, другой за поздней обедней. Хорами руководили иеромонахи Иннокентий Тихонов и Гурий Егоров. Первый был прекрасным знатоком устава и старинных церковных распевов и поэтому с мая 1920 года возглавлял внутри братства Кружок любителей православного богослужения. Церковных школ тогда не было, преподавание Закона Божия было запрещено, но разрешалось собирать при церкви детей для его изучения. При братствах, и при Александро-Невском в том числе, были ответвления — детские союзы, которые насчитывали иногда до тысячи детей.

Братство занималось издательской деятельностью. Развивать серьезную издательскую деятельность было трудно, но кое-что делалось. Например, издавались православные календари. Братство занималось благотворительностью: помощь бедным, посещение больных в больницах. Среди членов братства было немало медицинских работников, которые многое восприняли из старых уставов общин сестер милосердия. Кроме того, братство заботилось об арестованных и заключенных, прежде всего арестованных по делам церкви и религии. Деятельность братства была очень разносторонней. Проводились духовные беседы, в которых принимали участие не только священнослужители, но и университетские профессора. При Лавре работали пастырские курсы.

В ту суровую пору братство стремилось возродить жизнь и дух древних христиан. Об этом красноречиво го-

ворит краткая памятка для членов братства, составленная иеромонахом Гурием, будущим митрополитом:

Живи под руководством духовника.

Неси послушание по указанию руководителя братства.

Соблюдай молитвенное правило.

Посещай праздничные богослужения и праздничные службы.

Будь скромнен в одежде, прическе и во всей своей жизни.

Неси слово Христово детям, подросткам, молодежи и взрослым.

Почитай каждого лучше себя.

Одним из самых замечательных деяний Александро-Невского братства было создание в Петрограде весной 1922 года двух тайных женских монашеских общин. Организатором их был архимандрит Гурий (Егоров). Первая община помещалась на Конной улице, в доме № 8, вторая — в Старом Петергофе. Исследователь жизни тайных монашеских общин В. В. Антонов суммирует сведения, почерпнутые им из архивных источников. Вся деятельность общин была посвящена труду и молитве и шла под руководством духовников, даже если они находились в заключении, как это случилось, когда Гурий и Лев Егоровы и Иннокентий Тихонов были вначале арестованы, а затем отправлены в ссылку. Из уз постоянно приходили письма с советами, назиданиями и утешениями. Архимандрит Гурий так сформулировал правила, по которым должны были в его отсутствие жить сестры на Конной:

1. *Ходить в храм по возможности ежедневно.*

2. *Присутствовать неуклонно на домашней молитве (утренней и вечерней, повечерии и др.). Выполнять ее благоговейно, строго придерживаясь установленных часов.*

3. *Аккуратно выполнять свое личное правило, как молитвенное, так и библийское.*

4. Говорить только необходимое.

5. Между собой хранить мир и дружбу, относиться друг к другу терпимо, снисходительно, благожелательно и услужливо.

6. Без моего благословения не предпринимать ничего серьезного. Где бы я ни был, за мною остается главное руководство.

Были и другие наказы сестрам: «В храм ходите в будни не реже двух раз в неделю. Ходите в храмы, где держатся богослужебного устава. Не оставляйте Иисусовой молитвы. Каждый день читайте Библию, Псалтирь или что-нибудь духовно-нравственное. Заботьтесь друг о друге».

Руководителем общины, расположенной в Старом Петергофе, священномучеником митрополитом Вениамином был назначен иеромонах, а с 1930 года — игумен Варсонофий. Благодаря его мудрости, кротости, смиренности, дару рассуждения и утешения община за десять лет своего существования принесла обильные плоды.

Подворье Серафимо-Дивеевского монастыря возникло в Старом Петергофе вскоре после обретения мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца, в 1903 году. Земля, пожертвованная для подворья, находилась в деревне Бобыльское близ Ораниенбаумского шоссе. Деревня располагалась на самом берегу Финского залива, в ней жили рыбаки и огородники.

Зимний деревянный храм подворья был освящен в честь иконы Божией Матери «Умиление» (празднуется 10 августа по новому стилю), летний каменный храм — во имя преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Построенный в самом начале XX века в московско-нарышкинском стиле, он был очень красив. В книге «Путеводитель по Петергофу» начала XX века при описании окрестностей Старого Петергофа приводится фотография этого храма с подписью «Саровский монастырь». Отмеча-

ется, что этот «женский монастырь находится еще в зачатке, главный храм его не кончен отделкой».

На подворье жили восемьдесят сестер во главе с монахиней Агнией. Затем старшей была назначена сестра матушки игумении монахиня Феофания (Траковская). Сестры жили в Петергофе под особым покровительством царской семьи. С наступлением революции 1917 года жизнь сестер на подворье стала крайне неспокойной. И в конце 1921 года сестры покинули подворье.

Благочинным женских монастырей Петроградской епархии был в то время архимандрит Гурий (Егоров). Это и помогло ему, по благословению митрополита Вениамина, поселить летом 1922 года на покинутом подворье иеромонаха Варсонофия с сестрами-братчицами. Старшей была сестра Нина — Нина Сергеевна Яковлева (31 октября 1898—22 января 1965). Хором руководила сестра Настя — Анастасия Сергеевна Заспелова, впоследствии монахиня Сергия (31 октября 1898—5 сентября 1982). Еще с ними были сестры Шура — Александра Андреевна Литовченко (1896—21 октября 1976), Елена — Елена Васильевна Белова (скончалась в ссылке в Чемкенте 26 июля 1932 года в возрасте 28 лет). Самой молодой была сестра Женя — Евгения Иосифовна Фалькевич (1910—16 декабря 1966). Она до последних дней ухаживала за болящим игуменом Варсонофием в Новгороде, куда вместе с ним переехала в 1933 году. Близка к ним была и Наталья Николаевна Копреева (1900—17 августа 1986). В Петергофе она постоянно не жила, поэтому и избежала впоследствии ареста и гонений.

Сестры Нина и Настя монашеский постриг приняли гораздо позже петергофского периода жизни. Постригал их митрополит Гурий, когда в 1938—1944 годах в сани архимандрита тайно совершал богослужения в Фергане. В Петергофе же, живя по существу монашеской жизнью, они были простыми послушницами. Впоследст-

вии, в 1957 году, Владыка Гурий (тогда он был архиепископом Днепропетровским и Запорожским) возвел монахию Серафиму в сан игуменьи. Остальные сестры до конца дней своих не имели даже иноческого пострига. Но образ жизни их был иноческим по существу. Все, кто их знал, говорили о том, каким светлым и радостным был общение с ними.

Об этой Петергофской общине В. В. Антонов пишет так: «По составу и образу жизни община заметно отличалась от общины на Конной улице. Все сестры были из простых семей, и революцию большинство из них пережило в юном возрасте. Только Яковлева и Литовченко имели среднее образование. Первая окончила гимназию, вторая — коммерческое училище. До переезда в Петергоф Фалькевич была кустарем, Литовченко — счетоводом, Белова служила в Наркомпросе... При поступлении в общину игумен Варсонофий каждую сестру благословлял молитвою, четками и монашеским поском».

Трудиться сестрам приходилось много. Службы совершались ежедневно по монастырскому уставу, и все сестры на них присутствовали. Вместе они совершали утреннее и вечернее правило с чтением Псалтири и Нового Завета. За десять лет никто из сестер не покинул подворья даже на короткое время.

Вначале сестры помогали огородникам села Бобыльское обрабатывать их участки. Затем по благословению отца Варсонофия сестра Нина стала хлопотать о выделении их общине земельного участка. Так у сестер появился свой огород. Позже они завели и корову. Заспелова шила одеяла, Яковлева работала белошвейкой. Продукты и деньги жертвовали прихожане. Принимали сестры и братиц — с Конной, из Федоровской церкви, с киновии Александро-Невской Лавры. Приезжали к ним священники: архимандрит Варлаам (Садердоцкий), архимандрит

Лев (Егоров), игумен Серафим (Суторихин), иеромонах Сергей (Ляпунов), архимандрит Вениамин (Эссен). Был в Старом Петергофе и архиепископ Полоцкий и Витебский Гавриил (Воеводин), служивший на покое в Творожковском подворье.

Жили сестры очень дружно. Игумен Варсонофий имел дар рассуждения и утешения. Это был плод его сердечной умной молитвы. Из живого общения со старцами в Оптиной пустыни, на Валааме и на Соловках, он знал, каким должно быть старческое окормление человеческих сердец. А сердце сердцу весть подает. Вот и потянулся к нему народ из деревни Бобыльское, из Ломоносова, из Старого и Нового Петергофа, из Питера.

Рядом с подворьем был дом, в котором жила семья Паниных. Хозяйка этого дома, Татьяна Федоровна (скончалась 27 октября 1941 года), была старостой и летнего, и зимнего храмов. Ее сын, юный иеродиакон Нектарий (Николай Васильевич Панин, 1906—1933) полюбил отца Варсонофия и, приняв в двадцать лет монашеский постриг и сан диакона, стал помогать ему по храму. В этом отец Варсонофий очень нуждался, так как уже тогда у него стал проявляться тяжелейший недуг — болезнь Паркинсона. Молодой отец Нектарий тоже был болящий. Он страдал бронхиальной астмой, от которой и скончался в ссылке близ Алма-Аты на станции Или. Ему было всего 27 лет.

Сестра Настя, которой отец Варсонофий поручил управлять хором, не имела музыкального образования. Но у нее был хороший слух. И Господь ей помог. Она очень умело управляла хором из двенадцати молодых девушек. Среди них была и сестра отца Нектария — Ольга Васильевна Панина (3 июля 1914—26 апреля 2000).

Сестры занимались с девушками Законом Божиим. Образовалась дружная духовная семья, которой мудро руководил отец Варсонофий. Обретя сердечной, умной молитвой путь ко Господу, он примером своей жизни стре-

мился вести по нему и своих духовных чад. Утверждал он их на этом пути кротким и ласковым с ними обращением. Поучал и наставлял отца Варсонофия редко. В памяти духовных чад отца Варсонофия сохранилось его любимое изречение: «Любовь и кротость и зверя делают человеком». А про себя он говорил: «Я пирожок ни с чем». И слышавшие чувствовали, что слова эти исходили из сердца, стяжавшего истинное Христово смирение.

Сохранились написанные карандашом рукою отца Варсонофия конспект одной его духовной беседы и его проповедь в Великий Пяток.

17-я неделя по Пятидесятнице

1. «Возжада Тебе душа моя!» (Пс. 62, 2).
2. Жажда души — стремление к Богу.
3. «Как олень стремится на источники водные, так стремится к Тебе, Боже, душа моя» (Пс. 41, 2).
4. Стремление преодолеть все преграды.
5. Удовлетворение жажды — радость единения с Богом.
6. Единение с Богом — в молитве.
7. «Молитву пролию ко Господу...» (Ирмос первой песни молебного канона Божией Матери).
8. «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы не попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф. 18, 19).
9. Где два — там три: Христос присутствует (Мф. 18, 20).
10. Моя молитва грешная, но Христос молится.
11. Три условия успешности молитвы: молитва во имя Господа Иисуса, полное единение с Ним, вера в получении просимого.
12. «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф. 16, 24, Мк. 8, 34).

13. Духовное одиночество, Гефсимания (скорби), Голгофа.

14. Надо свою волю слить с волею Божией.

15. Если вся цель, вся главная задача нашей жизни — делать угодное Богу, тогда мы можем смело просить у Него всего, что нам хочется получить, и будет нам дано.

Эти пятнадцать тезисов можно уподобить пятнадцати ступеням восхождения ко Господу нашему Иисусу Христу. Отец Варсонофий прошел этот путь, и сестры хорошо знали, что их батюшка находится на пятнадцатой ступени. Зная это, они в те тревожные годы жили спокойно, так как были уверены, что все, что им нужно и полезно, — о том батюшка помолится и будет им дано.

Текст проповеди отца Варсонофия в Великий Пяток также ярко характеризует то, каким он был и как воспитывал своих духовных чад. Прочтя эту проповедь, поражаешься прежде всего тому, как в такой сжатой форме, без единого лишнего слова, отец Варсонофий сумел во всей полноте охватить события Страстной седмицы. Поражает и актуальность ее содержания. Знаменательно, что некоторые из затронутых вопросов стали еще более насущными в настоящее время.

Проповедь игумена Варсонофия в Великий Пяток

1. Когда дети соберутся ко гробу отца, то после слез и сетования, первым делом их бывает узнать последнюю волю умершего, узнать его завещание. В прошедшие дни, братие, и мы сетовали, воздыхали и молились, вспоминая страдания и смерть Господа нашего. Время теперь, окружая гроб Его, узнать и Его последнюю волю о нас. Не может быть, чтобы Он отошел от нас к Отцу, не оставив нам какого-либо завещания. Но вот и книга завета на персях Его! Дерзнем, братие, дерзнем разогнуть сию Священную книгу, да увидим и услышим, что речет о нас Господь.

2. В прощальной беседе Господь говорит: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13, 34). Спросим себя: любим ли мы друг друга, любим ли ближнего своего и этим исполняем ли заповедь Христову. Увы! К великому сожалению — нет. Злоба и ненависть, осуждение ближнего на каждом шагу у нас. С неприязнью, с нелюбовью относимся мы к ближнему своему. А почему? Да потому что не любим Господа своего. Если бы мы любили Его, то все заповеди Его соблюдали бы свято. Теперь здесь перед святым гробом уместно дать отчет о своем отношении ко Христу.

3. С кем мы? С друзьями Его или с врагами. Правда, сейчас мы будем подходить к сему святому гробу, поклоняться и лобызать пречистый язык Господа. Но ведь этого приближения мало. Приближались к Нему усты своими и враги Его и устами чтили Его, сердце же их далеке отстояло от Него. И мы, братие, воспеваем ныне славу божественного Страдальца, но где ныне сердца наши? Не далеке ли они от Христа? Не земные ли заботы их наполняют? Не остались ли они непримиренными с обидевшими нас? Не остались ли они неотрешенными от похоти плоти, от похоти очес и гордости житейской? К кому мы можем причислить себя? К верным ли Ему предстоятелям у креста или же, наоборот, к врагам Его?

4. Всякий раз, когда мы встречаем насмешку над верой Христовой, когда мы оказываемся лишенными мужества настолько, что поддаемся хулителям имени Божия, когда мы ради мирского страха стыдимся исповедать свою веру в Него, — всякий раз мы тем самым уподобляемся малодушью Его учеников, разбежавшихся при виде вооруженных врагов.

5. Когда мы стараемся скрыть свою веру перед людьми, когда мы опасаемся, чтобы люди не заметили

нашего благочестия, не прочь бываем даже похвастать своим пренебрежением к обязанностям христианина, когда мы славу мира сего любим больше, чем славу Божию, тогда мы повинны в отречении апостола Петра.

Но если чувственные страсти или сердечная злоба побуждают нас на сознательное отступление от Христа; если не добро, но сознательное зло вносим в жизнь и вредим славе Божией, то тогда мы повторяем гнусные дела Иуды-предателя.

Перед тем, как подойти к этому гробу и лобызать лежащего в нем Божественного Страдальца, нам надо очистить наши мысли и чувства от всякой скверны, иначе нам невозможно будет шествовать за нашим Искупителем, иначе мы отстанем от Него и останемся — кто во дворе Каиафы, с одним внешним видом благочестия, кто в претории Пилата, с одной личной правды, с омытыми руками, но с оскверненной совестью. Пусть послужат примером для нашего подражания Пресвятая Дева Мария, возлюбленный ученик Христов апостол Иоанн, Иосиф с Никодимом, мироносицы и благоразумный разбойник.

Трудно передать все то, что пережила Богоматерь, стоявшая у креста. Трудно представить себе всю скорбь и тяжесть мучений Ее, когда она вопияла: «Увы мне, чадо мое, увy мне, свете мой!»

Но и при всех этих страданиях она не падала духом, но хотя и с болью в сердце, все же стояла у креста, научая нас безропотному и терпеливому несению своего креста.

Апостол Иоанн, стоявший у креста, научает нас не оставлять Господа и Спасителя своего, если бы даже большинство оставило бы Его. Возлежавший на персях Господа на Тайной Вечери, он и в минуты последних страданий не разлучился с любимым Учителем. Пусть же ни злоба, ни ложь, ни клевета против-

ников Христовых и вообще всех богоборцев не запугают и нас в исповедании веры Христовой и не разлучат от любви к Господу Богу. Сатане ненавистно празднование Пасхи, и он все силы прилагает к тому, как бы отвлечь от церковного празднования побольше людей. Для таковых в городе в пасхальную ночь будут устроены увеселения. Жалкие слезы не вкусят духовной радости пасхальной, не насладятся светлым торжеством. Затем, Иосиф, осмелившийся войти к Пилату и просить тело Господа с Никодимом, пусть научает нас быть верными учениками Христовыми, несмотря на опасность быть преданными Господу.

Остановим еще наше внимание на женах-мироносицах. Велико их было усердие, велика любовь к Спасителю. Они шли за Спасителем и плакали, когда Он нес свой крест. Они же стояли у креста Его и присутствовали при Его погребении. Они же первыми пришли на гроб Спасителя. Но за это усердие и любовь велика им была и награда. Господь первым явился им по воскресении и сказал им: «Радуйтесь!». Они же были и первыми провозвестницами Воскресения Христова.

Матери-христианки, особенно первых веков христианства, подражая женам-мироносицам, были первыми провозвестницами учения Христова в своих семействах и воспитали таких светил и учителей Церкви, как Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, блаженный Августин. Никакие языческие школы не могли разрушить то, что было заложено в их души христианским воспитанием матерей. Жены-христианки нашего времени! Подражайте им в любви к Богу и в воспитании своих детей. Учите вы, матери, своих детей вере в Бога и доброму поведению. И если мать будет стараться об этом, то никакая школа не сможет испортить ребенка.

Наконец, вспомните, братие, еще одного соучаст-

ника страданий Христовых, а именно покаявшегося разбойника. Много грехов лежало на его душе. Множество грехов есть и у нас. Вспоминая же благоразумного разбойника, убедимся в великой силе всепрощения Христова искренне кающихся.

Попросим у Господа со слезами покаяния прощения и наших согрешений. С твердой покаянной верой преклонимся перед Его святым гробом, очищая сердце свое молитвой от всякого лукавства и повторяя с сокрушенным сердцем слова молитвы: «Ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедую Тя: помяни мя, Господи, во царствии Твоем».

Еще одним свидетельством того, как происходило обучение духовной жизни в Старом Петергофе, являются сохранившиеся пометки старца Варсонофия в книге «Лествица» преподобного Иоанна, игумена Синайской горы. На странице 309 читаем: «Слово 28-е о матери добродетелей, священной и блаженной молитве, и о предстоянии в ней умом и телом». Рукой отца Варсонофия на этой странице написано карандашом: «Читано за Литургией в воскресенье, 4 неделя Великого Поста, в 1926 году». Отметим, что это было 11 апреля по новому стилю, а Пасха в том году была второго мая. Текст испещрен пометками, сделанными отцом Варсонофием. Какие же именно места остановили внимание отца Варсонофия?

«Молитва... есть пребывание и соединение человека с Богом... мост для прохождения искушений... пища всех бесплотных. Молитва истинно молящемуся есть суд, судилище и судный Престол Господа, прежде будущего судилища в последний день».

«Намереваясь предстать царю и Богу и беседовать с Ним в молитве, не должны мы приступать к сему не приготовившись. Чтобы Он, издалече узрев нас, не имеющих оружия и одеяния, которые должны иметь предстоящие

царю, не повелел своим рабам и служителям связать нас, и далече от лица Своего отринуть, а прошения наша разодрать и бросить нам в лице».

«Если ты в каком-либо слове молитвы почувствуешь особенную сладость или умиление, то остановись на нем и пребывай в нем; ибо тогда и Ангел-хранитель наш молится с нами».

«Если кто-нибудь просит тебя помолиться о нем, то хотя ты и не стяжал еще дара молитвы, — не отрицая: ибо часто вера просящего молитвы спасает и того, кто молится об нем с сокрушением сердца».

Отец Варсонофий пользовался всеобщей любовью. В Сергиевой Пустыни под Питером жил в это время иеромонах Варнава, которого отец Варсонофий знал по Оптиной Пустыни. Познакомились с ним и сестры и очень полюбили его. Он был хромешный (ходил на протезе), и сестры, увидев его приближавшимся к их дому, всегда выбегали навстречу. Он ласково приветствовал их: «Детки мои». Запомнились и такие его слова: «Трудитесь, молитесь, не расходитесь». И отцу Варсонофию, и отцу Варнаве было открыто, что всем им выпадет пострадать за Христа. И они заранее готовили отца Нектария и сестер к исповедническому пути. У них были готовы маленькие узелочки на случай их ареста.

В конце 1931 года сестра Нина Яковлева прямо спросила отца Варнаву, когда их арестуют. Он ответил, что произойдет это после ее именин, то есть после 27 января 1932 года. Так оно и случилось.

Отец Варсонофий жил с сестрами в большом двухэтажном деревянном доме. Члены братства Александра Невского имели возможность спокойно пожить в этом доме, насладиться церковными службами и братским общением с отцом Варсонофием, отцом Нектарием, сестрами. Особенно часто в Петергоф любил приезжать архи-

мандрит Варлаам (Сацердоцкий), который после арестов митрополита Вениамина Петроградского и епископа Иннокентия (Тихонова) в мае 1922 года, архимандритов Гуррия и Льва (Егоровых) в июне 1922 года становится единственным руководителем Александро-Невского братства. Как установил В. П. Филимонов, архимандрит Варлаам был расстрелян в конце 1937 года, будучи заключенным на строительстве Беломор-канала.

Сохранился дневник отца Варлаама с 1 октября 1929 года по 17 марта 1931 года. Приведенные далее строки из его дневника ясно показывают, как велика милость Божия. В июне 1922 года все организаторы Александро-Невского братства находятся под арестом, а затем отправляются в ссылку. И как раз с этого момента в Старом Петергофе их дело начинает расцветать. *Дивны дела Твои Господи!* (Пс. 103).

«Вчера приехал в Петергоф, собираюсь побыть здесь неделю, а потом в Макарьевскую пустынь — это мой отпуск. Перед отъездом сюда моя мысль остановилась на воспоминаниях о пребывании в Петергофе в 1923 году. То было время какого-то духовного увеселения, непередаваемой радости небесного благоухания... Душа моя наслаждалась восторгом молитвы, как келейной, так и церковно-литургической. Сейчас сижу в той же самой келии, где много когда-то пережил и получил. Немного прошло времени. Я уже не тот, это должно сказать с сожалением. Много грязи и непотребного пристало к душе. И вместе с тем я тот же самый — также твердо верующий и ищущий живого общения с Богом, думающий прежде всего о душе...

Болен я сейчас, слабость телесная мешает усерднее заниматься и чтением и молитвой, но все же что-то ободряющее, вселяющее надежду сейчас окружает душу. Мне хочется быть с Богом, и Господь принимает

многогрешную душу, ибо по слову преподобного Исаака Сирина, все грехи наши перед милосердным Божиим, как капля перед морем. Это очень увеселяет и радует душу мою. Не оставь меня, Господи, по милости Твоей, покрой грехи мои и спаси мя! 17 июля 1930 г., среда, Петергоф, А. В.»

Тесную связь с отцом Варсонофием и сестрами имел митрополит Николай Ярушевич, в то время епископ Петергофский (13 января 1892 — 13 декабря 1962). Они знали его по Александро-Невской Лавре, очень любили и уважали. Сердечными и радостными были их встречи его на подворье в день памяти преподобного Серафима. Совершаемые им богослужения и глубокие проповеди запаали в души сестер. Игуменья Серафима говорила, что духовное, молитвенное общение с ним у нее не прекращалось до самых последних дней жизни Владыки Николая.

Высота активной духовной жизни и яркая общественная деятельность основателей Александро-Невского братства архимандрита Гурия, архимандрита Льва, епископа Иннокентия привлекала к ним выдающихся молодых людей из русской интеллигенции. Это иеромонах Сергей (Ляпунов), архимандрит Вениамин (Эссен), профессор Никита Александрович Мещерский. Все они очень любили бывать в Петергофе у «аввы Варсонофия», как они его называли.

Иеромонах Сергей (Борис Сергеевич Ляпунов, 1901—1936) принадлежал к семье Ляпуновых и был сыном известного композитора и инспектора Петербургской консерватории Сергея Михайловича Ляпунова. Окончив гимназию, Борис Сергеевич попал на гражданскую войну и воевал до 1921 года. По линии политотдела он заведовал полковой библиотекой Кавказского полка. В то время он пристрастился к книжному делу и библиотекам. Когда его демобилизовали, он поступил в университет и одновремен-

но в библиотеку Академии наук. Работал в переплетной мастерской у профессора Ивана Дмитриевича Андреева.

Борис Сергеевич Ляпунов начал свою церковную службу еще в консерваторской церкви, закрытой в 1922 году. Поскольку его отец С. М. Ляпунов был старостой этой церкви, Борис Сергеевич стал петь и читать в ней. Отметим, что отец попал в число обвиняемых по делу о церковных ценностях, но впоследствии был освобожден.

Профессор Никита Александрович Мещерский познакомился с Борисом Сергеевичем в киновии Александро-Невской Лавры. Он вспоминал: «Мы часто вместе бывали в киновии, читали, пели, а после Литургии собирались у отца Гурия и очень сблизились. Борис Сергеевич был замечательной наружности — герой Куликовской битвы, настоящий древнерусский витязь, статный, стройный, высокого роста, с бородой и кудрями.

В пред рождественские дни 1928 года Борис Сергеевич принял монашеский постриг в киновии с именем Сергей. Позже, в Крещение, его рукоположили в иеродиакона, затем в иеромонаха. Он служил в киновийской церкви до нашего ареста 18 февраля 1932 года. Последний раз мы виделись, когда нас из одиночек вызвали для подписания приговора — он получил десять лет, я — пять. Он был отправлен в Темниковский лагерь в Мордовии и там, в конце 1936 года, скончался от туберкулеза. Здоровье у него было слабое, хотя он был спортсменом. Он был талантлив во многих отношениях. Особенно его интересовала церковная история».

В 1932 году был отправлен в Темниковский лагерь на десять лет и отец Варсонофий.

Архимандрит Вениамин (Владимир Михайлович Эссен) был сыном харьковского губернатора Михаила Оттовича Эссена. Владимир Михайлович жил в Харькове до 1919 года, до службы в Белой гвардии. Он принимал участие в походе на Москву, а потом отступал по Военно-

Грузинской дороге. Из Грузии белогвардейцы отправились в Крым, к Врангелю. Когда Врангель эвакуировался, Владимир Михайлович не захотел покидать Родину и остался в Севастополе, где как бывший белогвардеец был взят на учет. Тем не менее его приняли в Академию художеств. Произошло это благодаря его дяде, художнику левого направления, который занимал большой пост и помог своему племяннику.

Церковную жизнь в Петрограде Владимир Михайлович начал жезлоносцем архимандрита, затем епископа Сергия (Зенкевича), настоятеля Троице-Сергиевой пустыни. Он принял постриг с именем Вениамин, стал иеродиаконом, затем иеромонахом и служил на Федоровском подворье, настоятелем которого с 1926 года был архимандрит Лев (Егоров). Примечательно, как его арестовали. Отец Сергей был у отца Вениамина Эссена, который жил на Петроградской стороне, позади Сытного рынка. За ним пришли. Заодно забрали и Ляпунова. Оба они получили по десять лет. Оба были направлены в Мордовию в Темниковский лагерь. О дальнейшей судьбе архимандрита Вениамина ничего не известно. Скорее всего, в 1937 году он был расстрелян.

Все, кто принимали активное участие в жизни Александро-Невского братства, как и предсказывал отец Варнава, были арестованы в одну ночь — 18 февраля 1932 года, в день памяти святителя Феодосия и иконы Божией Матери Взыскание погибших. Архимандрит Лев, архимандрит Варлаам, архимандрит Вениамин и игумен Варсонофий получили по максимуму — десять лет лагерей с конфискацией имущества. Сестру Нину Яковлеву отправили на три года в Казахстанский лагерь близ Алма-Аты. Настю Заспелову, Шуру Литовченко, Елену Белову выслали в Казахстан на три года. Еще раз повторим — милостью Божией было то, что на свободе остались Евгения Фалькевич и Наталия Копреева. Сестра Евгения ухаживала

за болящим старцем Варсонофием, а сестре Наталии удалось сохранить некоторые книги и рукописи, и в частности «Лествицу», а также конспект беседы и проповедь отца Варсонофия в Великую Пятницу.

То, что игумен Варсонофий и другие братья были посланы в Темниковский лагерь в Мордовии, тоже промыслительно. Река Сатис, на которой стоял лагерь, — приток реки Мокши, где подвизался преподобный Серафим. Как видим, он приблизил их к себе.

В мае 1933 года отца Варсонофия как инвалида первой группы выпустили из Темниковского лагеря и отправили в ссылку в Вологду. Но и там его не оставили, а отправили дальше, в республику Коми, в Сыктывкар. Через несколько месяцев батюшке дали послабление и разрешили поселиться в ста километрах от Ленинграда. Поехать в родной дом к матери, которая по-прежнему жила в Гатчине, из-за этих ограничений он не мог и вынужден был искать какое-нибудь другое приемлемое место жительства.

По совету друзей он выбрал Новгород. Друзья помогли ему поселиться в частном доме, что по тем временам было не так уж легко. До самой смерти рядом с отцом Варсонофием была сестра Евгения. Уже много лет спустя она рассказывала, что вся их жизнь была как бы сокрыта от окружающих. Все чудесным образом так устроивалось, что соседи практически никогда их не видели. В тот момент, когда старец Варсонофий и сестра Евгения выходили на прогулку, кругом как будто все замирало. Так прошло несколько лет.

Каждое утро отец Варсонофий вставал на молитву и очень долго молился. Попытки Евгении Иосифовны накормить его завтраком до того, как он закончит свое утреннее молитвенное правило, были тщетными. Молился батюшка обычно до самого обеда. По праздникам они ходили в церковь Михаила Архангела.

Смерть пришла в июне 1939 года. За четыре дня до кончины отцу Варсонофию стало плохо. Телеграммой вызвали мать Ольгу Тимофеевну. Батюшка Варсонофий очень обрадовался, увидев ее, и сказал свое последнее слово: «Мамочка!». Больше он уже не говорил.

В это же время в Питере находился приехавший из Ферганы архимандрит Гурий. С ним вместе были Нина Яковлева, тогда уже монахиня Серафима, и сестра геолога Константина Вендланда, будущего митрополита Иоанна, Елизавета Вендланд. Елизавета Николаевна впоследствии тоже приняла постриг и стала монахиней Евфросинией (31 декабря 1899 — 4 сентября 1970).

Примечательно, что отец Гурий приезжал из Узбекистана совсем по другому поводу. И, в частности, для того, чтобы познакомиться с молодым Сашей Хархаровым, будущим архиепископом Ярославским и Ростовским Михаем. Юноша стремился стать чадом этой духовной семьи, и летом 1939 года произошла их встреча. Приехав из Узбекистана и узнав о состоянии игумена Варсонофия, архимандрит Гурий, монахиня Серафима и Елизавета Николаена поспешили к нему в Новгород. Они успели поспеться с ним и уехали буквально за день до его кончины.

26 июня 1939 года в четыре часа двадцать минут дня все стояли вокруг одра старца Варсонофия. В последние секунды жизни он, молчавший три дня, трижды пропел «Аллилуйя». По свидетельству очевидцев, в этот момент как бы молния пронеслась вверх от кровати, на которой лежал отец Варсонофий. Он испустил дух и остался с открытыми глазами. Его кончина была подобна кончине святых Отцов, труды которых он усвоил и умом и сердцем по «Добротолюбию».

Игумен Варсонофий погребен в Новгороде на Петровском кладбище.

Учение о молитве по Добротолюбию

Кандидатская диссертация студента
Петроградской Духовной Академии

В. С. Вережкина.

1921 г.

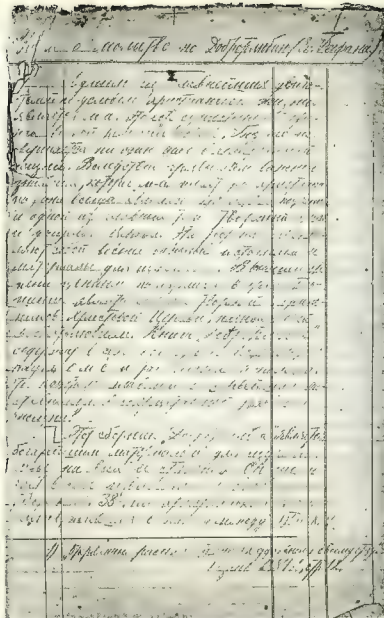

Глава 1

ДОБРОТОЛЮБИЕ — ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК УЧЕНИЯ О МОЛИТВЕ

1.1. Одним из главнейших двигателей и условий христианской жизни является молитва. Это есть существенный признак всякой религии вообще. Без нее не совершается ни один шаг в христианской жизни. Вследствие чрезвычайно важного значения, которое молитва имеет для христианина, она всегда являлась предметом поучений и одной из главных тем творений отцов и учителей Церкви. Эти творения представляют собой весьма важные источники и материалы для ее изучения. В высшей степени ценным памятником в этом отношении является сборник творений подвижников Христовой Церкви, называемый «Добротолюбие». Книга «Добротолюбие» содержит в себе полную и подробную науку о молитве. Эта книга так высока и полезна, что почитается главным и первейшим наставником в созерцательной духовной жизни.

Сборник «Добротолюбие» является богатейшим материалом для изучения молитвы на всех ее ступенях. В него вошли извлечения из письменных творений тридцати восьми христианских подвижников, живших в период между IV и XIV веками. В этих творениях заключаются интересные данные о переживаниях, которые испытывали подвижники при прохождении ими подвижнического пути, при прохождении ими молитвенного подвига. С первого и до последнего тома красной нитью проходит в них учение о молитве. Подвижники, создавшие этот коллективный

Начало работы над диссертацией. Весна 1920 г.

Первая страница рукописи

труд, не суть теоретики, лишь рассуждающие о молитве и дающие ее определение. Нет, это люди, практически прошедшие молитвенный подвиг и испытывшие на себе все то, чему учат в своих творениях. В «Добротолюбии» мы имеем дело с точною записью того, что испытывали подвижники, проходя духовную жизнь. Причем запись эта, по словам еп. Феофана (Вышенского Затворника), редактировавшего «Добротолюбие», сделана собственными словами святых отцов.¹

Подвижники в трудах и подвигах своей жизни пережили все то, что дает молитва. Они на опыте убедились в ее силе и значении для человека. Отсюда-то и вытекает их непоколебимая уверенность в благодатном действии на человека совершенной молитвы. Все это вместе с теми результатами, каких достигали подвижники, невольно привлекает и заинтересовывает читающего и изучающего «Добротолюбие».² Этим же объясняется и тот интерес, который вызывал этот сборник среди любителей благочестия еще при первых своих изданиях.

1.2. «Добротолюбие» представляет собою весьма обширный сборник, состоящий из пяти больших томов и имеющий почти 3000 страниц текста. Оно издавалось в России несколько раз, и первое его издание на славянском языке вышло в 1793 году, будучи издано трудами известного подвижника Паисия Величковского, возродившего у нас старчество. Первое издание называлось «Добротолюбие или Словесы и Главизны Священного Трезвения. Перевод с еллиногреческого языка в трех частях» и заключало в себе творения лишь семнадцати подвижников.

На русский язык оно было переведено Преосвященным Тамбовским Феофаном Затворником в период с 1833 по 1890 год, причем в русское издание вошли творения уже тридцати пяти подвижников. После того «Добротолюбие» несколько раз переиздавалось, и в него вошли

уже творения тридцати восьми подвижников, которые и послужили материалом для настоящего труда.

Во вступлении еп. Феофан объясняет появление русского перевода назревшей необходимостью. Говоря, что читающие его, услаждаясь и назидаясь сокровищами духовной мудрости, заключенной в нем, высказывали сожаление, «что многое в книге остается непонятым не по высоте и глубине содержания, а по устарелости перевода». Епископ Феофан заключает, что очевидно потому потребность нового перевода сей книги.³

Далее он сообщает, что потребность эта частично удовлетворялась переводами, опубликованными в журнале «Христианское чтение» с первых лет его издания, а также изданиями отдельных статей, входящих в состав «Добротолюбия». Затем еп. Феофан говорит, что при составлении настоящего сборника сначала он имел в виду «лишь проверить переведенное уже, доперевести недопереведенное и дать читателям «Добротолюбие» в русском переводе, — в том составе, какой оно имеет на греческом языке». Но потом он пришел к убеждению, что для нас необходимо его увеличить сравнительно с греческим, так как последнее не содержит всего того, что дали святые отцы о руководстве в духовной жизни, и чем желалось бы ему доставить и пользу и утешение любящим такое чтение. Отсюда предлагаемый сборник — тоже «Добротолюбие», только расширенное.⁴

Кроме этого, еп. Феофан предупреждает, что не все писания святых отцов внесены в сборник сполна. Многое, говорит он, было удобнее представить в извлечении, что и делалось иногда в систематическом порядке, а иногда без него — в виде отдельных изречений.⁵

1.3. Самое слово «Добротолюбие» есть перевод греческого слова «Φιλοκαλία», которым озаглавлен греческий подлинник. Оно означает: любовь к прекрасному, возвы-

шенному, доброму. «Ближайшим образом, — поясняет еп. Феофан, — оно содержит в себе истолкование сокровенной в Господе Иисусе Христе жизни». Проявления этой жизни, в которой заключается существо христианства, не менее обильны и разнообразны, как и явления обычной жизни. Далее еп. Феофан поясняет: «И если б все, бывающие там: вражеские нападения и искушения, борьбы и одоления, падения и восстания, зарождения и укрепления разных проявлений духовной жизни, степени общего преуспеяния и свойственное каждой состояние ума и сердца, взаимодействие во всем свободы и благодати, ощущения близости и отдаления Божия... — если бы все это и многое другое, неразлучное с истинною в Господе жизнью, могло быть ясно и удобопонятно изображено, то представило бы картину сколько привлекательную, столько же и поучительную, — картину, похожую на всемирное путешествие».⁷

Далее епископ Феофан сравнивает путешественников, пишущих путевые заметки, со святыми отцами, проследившими в разных направлениях все тропы духовной жизни и написавшими свои заметки обо всем, что встречали и испытывали в многотрудном шествовании своем.⁸

1.4. Так как в прохождении духовной жизни очень большое значение имеет молитва, то поэтому в «Добротолубии» ей уделено весьма много внимания. В нем она рассматривается всесторонне, во всех ее проявлениях и степенях. Начиная с низшей, внешней, и кончая высшей, умной молитвой, молитвой совершенных; пред нашим взором раскрывается последовательная цепь степеней молитвенного подвига, выясняются смысл и цель молитвы, и очевидными становятся те неоценимые блага, которые дает она.

Предметом нашего исследования является рассмотрение этого учения, изложенного христианскими подвижниками на страницах «Добротолубия».⁹

Глава 2

СУЩНОСТЬ МОЛИТВЫ И МНОГООБРАЗИЕ ЕЕ ВИДОВ

2.1. Определения понятия молитвы даются на страницах «Добротолубия» неоднократно. Можно насчитать свыше ста различных названий и сравнений, прилагаемых к молитве. Наиболее широкое определение молитвы дает св. Исаак Сириянин. «Надлежит знать нам, — пишет он, — что всякая беседа к Богу, совершаемая втайне, всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном устанавливается молитвою и нарицается именем молитвы и под сим именем сводится воедино, — будешь ли разуметь различные чтения, или глас уст в славословии Богу, или заботливую печаль о Господе, или телесные поклоны, или псалмопение, или все прочее, из чего составляется весь чин подлинной молитвы».¹⁰ Таким образом, всякое возношение ума к Богу, всякая мысль о Боге, проявляются ли они во вне или нет, св. Исаак именует молитвою.

Беседую с Богом,¹¹ беседуя ко Господу¹² называет молитву также и прп. Нил Синайский, св. Феодор Едесский, Феолитг, митр. Филадельфийский, св. Григорий Синаит и св. Григорий Палама. Святой Феодор Едесский, свв. Каллист Патриарх и инок Игнатий молитву называют царицей добродетелей.¹³ Святой Феодор Студит сравнивает ее с мечом,¹⁴ необходимым для борьбы с врагами спасения человека, а также называет ее «напутствием в вечную жизнь».¹⁵ Святой Исаак Сириянин характеризует

молитву еще как «прибежище ищущим помощи, источник спасения, сокровище упования, пристань, спасающая от тревожения, опора немощным, покров во время искушений, щит избавления в брани, стрела, изощренная на врагов».¹⁶ По словам свв. Каллиста Патриарха и инока Игнатия молитва есть «начало всякого Боголюбивого действия»¹⁷ и «пища душу укрепляющая».¹⁸ Наконец, св. Григорий Синаит, называя молитву «Евангелием Божиим... символом святости, познанием Бога... обручением Духа Святаго... печатью Христовою... благодатию Божией... Божиим явлением»,¹⁹ заключает, что «молитва есть Бог, действующий все во всех».²⁰ Последнее определение, будучи синтезом всех остальных, показывает, насколько всеобъемлющей является молитва по своему существу и силе в представлении подвижников.

2.2. Говоря о молитве, что она есть «глава всякого дела»,²¹ св. Симеон, архиеп. Солунский, указывает также, что она «есть от Бога преподанное нам дело».²² О божественном установлении молитвы свидетельствуют и другие писатели. Так, св. Марк Подвижник,²³ Каллист Патриарх и инок Игнатий²⁴ говорят, что молитва есть заповедь. Святой Исаак Сирианин приводит слова Господа, призывающего к молитве: *Бдите и молитесь, да не внидите в напасть* (Мф. 26, 41), и слова апостола Павла: *Молитесь — будьте не ленивы, во всякое время бодрствующе и молящиеся* (Кол. 4, 2—3).²⁵ Далее он говорит, что Иисус Христос к большей рачительности подвиг нас притчею о друге, просившем неотступно ночью о хлебе (Лк. 11, 5—8).²⁶ Каллист Патриарх и инок Игнатий указывают²⁷ на ряд выдержек из слова Божия, где говорится о молитве как о заповеди Господней: *Если чего попросите во Имя Мое, Я то сделаю...* (Ин. 14, 14); *Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна* (Ин. 16, 24) и т. д. Подобно этому и Симеон, архиеп. Со-

лунский говорит, что Господь Своими словами «научает нас внутренней молитве, вниманию ума и молитве непрестанной».²⁸

По объяснению св. Феофита, митрп. Филадельфийского, первая и главная заповедь о любви к Богу исполняется человеком тогда, «когда ум, слово и дух (сердце) припадают к Богу, первый — вниманием, второе — призыванием, третий — умилением. Тогда весь внутренний человек службу совершает Богу, как заповедует и Господь: *Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего* (Лк. 10, 27) и прочее. Таким образом, осуществление этой главнейшей заповеди достигается при призывании Бога умом, устами и сердцем. Но призывание Бога не должно обязательно всегда заключаться в указанных трех видах. Часто бывает, что один из них заменяется другим, и все они равносильны искреннему мысленному возношению молитвы к Богу. «Если во время псалмопения или когда бываешь с людьми, — говорят свв. Варсануфий и Иоанн, — случится тебе призвать Бога, — не подумай, будто без устнаго произношения ты не призываешь Его, но помни, что Он Сердцеведец и взирает на сердце, — и призывай Его в сердце твоём. Это и есть сказанное в Писании: *Затвори дверь твою и помолись Отцу твоему тайне* (Мф. 6, 6). Если же и не произнесешь в сердце имени Божия, а только вспомнишь о Боге, то это еще скорее призывания, — и достаточно в помощь тебе».²⁹

2.3. Но, несмотря на то, что молитва, разнотворная, может быть одинаково услышанной, все же она различается по степеням совершенства, по своим качествам. Начиная с обыкновенной, общедоступной, молитва имеет несколько видов и, постепенно совершенствуясь, завершается «умной молитвой» в ее высших состояниях, когда человек «вкусит и чувством ощутит, яко благ Господь, и усладится тем».³⁰ Этого возвышеннейшего состояния

должны искать люди, по словам св. Кассиана Римлянина, как заповеданного и внушаемого нам молитвою Господнею *Отче наш...* (Мф. 6, 9—13).³¹

«Много есть образов молитвы, — говорит св. Марк Подвижник, — один от другого отличных... ни один образ молитвы не бывает вреден, кроме того, что не есть молитва, но делание сатанинского». ³² Вот об этом разнообразии молитвы, о разных видах и качествах ее и трактуют обстоятельно подвижники на страницах «Добротолюбия». ³³

Прежде всего следует отметить, что всех видов молитвы так много, что, их, как говорит св. Кассиан Римлянин, без «особенного сокрушения сердца, чистоты души и просвещения от Духа Святого невозможно объять. Их столько, сколько в одной душе, или и во всех душах может породиться разных состояний и настроений». ³⁴

Далее св. Кассиан говорит, что «никем не могут быть воссылаемы всегда однообразные молитвы», ибо они зависят от состояния ума, в котором он или случайно находится, или в зависимости от своего духовного роста». ³⁵

Затем святой отец перечисляет различные состояния души, вызывающие молитву и соответствующие ей. «Веселый иначе молится, — свидетельствует он, — когда весел; иначе, когда обременен печалью или нечаянием; иначе, когда процветает в духовных преуспеяниях; иначе, когда угнетается множеством вражеских нападений; иначе, когда спрашивает отпущение грехов; иначе, когда молит о приращении благодати или о стяжании какой-либо добродетели, или о погашении какой-либо страсти; иначе, когда поражен бывает страхом при размышлении о геенне и будущем суде; иначе, когда воспламеняется надеждою и желанием будущих благ; иначе, когда бывает в нуждах и опасностях; иначе, когда наслаждается безопасностью и миром; иначе, когда осиявается откровениями небесных тайн, и иначе, когда скорбит о бесплодии в добродетелях и сухости чувств». ³⁶

Самый простой, элементарный вид молитвы — это молитвенное размышление, о чем говорит св. Исаак, называя его попечением ума о Боге ³⁷ и размышлением о духовном. ³⁸ Подобного рода движение ума нельзя, конечно, назвать молитвою в собственном смысле. Такового его можно назвать лишь имея в виду широкое определение молитвы, данное св. Исааком.

К молитвенному размышлению призывает и св. Григорий Синаит: когда ум изнемогает от взывания к Богу, не чувствуя между тем теплоты или вознесения, тогда... займись размышлением о каком-либо слове Писания (и вообще Богомыслием); или в размещении о смерти погрузись. ³⁹ Это же советует и св. Каллист Тиликуда, предлагая ум возбуждать к деятельности и сердце располагать прилепиться к Богу путем размышления о прочитанном из Писаний и о дивных вещах, видимых в творении. ⁴⁰

2.4. Молитвою в собственном смысле называется прежде всего молитва обыкновенная, состоящая в чтении определенных молитвословий по книге или наизусть, причем это сопровождается поклонами и крестным знаменiem. Эта молитва знакома всем христианам, ибо она является исходным началом духовно-нравственной жизни всякого человека. С этой молитвы начинают люди свой молитвенный подвиг. Она еще далека от совершенства, часто прерывается посторонними мыслями и разнообразными мечтаниями. Преподобный Филофей Синайский говорит, что душа «как стеною будучи ограждена и окружена духами злобы, связуется узами мрака, — и по причине этого... не может молиться как следовало бы». ⁴¹

Когда же человек освобождается, до некоторой степени, от одолевающих его помыслов во время молитвы, то он восходит на высшую ступень общедоступной молитвы. Признаком таковой являются чувства умиления, духовной

радости и веселия. «Святое Имя Христово, без помыслов нами возглашаемое, — говорит прп. Исихий, пресвитер Иерусалимский, — чем чаще призываем Его, тем более умягчает землю сердца нашего, преисполняя его радости и веселия».⁴² Святые Варсануфий и Иоанн указывают на умиление, как на результат молитвы без помыслов, молитвы внимательной: «Умиление приходит, говорят они, — когда кто возбуждает ум свой ко вниманию произносимых им слов и восприимлет в свою душу силу, заключающуюся в них».⁴³

На этих разновидностях молитвы, на ее первой ступени, следует остановиться подробнее, вследствие ее распространенности и общедоступности для верующих.

Глава 3

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ МОЛИТВЫ — МОЛИТВА УСТАМИ

3.1. Как было уже сказано, молитва низшая, на первой ступени, прерывается помыслами и телесными заботами. Она «далека от устроения, подобающего молящемуся».⁴⁴ Преподобный Нил Синайский говорит, что молящийся такую молитвою, «не слышит сам себя, туда и сюданосясь мыслию и не помня, какие произносит слова».⁴⁵ Человеку, не научившемуся сосредоточению в молитве, человеку, не умеющему собирать свой ум, немислимо молиться чистой и неразвлеченной молитвой. До тех пор, пока молящийся будет нерадеть о собрании ума своего во время молитвы, до тех пор она не будет действенной и услышанной. «Будет ли Божественный слух, — спрашивает прп. Нил, — внимать тому, чему по рассеянности не внимает сам он (молящийся. — *изум. В.*)?» Ведь «у говоривших, — добавляет он, — *во мнѣ молению моему, во уши молитву мою* (Пс. 16, 1) и *да будут уши Твои внимлюще гласу моления моего* (Пс. 129, 2) весь ум тщательно был собран там и не разливался, на что обыкновенно разливается и рассеивается не владеющая собою мысль нерадивых».⁴⁶

Таким образом, одним из условий для перехода от низшей степени молитвы к совершенной является борьба с помыслами. «Начало молитвы, — как говорит и св. Иоанн Лествичник, — состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы при самом их появлении».⁴⁷ Только тогда, когда посторонние, развлекающие молящегося мысли, будут

прерваны в самом начале и искоренены вовсе, возможно будет человеку углубиться в слова произносимой молитвы. Это и будет уже вторая степень молитвы, когда, по словам прп. Нила, «произносятся слова, а ум с умилением следует за оными и знает, к Кому обращает прошение». ⁴⁸ Подобное состояние, когда «ум заключается в словах, которые говорим или помышляем», ⁴⁹ св. Иоанн Лествичник именует серединой молитвы, ⁵⁰ так как такая молитва занимает срединное положение между низшей и высшей молитвами.

Когда же человек постепенно достигнет того, что «памятию Божию затворит уму все исходы, тогда он имеет нужду дать уму какое-нибудь дело, обязательное для него, в удовлетворение его приснодвижимости». ⁵¹ Необходимо, таким образом, не оставлять ум праздным, так как он по природе своей не может быть таковым, и вместе с тем не предоставлять его самому себе, так как он сразу же наполнится праздными и греховными мечтаниями. «Ему должно дать, — говорит блаженный Диадокх, — только Священное Имя Господа Иисуса, Которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность в достижении предложенной цели». ⁵² Конечно, это возможно только при помощи Божией, ибо никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым (1 Кор. 12, 3). С нашей же стороны требуется, чтобы ум наш «не уклонялся ни в какие сторонние мечтания». ⁵³

«Остерегайся всего внешнего, — говорит св. Исаак Сирианин, — что побуждает тебя к вожделениям... В надежде же будущего занимай себя памятованием о Боге, старайся выразуметь хорошо смысл тропарей». ⁵⁴ Занятие ума сознательною молитвою и памятью о Боге необходимо, по словам св. Исаака, тем, «кто не приобрел еще силы истинного созерцания», ⁵⁵ еще не достиг высшей ступени совершенной молитвы. Таковым он советует вместе с памятью о смерти и надеждою на будущее, пребывая наеди-

не в кельи, занимать «себя всегда чтением тропарей и кафизм». ⁵⁶ Кроме того, «пока человек не примет Утешителя, потребны ему Божественные Писания для того, чтобы памятование доброго напечатлевалось в мысли его, и непрестанным чтением обновлялось в нем устремление к добру, и охраняло душу его от тонкости греховных путей». ⁵⁷ При этом св. Исаак добавляет, что полезно совершать в часы дневные, а нередко и ночью — по мере сил каждого — и множество поклонов... ⁵⁸

3.2. Чтение Слова Божия, тропарей и кафизм и совершение поклонов — все это вместе составляет так называемое подвижниками молитвенное правило. ⁵⁹ Это правило для разных людей бывает различно, причем для людей, живущих в миру, оно меньше, а для монашествующих — больше. «Пусть самую малую мерою будет для тебя положить тридцать поклонов, — потом поклониться честному Кресту и тем кончить, — говорит св. Исаак. — Но есть и такие, которые по мере сил своих увеличивают сие число поклонов. Иные же в единой молитве проводят три часа, имея ум трезвенный, и повергшись лицом на землю без принуждения и парения помыслов (то есть — одни часто, но понемногу молятся; а другие раз становятся на молитву, но стоят долго)». ⁶⁰

Святой старец Симеон Благоговейный советует монашествующим часы бдения распределять так: «Два часа читай (отеческие книги), два часа молись во умилении со слезами (это от себя, не по молитвеннику), затем приложи канон, какой хочешь (или из Октоиха дневной, или из Минеи, или общепокаянный, или еще какой), и двенадцать псалмов, если угодно, — наконец, молитву *Нескверная, Неблазная* и молитву св. Евстратия *Величая величаю Тя!* Это когда ночи бывают велики; когда же они коротки, тогда и последование молитв пусть будет у тебя

покороче, по даемой тебе от Бога силе: ибо без Него ничто доброе не делается... и как сказал Господь: *Без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5)». ⁶¹ Так распределяется ночное время для молитвы.

Дневные же часы св. Григорий Синаит распределяет следующим образом. «С утра надлежит, — говорит он, — упраздняясь от всего, пребывать в памяти Божией молитвою и сердечным безмолвием, и первый час терпеливо молиться; потом второй — читать; третий — петь; четвертый — молиться; пятый — читать; шестой — петь; седьмой — молиться; восьмой — читать; девятый — петь; десятый — вкушать пищи; одиннадцатый — отдохнуть, если имеется нужда; двенадцатый — петь вечерню». ⁶²

Подобное распределение всего времени для молитвы относится, главным образом, к монашествующим. Св. Феодор Студит так говорит об этом: «Для нас (монахов. — *игум. В.*) удобно целый день заниматься делами спасения, если только захотим». ⁶³ Благодаря этому, добавляет он, мы можем «утром разумно петь оную Давидскую песнь: *Заутра услыши глас мой, заутра — предстану Ти и узриши мя* (Пс. 5, 4); в третий час: *Духа Твоего Святого не отыми от мене* (Пс. 50, 13); в час шестой: *Избави мя от нападения беса полуденного и от стрелы, летящая во дни* (Пс. 90, 5); в девятый: *Приклони, Господи, ухо Твое и услыши мя* (Пс. 85, 1); вечером: *Благослови душе моя Господа...* и следующие за сим (Пс. 103, 1)». ⁶⁴

Таким образом, время подвижника, проходящего молитвенный подвиг, распределяется так, чтобы не оставалось ни одной праздной минуты. Даже при утомлении подвижник не должен бросать дело молитвы, а только видоизменять его. «Утомившийся, говорит св. Лествичник, пусть встав помолится и сяди опять путь мужественно берется за прежнее делание (Сл. 27, 23)». ⁶⁵ «Хотя он сказал это, — поясняет св. Григорий Синаит, — об умном

делании», ⁶⁶ то есть что так должно делать, когда кто достигнет хранения сердца; но не неприлично сказать то же и о псалмопении». ⁶⁷

Подобно этому говорит и Каллист Тиликуда: «Утомившись молиться, переходи к чтению... и опять возвращайся к молитве; намолившись досыта, встань на псалмопение непродолжительное, — от него опять переходи к молитве, — и утомившись над нею, побудь немного в размышлении... и опять берись за молитву». ⁶⁸ При этом утомление не должно идти во вред усердию к молитве. Поэтому св. Григорий Синаит одобряет тех, которые поют немного. Они «хорошо, думаю, делают, честь воздавая умеренности (ибо мера во всем прекрасна), чтобы, истощив всю силу душевную на деятельный труд псалмопения, ум не оказался малоусердным к молитве, не находя в себе сил для нее, но чтоб, немого поя псалмы, большую часть времени проводить в молитве». ⁶⁹

Вообще же святые отцы на пение псалмов смотрят, как на дело более легкое, чем обыкновенная молитва. С пения должны начинаться молитвенные подвиги новоначальных, несовершенных, как об этом свидетельствует пресвитер Илия Екдик: «Уму несовершенному не попускается войти в плодоносящий вертоград молитвы; ему достаются... одни псалмопения». ⁷⁰ Это же подтверждает и Григорий Синаит, говоря, что «добре также творят и те, кои совсем не держат псалмопения, если они преуспевают. Таковые не имеют нужды в псалмопении, но должны пребывать в молчании, непрестанной молитве и созерцании, если достигли просвещения». ⁷¹ Для рядового же человека и псалмопение является составной частью его молитвенного правила. После напряженного внимания при молитве молящийся отдыхает в псалмопении, на что указывает св. Григорий Синаит: «Когда ум стужит частным мысленным вопианием и непрестанным водружением внимания его в молитву, справедливо давать ему некое отдохновение,

отпуская его в простор псалмопения из утеснения в безмолвной молитве».⁷²

Рассмотрев молитвенные правила, различающиеся внешней стороной, но единые по своему духу и существу, приходим к заключению, что само правило есть образец того, как надо совершать свои молитвы всякому человеку, преимущественно же новонаначальному, знакомому еще только с первою или второю ступенью молитвы. Эти правила особенно нужны для недостигших еще чистой молитвы. Святые Каллист и Игнатий говорят относительно этого: «Знай и ты, брате, что всякий метод или прием, всякое правило и, если хочешь, эти разные делания потому устанавливаются и узаконяются, что мы не можем еще чисто и непарительно молиться. Когда же это, благоволением и благодатию Господа нашего Иисуса Христа, совершится в нас, тогда мы, оставя многое и разнобразное, непосредственно паче разума соединяемся с Единым Единичным и Единящим, как сказано славным Богословом: "Когда Бог с богами (то есть богоподобными людьми) соединяется и ими познается, тогда Святым Духом всууществленное в сердце совершается осияние"».⁷³

Итак, пока человек не достиг высоких дарований, до тех пор ему надлежит точно исполнять свое определенное молитвенное правило. Человек, еще не научившийся, как должно молиться, часто прекращает ее, не исполнив своего обычного правила. Таковым преп. Нил Синайский говорит: «Не пресекай молитвы, пока не воздаши вполне молитвенного долга, и не слушай помысла, будто пора садиться за работу».⁷⁴ Святой Феодор Студит призывает: «Приидите, станем подражать друг другу, не в том, чтоб лениться и оставлять Божественные дневные службы и ночные псалмопения: ибо это свойственно лентяям и младенствующим, — но в том, чтобы быть скорым на дело Божие...».⁷⁵ Призывая к этому же, свв. Каллист и Игнатий указывают на св. Иоанна Златоуста, который говорит:

«Умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте правила молитвы сей» (речь идет об Иисусовой молитве).⁷⁶

Неопустительное точное исполнение правила не должно, конечно, быть механическим и формальным. Это не есть сухой перечень молитв, исполнивши который, человек мог бы считать себя нравственно удовлетворенным. Подобное «исполнение правила» является нулем для нравственного состояния молящегося. Даже больше, это минус, ибо кроме вреда от рабского несознательного вычитывания молитв, он ничего не получает. В данном случае не будет играть никакой роли и количество молитв. «Хочешь ли насладиться стихословием во время службы своей и постигнуть смысл произносимых тобою словес Духа?»⁷⁷ — спрашивает св. Исаак Сирианин. — Отложи совершенно в сторону количество стихословий, не принимай в расчет знания меры в стихах, оставь обычное громогласие; но углубляйся умом твоим в изучение словес Духа, пока душа твоя не возбудится к высокому разумениям и чрез то не подвигнется к славословию или к полезной печали. — В рабском же делании (в вычитывании только положенного) нет мира уму; а смущение отнимает обыкновенно вкус у смысла и понятливости и расхищает мысли».⁷⁸ Преподобный авва Филимон даже советует «оставить свое молитвенное правило»,⁷⁹ если «ночью ли или днем сподобит Бог нерассеянно помолиться чистым умом». Тогда, «сколько сил есть, — продолжает он, — простирайся умно-сердечно прилепиться к Богу».⁸⁰ На эти слова аввы Филимона ссылаются и свв. Каллист и Игнатий.⁸¹

Таким образом, «правило» не есть что-нибудь такое неизблемое, раз навсегда установленное, но изменяемое согласно требованию момента. Святой Феодор Студит, призывая действовать по уставному правилу или по положенной заповеди, в «бдении, стихословии, в чтении на па-

мать (псалмов и молитв), в молитве, в молчании и в кровавшем делании сердца»⁶² разрешает и отступить от установленного правила, но чтобы это не было сделано самочинно.⁶³ «Позволительны и отступления, — говорит он — от обычного во всем этом порядка, но надобно, чтобы это делалось с совета и ведома».⁶⁴

У св. Григория Синаита есть ссылка на св. Василия Великого, который советовал «переменить псалмы каждый день, для раздражения чрез то усердия и для того, чтоб ум, поя всегда одно и то же, не терял сладости от пения. Надо давать уму свободу, и он паче укрепит в ревности и усердии».⁶⁵

Святой Григорий говорит также, что, «стоя на молитве, должен ты творить *Трисвятое* и *Отче наш* и просить Бога об избавлении от ветхого человека. Однако долго медлить на сем молитвословии не следует, но ум твой весь день должен быть в молитве».⁶⁶

Увеличение или уменьшение молитвенного правила стоит в зависимости не только от обстоятельств момента, как сказано было выше, но еще в немалой степени и от личных качеств молящегося. Так, например, много молитв и псалмов «петь хоропо для проходящих деятельную (трудовую. — *игум. В.*) жизнь, по причине неведения или мысленных занятий и по причине труда, а не для безмолвствующих (живущих аскетическою, созерцательною жизнью — *игум. В.*), для коих довлеет в Боге едином пребывать, молясь в сердце и от помышлений удерживаясь».⁶⁷

Вообще же продолжительное пение постепенно развивает вкус к молитве и приучает к ней преимущественно новоначальных. Святой Григорий Синаит говорит, что «тем, кои не знают молитвы (не испытали ее силы и действия), которая, по св. Иоанну Лествичнику, есть источник добродетелей, напояющий, как произрастения, душевные силы наши, подобает много петь, без меры петь, всегда быть занятым разными деланиями и никогда не знать по-

кой от них, пока от многого притрудного действованиа, вступят в состояние созерцания, обретши умную (высшую. — *игум. В.*) молитву, действующую внутри их».⁶⁸

Достигшим же такой молитвы не требуется «говорить много, чтоб не рассеиваться умом», — пишет св. Симеон Богослов. При этом он добавляет, что «нет нужды много говорить к Богу, но достаточно и немногого с разумным сознанием произносимого».⁶⁹ Эту же мысль имеет в виду и св. Симеон Благоговейный, говоря, что «лучше одно Трисвятое прочитать со вниманием и лечь спать, нежели без сна провести четыре часа в бесполезных разговорах».⁷⁰

Разбирая вопрос о продолжительности пения, св. Григорий Синаит приводит разные мнения об этом: «Одни говорят, что надо петь часто, другие, что не часто, а третьи, что совсем не нужно. Ты же ни часто не пой, во избежание смятения, ни совсем не оставяя пения во избежание расслабления и нерадения, но подражай поющим нечасто; ибо мерность во всем прекрасна, по словам немудрых мудрецов».⁷¹ Святые Варсануфий и Иоанн советуют в псалмопении и изустной молитве не связывать себя, но делать, сколько Господь укрепит.⁷²

Сказать, что молиться следует только в определенные часы и только определенным количеством молитв, было бы величайшим заблуждением и противоречением заповеди: *Непрестанно молился* (I Сол. 5, 17).⁷³ «Не в определенное время и не в определенном месте совершается таинство молитвы, — говорит прп. Никита Стифат, — ибо если определить дело молитвы часами, временами и местами, то кроме сего, пожалуй, как бы по праву станешь проводить время в занятиях суетных».⁷⁴ Далее он так поясняет свою мысль: «Предел молитвы есть неподвижное пребывание ума в Боге; дело — вращение души в вещах божественных; конец — прилепление к Богу сердцем, чтоб быть с Ним един дух, по определению и слову апостола (I Кор. 6, 17)».⁷⁵

Таким образом, если для новоначальных в деле молитвы остаются в силе слова св. Антония Великого «исполняя молитвы в установленные часы, ни одного не пропускай, чтоб не дать за это ответа»,⁹⁶ то к достигшим совершенства в молитве применимы слова св. Симеона Нового Богослова о том, что «непрестанную стяжавший молитву в сем едином исполненными имеет все заповеди о молитве, — и не состоит уже под необходимостью седмицею в день хвалить Господа, или в вечер, завтра и полудне, как исполненными уже имеющий в себе все молитвы, какими молимся мы и какие поем, по уставу, в определенные времена и часы».⁹⁷ Из этих слов о пределе, об идеале молитвы, понятно, почему нельзя ограничивать ее вышеуказанным образом.

Указывая на практику общежительных монастырей и скитов, св. Григорий Синаит упоминает о Варсонофии Великом, который, будучи спрошен о пении, — именно, как должно петь, — ответил: «Часы и песни суть церковные предания, и добре даны для соглашения (собирающихся на молитву). Скитяне же ни часов не поют, ни песней не имеют, но рукоделие, наедине поучение (умную молитву) и по малу небольшое молитвословие».⁹⁸ Таким образом, для людей, ведущих особый образ жизни (в данном случае — скитян), для поднявшихся на некоторую высоту совершенства постоянное посещение храма не является необходимым и обязательным, тогда как для новоначальных и несовершенных оно обязательно, о чем будет сказано ниже. Необязательность для совершенных исполнения определенного молитвенного правила подтверждают и свв. Варсануфий и Иоанн, говоря, что «совершенные отцы наши не имели определенного правила, но в течение целого дня исполняли свое правило».⁹⁹

Все эти разнообразные распределения молитвенного времени имеют одну цель: «хранить сердца свои всегдашним памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока

не укоренится Имя Господа внутри сердца нашего, и оно ни о чем уже другом не станет помышлять, как только о том, да возвеличится Христос в нас».¹⁰⁰ Отсюда памятными становятся слова св. Феодора Студита о том, что «всегда есть время молитвы, время слез, время очищения падений, время восхищения Царства Небесного».¹⁰¹

3.3. При исполнении правила следует иметь в виду, что и при большом количестве молитв ценность их и действенность зависит исключительно от их качества. Нужно хорошее качество молитвы, и только тогда благие плоды ее будут обеспечены. Эту мысль подтверждают слова прп. Никита Стифата, который говорит, что «прекрасно и количество в молитвенных псалмопениях, когда им руководит терпение и внимание, но собственно качество оживляет душу и бывает причиною плода (от молитвы)». Доброе же «качество псалмопения и молитвы, — поясняет прп. Никита, — состоит в том, чтобы молиться в духе умом; а умом молится тот, кто, поя и молясь, умом обзирает то, что содержится в Божественном Писании».¹⁰² Плодом такой молитвы будет очищение души от всего суетного, земного, восторжение ее к небу, созерцание красот тех благ, которые уготованы любящим Бога и, наконец, «истечение из очей источника слез от действия светотворного Духа, доставляющих душе вкушение столь сладостное, что подобившийся его нередко забывает совсем о телесной пище».¹⁰³ В том случае, когда плод не проявляется ощутимым образом, то это значит, что молитва далека от истинной и плодоносной. Тогда, по выражению прп. Никиты, «сухо и качество... а тем паче количество молитв, которое хотя и дает труд телу, но всячески для многих бесполезно бывает».¹⁰⁴

Правило, надлежащим образом исполняемое, всегда дает и соответствующие плоды, как об этом свидетельствует св. Григорий Синаит: «Кто всеусильно трудится каж-

додневно совершать делание (молитвенное правило. — *изум.* В.), тот с Богом соберет и плоды от него в свое их время». ¹⁰³ «Не оставит Господь подвижника добродетели, если он призывает Его на помощь себе», ¹⁰⁶ — говорит св. Феодор Студит.

Иллюстрацией к тому, к каким результатам приводит добросовестно исполняемое правило, является повесть об юноше, рассказанная св. Симеоном Новым Богословом на страницах его творений. Не лишним будет изложить ее здесь, вследствие того выдающегося интереса и великого значения в деле молитвы, которые имеет повесть.

В Константинополе во времена св. Симеона жил юноша Георгий, лет двадцати, состоявший управляющим у одного Патрикия. Георгий, как сообщает св. Симеон, «ни долгих и великих постов не держал, ни бдений не совершал, ни на голой земле не сыпал, ни других подобных особенно тяжелых подвигов на себя не налагал». ¹⁰⁷ Будучи знаком с одним старцем-монахом, он получил от него небольшое правило и книгу св. Марка Подвижника о духовном законе, в которой три главы (о совести, духовной свободе и прозрении) произвели на него особенно сильное впечатление. При всем этом он, по свидетельству св. Симеона, ¹⁰⁸ ничего особенного не делал, кроме того, что каждый вечер неопустительно исполнял небольшое правило, данное ему старцем. Причем он постоянно следовал голосу совести, который после правила говорил ему: «Положи и еще несколько поклонов, прочитай сколько-нибудь и других псалмов, проговори, сколько можешь, большее число раз и "Господи Иисусе Христе, помилуй мя!"». ¹⁰⁹

Поступая все время согласно совести, он ни разу не лег спать с тем, чтобы совесть его укоряла в неисполнении чего-либо на молитве. Каждый вечер она прибавляла кое-что к правилу, и, благодаря этому, через некоторое время правило юноши превратилось в большое последование,

которое, однако, он исполнял строго и точно без всяких упущений. Днем он исполнял свои служебные обязанности, имея попечение о потребностях для людей, живших у упомянутого Патрикия. Вечером же, уходя к себе, он проливал обильные слезы и делал множество коленопреклонений, падая лицом на землю. При этом он не допускал и малейшего разлечения или послабления в молитве. Со слезами и воздыханиями читал он молитвы к Пресвятой Богородице. Падая ниц перед иконой Господа Иисуса Христа, как бы Он присутствовал телесно, и, как евангельский слепой, усиленно умолял даровать ему духовное прозрение. В молитвах он простаивал до полуночи, ничем не отвлекаясь подобно бестелесному. И такая молитва не осталась втуне.

Однажды, когда он так стоял на молитве, говоря больше умом, чем устами: «Боже, милостив буди мне грешному», — внезапно низошло на него свыше божественное сияние пресветлое и наполнило все то место. Тогда, повествует св. Симеон, забыл уже юноша сей, что находится в комнате и под кровлею, потому что во все стороны виделся ему один свет: «не знал даже, попирает ли он землю ногами своими; ни о чем мирском не имел он уже попечения и не приходило тогда на мысль ему ничего из того, что обыкновенно бывает на уме у тех, кои носят плоть человеческую; но был весь срастворен с невестинным оным светом, и ему казалось, что и сам он стал светом; забыл он тогда весь мир и исполнялся слез и радости неизреченной. Потом ум его востек на небеса, и он увидел там другой свет, более светлый, чем тот, который был окрест его». ¹¹⁰ И увидел он там с краю от света своего старца.

Когда прошло то видение и юноша пришел в себя, то нашел себя (как говорил после) всего исполненным радости и изумления и плакал от всего сердца, которое вместе со слезами было исполнено и радостью великою. Он со-

всем не спал в ту ночь; сон и на ум ему не приходил.¹¹¹ После того св. Симеон снова повторяет, что «юноша тот ничего особенного не делал, кроме того, что с крепкою верою и несомненною надеждою всегда верно исполнял слышанное им от старца правило и вычитанное в книжице наставление».¹¹²

Итак, вот какой высоты наслаждения и духовного прозрения может достигнуть верующий человек, неленостно исполняющий свое, хотя и не очень большое, правило. Это будет уделом каждого, кто возьмет пример с юноши и будет так же ревностно прибегать к Господу Богу с усердной молитвой. Делать это, однако, следует с глубокой верой, но не с тем, чтобы лишь испробовать, испытать этот способ. Святый Симеон говорит, что «кто испытывает, тот не имеет твердой веры»,¹¹³ без которой и не достигнуть ничего. В данном случае надо всецело уподобиться юноше, который «отложив всякий страстный и самоутрачивший помысл, так много заботился о верном исполнении того, что внушала ему совесть, что никакого уже сочувствия не имел к вещам мира сего, даже пища и пития не вкушал в сладость или вдоволь».¹¹⁴

Изложив повесть о юноше, св. Симеон обращается ко всем с призывом испрашивать себе такую же милость у Господа, как «тому, кто толчет с терпением, Господь отверзает двери Царствия Своего, по обетованию Своему, и тому, кто ищет, дает Духа Всесвятого, и невозможно тому, кто ищет от всей души, не найти Его и не обогатиться дарами Его: так и вы, несомненно, получите дивные блага от Него, какие угодовал Он любящим Его».¹¹⁵ Правда, одни получают эти дары Божии раньше, другие — позже, но, во всяком случае, подвижники, трудящиеся в молитве, не остаются не увенчанными ими. Об этом св. Ефрем Сирин говорит: «По сороку или по пятидесяти лет св. отцы не изменяли своего правила... неуспышной молитвы с пла-

чем и сокрушением — и таким образом очистили себя. Почему и Бог вселился и прославился в них».¹¹⁶

3.4. Кроме упомянутых правил, исполняемых монашествующими в течение дня, существуют еще правила, обязательные для всех: утреннее и вечернее, состоящие из соответствующих молитвословий.

Утренние молитвы или правило имеют очень большое значение для христианина. Благодаря им, он имеет возможность настроиться духовно на предстоящий день. Подвижниками «Добролюбия» свв. Каллистом и Игнатием,¹¹⁷ св. Нилом¹¹⁸ и св. Симеоном, архиеп. Солунским¹¹⁹ утренние молитвы именуются «первомыслием, в жертву Богу приносимым». По свидетельству св. Нила, всегда творящие утренние молитвы достигают того, что молитвы их становятся действительными и услышанными при каждом обращении их к Богу. «Тот молитву свою делает услышанною, кто всегда свое первомыслие, как зрелый плод, приносит Богу (гл. 126)»,¹²⁰ — говорит он, причем молитвы эти называет главнейшим делом¹²¹ христианина.

О важности утренних молитв пишет св. Феодор Студит, указывающий на них как на одно из средств для достижения меры возраста Христова. «Кто хочет достичь этого, — говорит он, — тот должен каждый день проводить в ревностном делании должного и, восстав от сна, поспешать на молитву».¹²²

Насколько важными являются молитвы утренние, настолько же большое значение имеют и молитвы вечерние. Особенно важны они потому, что, предшествуя сну, они настраивают мысли человека в определенном направлении, не давая ему быть праздным, эти молитвы предохраняют его от мыслей, вредных для души человеческой с точки зрения нравственной. Преподобный авва Филимон указывает средство против «суетных мечтаний»¹²³ во время сна. «Не ленись и не малодушествуй, — говорит он, — но,

прежде чем заснешь, многие сотвори молитвы в сердце своем и противостой помыслам и покусением диавола водить тебя по воле своей, да воспримет тебя Бог». ¹²⁴

Юноша в приведенной выше повести молился, главным образом, по вечерам и сподобился за это высочайшего блага — небесного видения. ¹²⁵ У свв. Каллиста и Игнатия находим следующий совет о вечерней молитве: «Молись чисто и непарительно, пока спадет вечер. Тут пой обычную вечерню и отпуст сотвори... Наконец, от души испрашивай прочее время пребыть в мире и покаянии, сподобиться христианской кончины живота, безболезненной, непостыдной и мирной, и доброго ответа на страшном судищи Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». ¹²⁶ У прп. аввы Исаии находим такое указание о молитве перед сном: «Прежде чем идти в постель, часа два пободруй в молитве и Богохвалении (псалмопении)». ¹²⁷

Христианину следует не только молиться перед сном, но надо и засыпать с молитвою, заполняя свой ум исключительно благочестивыми размышлениями. «Да засыпает и да восстает с тобою память о смерти и вместе Иисусова молитва; ибо ничто не может тебе доставить столь сильное заступление во время сна, как сии делания», ¹²⁸ — говорит св. Иоанн Лествичник. «Сколько сил есть, заботься о том, чтобы засыпать с псалмами в устах и умынным поучением» ¹²⁹ (то есть молитвою. — *изум. В.*), — увещевает прп. авва Филимон. «С какими помышлениями молился ты, — говорит он, — в тех поучаясь, склонись и на одр, чтобы и когда будешь спать, они пребывали в тебе, и когда пробудишься, беседовали с тобою. Проговаривай также святой символ православной веры, прежде чем заснешь; ибо православствовать о Боге есть источник и охрана всех благ». ¹³⁰

Результатом молитвы перед сном является соответствующее настроение и по пробуждении от сна. Это под-

тверждает св. Иоанн Лествичник, говоря, что если уснули с молитвою и трезвением, то встаем от сна в благом и мирном настроении. ¹³¹

3.5. Хотя для молитвы и всегда есть время, ¹³² но наиболее подходящим, наиболее благоприятным временем для совершения ее святые подвижники считали ночное время.

«Не думай человече, — говорит св. Исаак, — чтобы во всем подвижничестве монашеском есть какое-либо делание, важнее ночного бдения». ¹³³

Преподобный авва Исаия, подобно свв. Варсануфию и Иоанну, ¹³⁴ советовал употреблять одну половину ночи на молитвенное бдение, а другую для сна. ¹³⁵ О ночной молитве говорят и св. Григорий Синаит, ¹³⁶ и свв. Каллист и Игнатий, ¹³⁷ ссылающиеся на слова св. Иоанна Лествичника, который советует ночью отдавать молитве времени больше, а пению меньше. Преподобный Никита Стифат поучает, что христианин не должен предпочитать покою тела пользе души, оправдываясь поздним временем. ¹³⁸ Святые Феодор Студит и авва Филимон также призывают к ночной молитве ¹³⁹ и говорят о необходимости совершать... ночные службы. ¹⁴⁰

Святые, подвижники не напрасно призывали к молитве ночью. Они знали, испытав на себе, ее благое действие. Ночная молитва бывает более действенной и скорее услышанной благодаря тому, что в ночные часы молящийся может более сосредоточиться в мыслях, и уму его легче возноситься горе. Поэтому-то Ефрем Сирий говорит, что совершающего ночные молитвы, с чистым сердцем, «слышит Господь», ¹⁴¹ а св. авва Евагрий, призывая проводить ночь в молитвенном труде, говорит, что тогда «душа твоя вскоре обретет утешение», и еще советует: «со слезами молись ночью... и обрящешь благодать». ¹⁴²

Святой Исаак Сирий приводит слова одного безмолвника: «Избери себе делание усладительное — непрестан-

ное бдение по ночам, во время которого все отцы совлекались ветхого человека и сподобились обновления ума. В сии часы душа ощущает оную бессмертную жизнь, и ощущением ее солекается одеяния тьмы и приемлет в себя Духа Святого». ¹⁴³ Душа, трудящаяся в Ангельском бдении, «будет иметь Херувимские очи и ими созерцать и видеть непрестанно небесные видения». ¹⁴⁴ Также и прп. Филофей Синайский призывает особенно ночью, памятию о Христе Иисусе, собирать расточенный ум свой, когда он (т. е. ум) обычно бывает более чист и светел, ясно созерцая Бога и все Божественное. ¹⁴⁵

Из приведенных слов видно, почему святые подвижники так ценили ночные молитвы.

3.6. Кроме установленного времени для молитвы в утренние, вечерние и ночные часы, кроме обычного правила, всякому верующему предлагается каждый шаг своей жизни сопровождать и освящать молитвою. Перед совершением же какого-либо дела в течение дня, как, например, перед и после вкушения пищи, перед и после слышания Слова Божия, во время рукоделия и в других подобных случаях, христианин обязан творить соответствующие молитвы. «Молитвой осеняй всякое свое дело, а наипаче то, при котором видишь помысл сомнящимся», ¹⁴⁶ — говорит прп. Нил Синайский. Святой Антоний Великий научает совершать молитву у себя всегда перед тем, как идти в церковь, ¹⁴⁷ а потом добавляет: «Вообще, прежде и после общей молитвы с братьями всегда совершай молитву и в кельи своей и никогда не ленись этого делать». ¹⁴⁸ Также и при рукоделии заповедует он «имени Господа не отпускать от себя, но непрестанно вращать Его в уме своем». ¹⁴⁹ «Если простираешь руку к работе, — говорит прп. Нил Синайский, — то пусть язык поет, а ум молится». ¹⁵⁰

Когда сядешь есть, — советуют свв. Каллист и Игнатий, — то «держи и молитву во время вкушения пищи,

чтоб, так действуя, придти, благодатию Божиею, в навыкновение непрестанно молиться, по заповеди». ¹⁵¹

«Когда сядишься читать или слушать читающего, — учит св. Ефрем Сирианин, — помолиси прежде Богу, говоря: Господи Иисусе Христе! Отверзи уши и очи сердца моего, чтоб услышать мне Слова Твои и исполнить волю Твою... Уповаю, Боже мой, что Ты просветишь сердце мое. Всегда так моли Бога, чтоб просветил ум твой и открыл тебе силу слов Своих». ¹⁵²

Подобно этому и св. Исаак Сирианин, заповедую молитву почитать ключом к истинному смыслу Писаний, ¹⁵³ говорит: «К словам таинств, заключенных в Божественном Писании, не приступай без молитвы и испрошения помощи у Бога». ¹⁵⁴

3.7. Говоря о распределении времени для молитвы в продолжение суток, следует сказать и об определенном времени для совершения особых молитв в течение года. Таким временем, особенно предназначенным для молитвы, являются посты, воскресные и праздничные дни. «Бодрствовать в псалмопениях, молитвах и чтениях повелено нам и всегда, но тем паче в праздники». ¹⁵⁵ — свидетельствует св. Феодор Едесский. Также и св. Григорий Палама советует в день воскресный посещать храм Божий и говорит: «Будь на всех службах церковных; причащайся Святаго Тела и крови Христовой, и начало полагай исправнейшей жизни». ¹⁵⁶ Святой Феодор Студит подчеркивает, что особенно во св. четьырдесятницу, ¹⁵⁷ вместо шума и молвы, всюду «возглашаются псалмопения и славословия, молитвы и моления». ¹⁵⁸

Но подобно тому, как в течение суток человек не должен ограничивать себя в молитве только определенным временем, так и молитва в праздники не должна исключать собой молитвы в остальное время. Не только во время поста, не только в праздник, например Пасхи, должны

христиане усердно молиться, но и после праздников. И «после Пасхи, должны мы трезвиться и сокрушаться, слезы источать и просвещаться»,¹⁵⁹ — учит св. Феодор Студит.

3.8. Хотя время молитвы для христианина не ограничено, но указываются определенные часы для ее совершения, — точно так же она не ограничивается и каким-нибудь определенным местом, но вместе с тем святыми подвижниками указывается на храм, как на место, особенно посвященное совершению молитвы.

Наряду с утверждениями о том, что «не в определенном месте совершается таинство молитвы»¹⁶⁰ и что «всякое место пригодно для молитвы»,¹⁶¹ находим увещания с призывом о посещении храма. «Не пренебрегай церковной службой, под предлогом какого-либо поделания»,¹⁶² — говорит св. Ефрем Сирин. «Как дождь возвращает семя, — сравнивает он, — так и церковная служба укрепляет души в добродетели».¹⁶³ Посещение церковных Богослужений, по словам св. Симеона Нового Богослова, является одним из главных средств для достижения внимания себе и хранения ума,¹⁶⁴ без которых «нет возможности стяжать добродетели».¹⁶⁵

О важности и значении церковной молитвы свидетельствуют и призывы святых отцов приходить в храм Божий до начала псалмопения,¹⁶⁶ приходить прежде всех и уходить позже всех, кроме крайней какой нужды, — особенно на утреню и литургию.¹⁶⁷ «Как только ударят в било, иди из келлии, телесными очами в землю смотря, а мысли углубляя в памятование о Боге. Вошедши в храм... ни языком не празднословь... ни умом не кружись в суетностях, но язык занимай одним псалмопением, а мысль держи в молитве»,¹⁶⁸ — наставляет Феодит, митроп. Филадельфийский.

Во время стояния в храме человек должен быть про-

никнут чувством глубочайшего смирения. Всех присутствующих в храме «должно видеть святыми и только себя одного почитать грешным и последним... не переставай тепло плакать в сокрушении сердечном о грехах».¹⁶⁹

Лучшим примером того, что дает верующему усердное посещение храма, является случай с Максимом Капсокаливитом, который однажды, приложившись в храме к иконе Пресвятой Богородицы, получил дар не перестающей в сердце молитвы Иисусовой (высшей молитвы),¹⁷⁰ сопровождавшейся особым состоянием «великого умиления». Это событие явилось результатом горячей молитвы в храме, куда св. Максим «имел обычай» постоянно приходить, как он сам об этом говорит¹⁷¹ в беседе со св. Григорием Синаитом.

Только в крайних случаях допускалось святыми отцами не посещать храма. «Если знаешь, что при выходе из дома встречи наносят тебе вред, то полезно тебе не выходить часто (из дома), даже и по причине церковной службы»,¹⁷² — разъясняют свв. Варсануфий и Иоанн. Подобный совет, вызываемый крайней необходимостью избегать вредных встреч и связанных с ними греховных последствий, отнюдь не является чем-либо безусловным и всегда для всех обязательным ввиду относительности и условности понятия «вредных встреч». Поэтому упомянутые авторы ограничиваются советом в условной форме: «лучше оставаться чаще дома».¹⁷³

3.9. Наряду с молитвой церковной не должна быть опускаема и молитва келлейная или домашняя, о которой уже упоминалось выше. Из приведенных слов святых отцов, явствует, что эти два вида молитвы, дополняющие один другой, необходимы для христианина, начавшего свой молитвенный подвиг.

Призывая войти для молитвы в клеть свою,¹⁷⁴ в обычное место молитвы,¹⁷⁵ чтобы прилежать молитве в келлии

своей,¹⁷⁶ святые подвижники указывают, какова должна быть обстановка в келье, наиболее подходящая для молитвы в ней. Такие указания находим у свв. Каллиста Патриарха и инока Игнатия. Они советуют домашнюю молитву совершать в тихой и несветлой комнате, дабы избежать рассеяния мыслей, отвлекаемых от молитвы разными внешними впечатлениями, которые при указанной обстановке сокращаются до минимума.

«Всякому желающему молиться... — говорят они, — паче же новонаначальному, надо укрываться в кельи безмолвной и несветлой, как опытные... божественные отцы и учителя таинководствуют и заповедуют, так как зрение и видение очами зримого и видимого обыкновенно развлекает и рассеивает мысли, при заключении же в безмолвной и примрачной, как сказано, храмине мысли перестают разбегаться и множиться, и ум, таким образом... утишается и в себя собирается».¹⁷⁷

3.10. Несмотря на разные места для молитвы, и молитва церковная, и молитва домашняя (или келлейная), надлежаще выполненные, бывают одинаково действенными и приносят величайшие плоды. Эту мысль подробно раскрывает св. Феодит, митрп. Филадельфийский: «Приходя в церковь на общую с братьями молитву в Господе, как телом предстоишь Ему и языком приносишь псалмопение, так и ум держи во внимании к словам и к Богу и в ясном познании Того, с Кем беседуешь и к Кому обращаешься; помни, что если мысль усердно и чисто занимается молитвою, то сердце сподобляется неотъемлемой радости и мира неизреченного. Когда же уединенно пребываешь в келье, мысленную держи молитву, в трезвении ума, с сокрушением сердца, — и видение осенит тебя ради трезвения, ведение вселится в тебя ради молитвы, и мудрость почует в тебе ради умиления, изгоняя бессловесное сластолюбие и водворяя Божественную любовь».¹⁷⁸

Таким образом, независимо от места молитвы усердное и внимательное совершение ее, ее чистота доставляют нам высшие блага.

Трезвению ума при молитве посвящено и толкование св. Григория Паламы слов Иисуса Христа: *Ты же, когда молишься, войди в клеть твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему. Который втайне* (Мф. 6, 6). Святой Григорий «клеть» (комнату) понимает не в буквальном смысле, а в переносном: «Клеть души есть тело; двери наши суть пять чувств телесных. Душа входит в клеть свою, когда ум не блуждает туда и сюда по делам и вещам мирским, но находится внутри сердца нашего. Чувства наши затворяются и остаются такими, когда мы не даем им прилепиться к внешним чувственным вещам...»¹⁷⁹

Итак, по мысли святого отца, вхождение в клеть свою не связано обязательно с определенным местом, но означает собирание рассеянных и блуждающих мыслей, а также и углубление молящегося в себя независимо от его местонахождения.

Преподобный Нил Синайский, приведя слова апостола Павла, повелевающего творить молитвы *на всяком месте* (1 Тим. 2, 8), говорит, что слова эти сказаны для того, чтобы «ни один нерадивый не мог извиниться тем, что живет далеко от молитвенного храма».¹⁸⁰ «Всякое место, — далее говорит он, — пригодно для молитвы»,¹⁸¹ так как «Бог приемлет призывающих Его с чистым сердцем и праведными делами и, взирая на расположение их, выслушивает моления их, хотя бы место, где приывают Его, по нашему мнению, ничем не отличалось».¹⁸²

Итак, признавая необходимым и обязательным и посещение храма, и молитву домашнюю, святые авторы «Добротолюбия» не ограничивают совершение молитвы каким-либо определенным местом.

3.11. С вопросом о необходимости посещения храма тесно связан вопрос о почитании находящихся в нем святых икон, святого Креста и святых мощей. Это имеет близкое отношение к христианской молитве и также рассматривается на страницах «Добротолюбия».

Наиболее ярким примером, показывающим необходимость почитания икон, является случай получения через икону Божией Матери св. Максимом Капсокаливитом великаго дара непрестающей в сердце молитвы Иисусовой,¹⁸³ о чем уже упоминалось выше. Почитание икон и совершение молитв перед ними, по словам подвижников, есть истинное православное учение. «Мы, братие, — говорит св. Феодор Студит, — в православном мудровании, веруем, что и видеть можно Господа нашего Иисуса Христа на иконе и поклоняться Ему на ней».¹⁸⁴ Насколько важно поклонение святым иконам и насколько тесно связано оно с молитвою и поклонением Господу Богу, указывают слова того же святого автора о том, что кто не поклоняется святой иконе Господа, тот не поклоняется и Самому Господу.¹⁸⁵

Довольно подробно на этом вопросе останавливается св. Григорий Палама. Он приводит основания иконопочитания, ссылаясь на Моисея, которому повелено было «создать иконы Херувимов и поставить их во Святое Святых»,¹⁸⁶ которое и само являлось «образом пренебесных вещей, а Святое носило образ всего мира».¹⁸⁷ Иконы служат для живейшего напоминания нам об изображенных на них лицах и событиях. «Через икону вспоминая о Боге, чрез нее поклоняйся Ему, чрез нее возводи ум свой к покланяемому телу Спасителя, сидящему во славе одесную Отца на небесах».¹⁸⁸ Но при этом св. Григорий предупреждает, чтобы не было поклонения иконам как богам, то есть идолопоклонства. Поклоняйся иконам не как богам, — что воспрещено, — но во свидетельство твоего общения... с изображенными на них, любви к ним и чест-

ования их, ум свой возводи к ним чрез иконы их... Не почитай богами икон Господа Иисуса Христа и святых, но чрез них поклоняйся по образу Своему нас Создавшему».¹⁸⁹

Также и святой Крест является предметом почитания христианами. Святой Григорий Палама призывает поклоняться и образу Креста Господня, потому что он есть знамение победы Христовой над диаволом¹⁹⁰ и еще потому, что во втором пришествии распятого на нем Господа Иисуса Христа предвидит пред Ним, как страшное и великое знамение Его силы и славы. «Славь же Его ныне, — поучает святой отец, — чтобы тогда с дерзновением воззреть на Него и прославиться с ним».¹⁹¹

К этому следует добавить и учение святых отцов о почитании святых угодников и их мощей и о молитвенном к ним обращении.

В коротких, но выразительных словах заключает это учение св. Григорий Палама: «Чти и гробницы святых и какие-либо останки от костей их»;¹⁹² ибо не отступила от них благодать Божия, как и от покланяемого Тела Христова не отступало Божество, во время животворящей Его смерти».¹⁹³ Прославляющий святых, по словам св. автора, будет прославлен от Бога и «с Давидом воспоет: Мне же зело честны быша друзи Твои, Боже (Пс. 138, 17)».¹⁹⁴

Подвижник начала V века св. Зосима Палестинский повествует об установлении обычая во время болезни тела полагать крестное знамение, сию честнейшую печать Христову, на больные части его и вместе с этим призывать святых помолиться об исцелении.

3.12. Молитвы в храме, молитвы пред иконами и мощами составляют внешнюю сторону дела молитвы. С этим внешним деланием неразрывно связаны и различные внешние приемы, употребляемые при молитве, как например, крестное знамение, колоснопреклонения, поклоны и т. д.

По учению святых отцов «Добротолюбия», внешние приемы в молитве, употребляемые для усиления и сосредоточения молитвенного чувства, были известны еще до пришествия Христова на землю и употреблялись не только новоначальными в молитвенном подвиге, но и совершенными в нем, и были услышаны Богом. Так, св. Григорий Палама повествует о том, как «самый совершенный в Боговидении Илия наклонился к земле и положил лице свое между коленами своими (3 Цар. 18,42), и так ум свой собрав в себе и к Богу привергнув, прекратил многолетнее бездождие».¹⁹³

Внешние приемы, способствуя сосредоточению ума молящегося, помогают успешнее вести борьбу с духами злобы, противодействующими молитве. «Как отразим подступы к ней (плоти). — *изгум. В.*» лукавого, — спрашивает же автор, — если и внешними приемами не научим себя внимать себе?».¹⁹⁶ Все вспомогательные приемы устанавливаются для того, чтобы привести молящегося к совершенству, к чистой и нерачительной (то есть нерассеянной) молитве.¹⁹⁷ Святый Исаак пишет о том, что слезы, ударения себя в грудь во время молитвы, поворачивание на землю пробуждают сладостную теплоту слез внутри сердца, и сердце с похвальной восторженностью воспаряет к Богу.¹⁹⁸ Со слезами и воздыханиями, воздевая руки свои к Богу, советует молиться св. Симеон Благоговейный.¹⁹⁹ «Когда... предстанешь ты пред Богом в молитве со слезами, — учит пп. Феогност, — пади ниц, крестообразно простершись на земле и, ударяя главою, проси... чтоб не отпасть от Бога».²⁰⁰

Примером того, как внешние приемы помогают в молитве, может служить юноша Георгий,²⁰¹ о котором повествует св. Симеон Новый Богослов. Во время молитвы этот юноша «слезы проливал... обильные и коленопреклонений делал многое множество, падая лицом на землю. Когда стоял на молитве, ноги держал вместе тесно одна

к другой и стоял неподвижно... ни членов тела своего не распускал, ни очей не обращал по сторонам или вверх, чтобы взглянуть на что, но так стоял неподвижно, как столп какой или как бестелесный».²⁰² Поэтому же и прп. авва Исаия поучает: «Когда в кельи своей встанешь, чтоб сотворить молитву свою, не небрежничай в нерадении, и вместо воздаяния чести Богу, не окажись прогневающим Его, но стой в страхе Божиим; не прислоняйся к тени и ног своих не распускай... как делают неразумные».²⁰³

Кроме перечисленных приемов внешнего характера, употребляемых при молитве, святыми отцами указаны в своих сочинениях и другие приемы, применяемые особенно на высших ступенях молитвы, как например, сведение ума в сердце путем дыхания и другие.²⁰⁴ Но из этих приемов еп. Феофан, редактировавший сборник «Добротолюбие», часть их опустил и не ввел в этот сборник, ввиду того, что они, по словам его, «по недостатку руководителей, могут сопровождаться недобрыми последствиями, а между тем суть ни что иное, как внешнее приспособление к внутреннему деланию, ничего существенного не дающее».²⁰⁵ В этих словах дана четкая характеристика подобных приемов, являющихся лишь вспомогательным, а отнюдь не главным средством для успешного прохождения молитвенного подвига.

Очень большое значение для молящегося имеют крестное знамение и поклоны, ведущие свое начало из глубокой древности.

Крестное знамение, имеющее широкое употребление в повседневной жизни²⁰⁶ христианина, особенно рекомендуется подвижниками во время искушений со стороны духов злобы. Крестное знамение верующего христианина, соединенное с молитвою, имеет великую силу отгонять и разрушать все козни сатаны, направленные против него. Когда диавол восстает на нас, как учит св. Феодор Студит, «запечатлеем себя непобедимым оружием креста и

словами Божественных Писаний укрепим себя в соделании спасения своего».²⁰⁷ Об этом же говорит и прп. Никита Стифат: «Душа, от Духа Святаго исполненная дерзновения и мужества, ни во что ставя обход их (бесов. — *игум. В.*) и горькое неистовство, одним животворящим изображением креста и призыванием Иисуса и Бога разрушает их призраки и самих их ображдает в бегство».²⁰⁸

Подобно этому и поклоны служат для усиления действенности молитвы. Так, св. Феодор Студит дал наставление своей братии совершать ежедневно в течение недели по три поклона за умершего брата Василия.²⁰⁹ В творениях этого же подвижника находим указание на то, что поклоны входили в состав определенного молитвенного правила в течение дня: «Будем... преклонять колена в определенной на каждый час мере».²¹⁰ Святые Каллист и Игнатий определяют количество поклонов в сутки числом в триста, которое определено нам божественными отцами, каковые и «должны мы совершать в каждое нощеденствие пяти дней недели».²¹¹

Указанное количество поклонов в сутки не является чем-либо непреложным или неизменным. Оно может изменяться в зависимости от индивидуальных качеств того или иного молящегося. «Некоторые, — добавляют свв. Каллист и Игнатий, — более сего числа кладут поклонов, а иные менее: каждый по силе и произволению своему...»²¹² «И ты совершай их по силе своей, — поучают они. — Впрочем, — говорят они, — блажен воистину, кто всегда во всем, что по Богу есть, понуждая себя, понуждает себя часто и в этом. Ибо Царствие Божие усилием берется и употребляющие усилие входят в него (Мф. 11, 12)».²¹³

К частому коленопреклонению, как необходимому средству для ведения истинной христианской жизни, призывают св. Антоний Великий,²¹⁴ св. Феодит, митрп. Филадельфийский²¹⁵ и св. Иоанн Лествичник.²¹⁶ Почасту преклоняй колена и не ленись этого делать, чтобы не умереть

злаю смертью. Не оставляй коленопреклонений. Истинной сердечной молитве помогает частое преклонение колен.²¹⁷

Земные поклоны или коленопреклонения имеют символическое значение, свой внутренний смысл. Преклонение колен означает падение в грех. При этом подразумевается и сознание, и исповедание греха. Восстание с колен означает покаяние и обет добродетельной жизни впредь.²¹⁸

Кроме указанных приемов, при молитве есть и другие, рекомендуемые подвижниками «Добротолюбия» как средство, помогающее истинной сердечной молитве. К ним относятся: воздевание рук, биение в перси, умиленное воздевание очей на небо и воздыхания со стенаниями.²¹⁹ Эти внешние приемы, благодаря тесной связи духа и тела, влияют на дух в желаемом направлении и способствуют большому сосредоточению в молитве, а также создают известную молитвенную настроенность. Святые подвижники неоднократно указывают на зависимость результатов и плодов молитвы от этих внешних приемов, в которых участвует тело. Так, св. Феодор Студит, задав вопрос: «Что следует нам делать в час нападения врагов», отвечает: «Не что другое, как ум и руки воздевать к Могущему спасти от смерти Богу. Этим одним враги будут уstraшены и обращены в бегство, а мы стяжем венец победы и Царствие Небесное наследуем».²²⁰ Почти в таких же словах выражает подобную мысль и св. Иоанн Лествичник.²²¹

Святые подвижники свидетельствуют, что необходимо, как убедил их личный опыт, переутомить тело, чтобы молитва не была бесплодной. «Переутомляй тело и чаще молись, — поучает св. Максим Исповедник, — и скоро избавишься от предвзятых помыслов».²²² «Всякое делание... духовное, не имеющее помехования или труда, никогда не приносит плода»,²²³ — учит св. Григорий Синаит. При этом он поясняет, почему это происходит. Молящиеся с леностью и небрежно, без утомления в молитве, нико-

гда не собирают плодов по причине безболезненности, будучи глубоко безчувственны.²²⁴ Молитву, в которой не утомится тело и не сокрушится сердце, св. Исаак сравнивает с недозрелым плодом чрева, ибо такая молитва бездушна есть.²²⁵ Напротив, молитва с бодрым духом и утружденной плотью, с частым преклонением колен, воздвижением рук, биением себя в перси и т. п., такая молитва приближается к истинной, сердечной молитве и помогает в борьбе со страстями.²²⁶

Перечисленные вспомогательные приемы при молитве, определенные правила, время и место молитвы являются признаками, характеризующими, главным образом, молитву первой, низшей ступени. Каждый христианин начинает с этого свой молитвенный подвиг. Пробыв некоторое время (количество которого зависит от его индивидуальности и, главным образом, от усердия) в этом подвиге, он постепенно приближается к второй степени молитвы.

Глава 4

ВТОРАЯ СТЕПЕНЬ МОЛИТВЫ — МОЛИТВА СЕРДЕЧНАЯ

4.1. Второй вид молитвы, или вторая степень ее, не есть что-либо отличное от той, которая рассматривалась выше. Нет, это та же молитва, только произносимая не одними устами, а с самым ближайшим участием ума и внимания молящегося. Тогда как «низшая молитва прерывается помыслами и соединяется с телесными заботами», так что молящийся «не слышит сам себя, туда и сюда носясь мысляю и не помня, какие произносит слова».²²⁷ Вторая степень молитвы характеризуется тем, что когда произносятся слова, то «ум с умилением следует за оными и знает, к Кому обращает прошение».²²⁸ Внимательность к произносимому, теснейшая связь слов молитвы с мыслями о них и молитвенными переживаниями — вот существенные признаки этой молитвы, являющейся высшей в сравнении с первой. Без внимания в молитве нельзя достигнуть хоть сколько-нибудь существенных результатов. «Если кто устами творит молитву, а ум его кружится, какая польза?»²³⁰ — спрашивает св. Григорий Синаит. «Когда один созидает, а другой разоряет, — говорит он, — ничего из этого, только труды (Сир. 34, 23). Но как телом кто делает, так должен делать и умом, чтоб телесно не казаться праведным, а в сердце быть исполненным всякой неправды и нечистоты».²³¹ Далее св. Григорий приводит слова св. апостола Павла, подтверждающего его мысль: *Хощу пять словес*

умом моим глаголати, нежели тьмы словес языком (I Кор. 14, 19).²³²

По словам прп. Нила Синайского, истинная молитва есть результат внимания, за которым «не другое что лучшее следует, а молитва».²³³ Поэтому-то святые подвижники советуют молиться исключительно со вниманием, перечитывая снова молитвы, прочитанные невнимательно. «Как только заметишь пленение ума,²³⁴ — поучает прп. Никита Стифат, — остановись, и хотя бы ты был уже на конце псалма, востеки усердно к началу его, и снова начав, читай порядку тот же псалом и делай так, хотя бы многократно в час случилось с тобой пленение».²³⁵

Необходимость следования этому правилу становится еще более очевидной, если обратить внимание на слова св. Нила, свидетельствующего, что ум человека, занятого даже простыми помышлениями о вещах, бесстрастных при том движений, — далеко отстоит от Бога.²³⁶ Также далеко отводят ум от Бога²³⁷ и различные умозрения о вещах, углубление в их причинные отношения, так как тогда ум философствует, но не молится.²³⁸

У св. Исаака Сирианина находим практическое указание на то, как осуществить в жизни рассматриваемый род молитвы и как постигнуть смысла произносимых нами молитвенных слов. Для того «отложи совершенно в сторону количество стихословий и обычное громогласие, но углубляйся умом твоим в изучение словес Духа, пока душа твоя не возбудится к высокому разумению, и через то не подвигнется к славословию, или к полезной печали».²³⁹ При этом условии ум находится в мирном состоянии. Но «нет мира уму»,²⁴⁰ если в молитве человек ограничивается лишь рабским вычитыванием положенного.

4.2. Итак, для успеха в молитве необходимо развитие внимания, ибо только нерассеянно вопиющий ум слышит Господь.²⁴¹ Вообще же главным условием усовершенст-

вования молитвы является сосредоточенность в ней. При этом следует иметь в виду, что эта сосредоточенность в молитве есть не столько мысленная, сколько сердечная, или что то же — собранность религиозного чувства в сердце, в душе, а не в мозгу. Об этом говорит св. Ефрем Сирианин, когда спрашивает: хочешь ли молиться нерассеянно? «Сделай, чтоб молитва твоя исходила из глубины души»,²⁴² — отвечает он и далее приводит сравнение: «Как дерева, пустившие корни вглубь, не могут быть вырваны, так и молитвы, воссылаемые из самой глубины души ... никакое приращение помысла не может совратить их».²⁴³

О внимательности ума и сосредоточенности, главным образом сердца, находим и у св. Кассиана Римлянина. Для Отца Небесного главное значение имеют не произносимые нами слова, а состояние наших сердец, ибо Он есть Испытующий не слова, а сердца. Мы тогда только исполняем, по словам св. Кассиана Римлянина, Евангельскую заповедь о молитве в сокровенном месте, когда «сердцем и внимательным умом приносим свои прошения».²⁴⁴ Истинное основание молитвы, поучает св. Макарий Великий, есть внимательность к помыслам и совершение молитвы в великом безмолвии²⁴⁵ и мире. Внимать Господу следует не с воплями непристойными и смешанными, но с «томлением сердца»²⁴⁶ и трезвенными помыслами.²⁴⁷

Отвлекая ум от всего чувственного, молящийся, стремясь быть внимательным во время молитвы, должен употреблять большой труд и напряжение, чтобы мысли не унеслись к чему-нибудь худому и суетному. Но одна эта мысленная борьба далеко не гарантирует успех в деле молитвы. Когда, по словам св. Симеона Нового Богослова, «мысли с мыслями борются», то все это происходит в голове.²⁴⁸ Поэтому, поясняет святой автор, как человек, ведущий брань ночью, не знает своих врагов и откуда они нападают, так и сей пребывает в голове, а помышления

злые исходят из сердца. Он и не видит их, так как не вникает сердцу.²⁴⁹ Из приведенных слов видно то значение, какое признают святые подвижники за сердцем в деле молитвы. Про человека, молящегося без участия сердца, без участия его чувств, этот же подвижник говорит, что «тщетно подымлет он труд»,²⁵⁰ так как он не чувствует того источника, откуда идут недобрые помышления, и не отражает зла добрыми чувствами и возвышенными движениями своего сердца в молитве, как, например, чувством благоговения и смирения пред Богом, чувством сердечного сокрушения и раскаяния во грехах с искренним и усердным желанием исправиться и т. п.

4.3. Участие сердца в молитве вместе с внимательностью во время ее являются существенными признаками второго образа, или второй степени, общедоступной молитвы. Прямым результатом постоянной молитвы при соблюдении указанных условий является особое чувство смирения, радости и благоговения, умиления, которое начинает испытывать молящийся. Это чувство имеет различное выражение. Святой Кассиан Римлянин пишет, что иногда умиление это обнаруживается «неизреченною некоею радостью; иногда погружает в глубокое молчание все силы и движения души; иногда изводит более или менее обильные слезы».²⁵¹

Но этот образ молитвы, хотя и приводит к вышеуказанным результатам, еще не есть совершенный. Он только лучше первого образа, так как по словам св. Симеона Нового Богослова, «ночь лунная лучше ночи темной, в которую не светит луна».²⁵²

Глава 5

ТРЕТЬЯ СТЕПЕНЬ МОЛИТВЫ — МОЛИТВА БЛАГОДАТНАЯ ИЛИ ДУХОВНАЯ

5.1. Преуспевающий в молитвенном подвиге не останавливается на этой второй ступени молитвы. Его молитва, постепенно совершенствуясь, приходит, наконец, к третьему образу ее, к высшей молитве совершенных.²⁵³

«Когда ум твой, — пишет св. Нил Синайский, — пламенея желанием к Богу, мало-помалу как бы отрешается от плоти и отвращается от всех помышлений, исходящих от чувственных впечатлений, или из памяти, будучи вместе с тем полон благоговения и радования, тогда заключаю, что он приблизился к пределам молитвы».²⁵⁴ Этими словами указывается на то состояние молящегося, которого он достигает, пройдя все ступени общедоступной молитвы и подойдя к ее высшему пределу.

Одним из условий, способствующих совершенствованию молитвы, является чистота и спокойствие совести молящегося.

Святой Симеон Богослов советует все делать так, как будто «ты был пред лицом Бога, и ни в каком деле не допускай себя до того, чтобы обличала и уязвляла тебя совесть, что ты не сделал его хорошо».²⁵⁵ Только при таком условии можно достигнуть дальнейших результатов в деле молитвы.

«Действуя таким образом, — продолжает св. Симеон, — ты уравниешь себе истинную и незаблудную стезю

к третьему образу внимания и молитвы, который есть следующий: ум (быть в сердце — отличительная черта сего третьего образа молитвы) да хранит сердце в то время, когда молится, и внутрь его да вращается неотходно, и оттуда, из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу. (В этом все, — добавляет святой подвижник, — трудись так, пока вкусишь Господа)». ²⁵⁶

Приведенные слова ярко характеризуют рассматриваемый третий род молитвы. Здесь все поглощается сердцем или, что то же, — чувством, которым молящийся ощущает эту молитву. Рассудочная мысль, участие разума отходят на задний план. Ум человека восхищается к Богу, и личная воля в таком состоянии не принимает активного участия. ²⁵⁷

Такая молитва сама начинает твориться в сердце человека, и состояние это, полное высочайшего наслаждения, трудно передаваемое словами, уже является не делом человеческим, но даром Божиим, действием благодати в смиренном сердце. ²⁵⁸

За низшими видами молитвы, по словам св. Кассиана Римлянина, «следует молитвенное возвышеннейшее некое состояние, которое заключается в созерцании единого Бога и в пламенной любви к Нему, и где ум наш, объятый и проникнутый сего любовию, беседует с Богом ближайшим образом и с особенною искренностью». ²⁵⁹

Это восхищение ума к Богу является общепризнаваемым святыми авторами ²⁶⁰ признаком высшей молитвы.

Ум в это время, по словам св. Максима Исповедника, «бывает вне плоти и мира, совершенно безвеществен и безвиден» ²⁶¹ (т. е. без всяких земных помыслов). Он «тогда одной молитве прилежит и созерцанию, отторгши себя от всего другого, и одною молитвою и созерцанием услаждается в раю любви Божией». ²⁶²

Об юноше, достигшем высочайшей степени молитвы, св. Симеон Богослов свидетельствует, что он тогда забыл

весь мир и исполнился слез и радости неизреченной. Потом ум его востек на небеса, и он увидел там другой свет, более светлый, чем тот, который был окрест его. ²⁶³

«Когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается, ²⁶⁴ — говорит св. Максим Капсокалит, — так как ум тогда весь овладевается благодатию Святого Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуеться только Духу Святому, и куда хочет Дух Святой, туда и ведет его... или... в созерцание несканное, или... в божественную беседу». ²⁶⁵

Чтобы дополнить определение этой высшей, совершенной молитвы, приведем еще слова прп. Нила Синайского, который говорит, что она есть восхищение некое ума и полное его иступление от всего чувственного, при *ходатайстве Духа воздыханиями неизглаголанными* (Рим. 8.26) пред Богом. ²⁶⁶

Подобное состояние не поддается описанию и определению человеческим языком. Святой апостол Павел, которого подвижники ²⁶⁷ приводят в пример как испытавшего на себе результаты этой молитвы, не знал, как он сам говорит, об этом: *В теле ли он был или вне тела* (2 Кор. 12.2).

Таких же состояний достигали и другие апостолы ²⁶⁸ и пророки, как, например, пророк Исаия, который «видел Господа, на престоле высоком превознесенного и окруженного Серафимами. Первомученик Стефан видел отверстие небеса и Господа Иисуса одесную Отца, и прочее». ²⁶⁹

5.2. Низшие степени молитвы характеризовались участием чисто внешних приемов, каковы соответствующие телодвижения, поклоны и т. п. Высший же род молитвы, напротив, отличается необязательностью их наличия и

часто проявляется без них, становясь молитвою не внешнею, но исключительно внутреннею.

Высшая молитва, по словам св. Кассиана Римлянина, проявляется не звуком голоса, не движением тела, но умом, собравшим чувства, изливается неустойчиво и неизреченно прямо к Господу.²⁷⁰

Поэтому прп. Нил Синайский учит: «Молясь, не ограничивайся одними внешними телодвижениями и положениями, но возводи ум свой в чувство духовной молитвы с великим страхом».²⁷¹

Блаженный Диадок советует: для того, чтобы душа молящегося была способна воспринять воздействие Святого Духа, читать молитвы не громким голосом, даже «удерживать голос»,²⁷² так как при этом память, пребывая теплою (то есть не рассеянною), настраивает сердце производить слезотворные и в себя углубляющие помышления.²⁷³

Как исключение из этого правила, он разрешает немного громче совершать песнопения, «когда бываем подавляемы большою печалью»,²⁷⁴ чтобы этим самым заглушить скорбные вопли души и псаломской мелодией развеять тяжелое облако печали.

Из сказанного видно, что высшая молитва есть молитва внутренняя и, как называют ее святые авторы, — духовная, ибо в ней дух человеческий благодатию Божиею удостоивается духовных даров, из которых первый — созерцание Бога.

5.3. Рассматривая подробнее учение святых подвижников о высшей созерцательной молитве, следует отметить, что они различают в ней три вида.

Первый вид высшей молитвы достигается человеком путем совершенствования его обыкновенной молитвы.

Второй вид — это умная молитва, которая есть та же

духовная молитва, но достигаемая известными способами сосредоточения и ума, и чувства.

Третий же вид — это длящаяся духовная молитва. Она является результатом частого повторения наития духовной молитвы и преуспеяния в ней молящегося. Третий вид молитвы характеризуется как состояние духа непрерывное.

5.4. Обращаясь к первому виду духовной молитвы, следует сказать, что достижение его, кроме сосредоточенности в молитве, зависит еще и от степени силы чувства, вложенного в молитву. При этом условии и находит на молящегося во время его обыкновенной молитвы особое наитие благодати, когда он переживает высшие ощущения, ощущения молитвы духовной.

В таком состоянии, по словам св. Максима Исповедника, «ум бывает восхищаем божественным и безмерным светом и совсем не чувствует ни себя и ничего иного из сущих, кроме Единого, любовью содевающего в нем такое озарение».²⁷⁵

Святой Кассиан Римлянин, объяснив содержание и смысл молитвы *Отче наш*,²⁷⁶ говорит: «Однако ж, Господь присных Своих приводит еще далее — к возвышеннейшему... некоему состоянию, — к той пламенной, весьма немногими дознанной или испытанной, даже, скажу, неизреченной молитве, которая, превосходя всякое человеческое понятие, не звуком голоса, не движением языка и произнесением каких-либо слов обозначается, которую ум, изливанием небесного онго света озаренный, не слабую человеческою речью выражает, но собрав чувства, как бы из обильнейшего некоего источника изливает из себя неустойчиво, и неизреченно некак отыграет прямо к Господу, то изывая в этот кратчайший момент времени то, чего, в себя пришедши, не в силах бывает он ни словом изречь, ни проследить мысленно».²⁷⁷

На основании приведенных слов святых подвижников видно, что состояние духовной молитвы трудно определить во всей его полноте, настолько оно необычайно для человеческого понимания. Чтобы хотя немного разъяснить его, они сравнивают ощущения во время духовной молитвы с ощущениями теплоты, горячности сердца, говорят о пламенности этих ощущений.

Святые Каллист и Игнатий называют чистою, сердечною молитвою ту, «из которой рождается в сердце некая теплота, как поется в псалмах: *Созрелось сердце мое и в получении моем возгорится огонь* (Пс. 38, 4)».²⁷³

Об этом же пишет и св. Исаак: от напряженной молитвы «раждается безмерная горячность, расплывается в сердце горячими помышлениями... От сей горячности, производимой благодатию созерцания, рождается слезный ток».²⁷⁹

Характерное сравнение находим у св. Илии Екдикя: «Когда душа, упразднившись от всего внешнего, соединится с молитвою, тогда молитва, как пламя некое, окружив ее, как огонь железо, делает ее всю огненною. И тогда душа — все та же душа, только бывает неприкосновенною для всего внешнего, подобно раскаленному железу».²⁸⁰

Преподобный Максим Капсокалит рассказывает, что однажды после многих молитв о получении дара духовной молитвы перед иконой Божией Матери, «вдруг ощутил в груди своей и в сердце некую особую теплоту».²⁸¹

Святой Каллист Тиликуда говорит, что у достигших наития сердечной молитвы, эту молитву «сопровождает теплота некая, которая зачинается с самого начала углубления ума в сердце для сей молитвы и содействует ему в отрывании (т. е. отгнании. — *изум. В.*) сторонних мыслей и чувств, и сама вместе с сим очищением ума от всего стонного возрастает, усиливается и устанавливается. Когда

сердце исполнится сею духовною теплотою, которая отлична от всех других теплот, тогда ум сидит неискходно в сердце и непрестанно к Господу взывает с теплотою, чисто и беспримесно».²⁸²

Приведенные сравнения и уподобления ощущений есть лишь отдаленные намеки на действительное состояние, испытываемое достигшими этой степени молитвы. Человеческим умом не объять этого вполне, уже по одному тому, что сам ум (рассудочная способность) во время этого состояния остается пассивным. Это видно из ответа св. Максима Капсокалита на вопрос св. Григория Синаита о том, может ли при высшей молитве «ум вместе с сердцем возносить молитву».²⁸³ Св. Максим ответил: «Нет, не может. Ибо когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается, так как ум тогда весь овладевается благодатью Святого Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуется только Духу Святому».²⁸⁴

Наряду с этой духовной молитвой, нисходящей на человека при горячей христианской молитве, есть другая благодатная молитва, именуемая «умною»²⁸⁵, которая, как упоминалось выше, есть также духовная молитва, но достигаемая определенными приемами сосредоточения ума и чувства молящегося.

О сходстве умной молитвы с молитвою духовной можно судить по следующим словам святого Григория Синаита, в которых он в общих чертах характеризует ее: «Начало умной молитвы есть очистительное действо или сила Духа Святого и таинственное священнодействие ума... середина — просветительная сила (Духа) и созерцание, а конец — иступление или восторжение ума к Богу».²⁸⁶ Эти основные элементы присущи вообще высшей духовной молитве и не зависят от того, как человек пришел к ней.

Глава 6

МОЛИТВА ИИСУСОВА ИЛИ УМНАЯ МОЛИТВА

6.1. В основание умной молитвы, развивающей громадную молитвенную энергию, энергию высокого молитвенного чувства, положена краткая молитва: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!* Большинство подвижников «Добротолюбия» оставили в своих творениях учение об этой молитве. Особенно же потрудились в научении умной молитве, по словам св. Симеона Солунского, Богоносный Лествичник, Диадок святой, епископ Фотикии, Симеон, Новый Богослов, аскет Никифор и многие другие.²⁸⁷ Наилучше же написали о ней Духом водимые Богоносные отцы наши: Каллист, бывший Патриарх царствующего града, и сотрудник и сподвижник его преподобный Игнатий, в ста главах изложив о ней учение духовное, высокое и богомудрое.²⁸⁸

Ценные сведения о происхождении этой умной или Иисусовой молитвы сообщают свв. Каллист и Игнатий. Они утверждают, что слова, вошедшие в состав ее, ведут свое начало от первых и верховных апостолов Петра, Павла и Иоанна. Один из них говорит о том, что никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым (1 Кор. 12, 3); другой, — что всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, от Бога есть (1 Иоан. 4, 2); а апостол Петр исповедал: Ты — Христос, Сын Бога Живого! (Мф. 16, 16). Наши же наставники, собрав воедино эти изречения, составили

священную нашу молитву, нарекли ее столпом молитвы, и последующим за ними предали — держать ее и хранить в том же виде.²⁸⁹

Относительно добавления к этой молитве слов *помилуй* мя святые авторы говорят, что их приложили святые отцы для младенчествующих еще в деле добродетели, новоначальных и несовершенных. Ибо преуспевшие и совершенные о Христе, каждым из сих воззваний одним *Господи Иисусе; Иисусе Христе; Христе, Сыне Божий!* или даже только возгласением *Иисусе!* довольны бывают, имея это как полное делание молитвы, и «чрез это одно исполняемы бывая неизреченной... сладости и радования».²⁹⁰

Кроме этих указаний на происхождение Иисусовой молитвы, упомянутые авторы приводят целый ряд ссылок на слово Божие, указывающих на великое значение призывания имени Иисуса Христа в жизни христианина. Ограничимся указанием здесь лишь некоторых из них. Когда настало страдание Спасителя, Он сказал ученикам: «Если чего попросите у Отца во имя Мое, Я то сделаю» (Ин. 14, 14; 16, 23—24). По воскресении Он говорил, что уверовавшие... именем *Моим* будут изгонять бесов (Мр. 16, 17—18). Апостол Павел писал, что пред именем Иисуса преклонится всякое колено (Флп. 2, 10). И в Апостольских Деяниях написано, как апостол Петр говорил, что нет другого имени под небом, данного человеку, которым надлежало бы нам спастись, кроме имени Иисуса Христа Назорея (Деян. 4, 12, 10).²⁹¹

Существенным признаком умной молитвы является не самая формула,²⁹² но ее краткость и глубина содержания. Приведенная молитва носит название Иисусовой молитвы, так как содержит в себе призывание имени Иисуса Христа. В ее кратких словах заключается глубокий внутренний смысл. Здесь — и исповедание Иисуса Христа Сыном Божиим, смирение и сокрушение в своей греховно-

сти, и вместе с этим любовь к Богу, и надежда на Его помощь и помилование.

Святой Симеон Солунский характеризует молитву Иисусову следующим образом: «Она есть и молитва, и обет, и исповедание веры, — Духа Святого и божественных даров подательница, сердца очищение, бесов изгнание, Иисуса Христа вселение, духовных разумений и божественных помыслов источник, грехов отпущение, душ и телес врачевательница, божественного просвещения подательница, милости Божией кладезь, откровения Таин Божиих ходатаица, единая спасительница, яко имя Спасителя нашего Бога в себе носящая, — имя Иисуса Христа Сына Божия».²⁹⁵

6.2. Разные подвижники творили разные молитвы. Например, святой Кассиан Римлянин постоянно творил краткую молитву: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися!*²⁹⁴

Вообще же умной молитвой может быть всякая молитва, аналогичная приведенной по ее содержанию, а также удовлетворяющая условию — краткости. У святых авторов есть объяснение того, почему такая молитва должна быть краткой или, как они говорят, однословной. Однословная молитва, по выражению св. Илии Екдикса, есть узда неудержимому помыслу.²⁹⁵ Святые Каллист и Игнатий приводят слова св. Иоанна Златоуста, который говорит, что «нужно запереться в себе, и править умом, и обуздывать его и всякий помысл... призыванием Господа нашего Иисуса Христа».²⁹⁶ Когда, таким образом, ум человека ограничивается краткою молитвою, тогда «став не удерживаемым страстями будет он в состоянии восторгаться к Господу во время молитвы».²⁹⁷ Святой Симеон Богослов поясняет, что «кто молится немногословно, тот может сознать, что говорит в молитве».²⁹⁸

Приведенные слова святых подвижников указывают на то, что лишь при помощи краткой, немногословной

молитвы возможно удобнее и легче удержать мысль молящегося пред Богом и не дать ей рассеиваться и переходить с одного предмета на другой, до мирских и греховных включительно.

6.3. О самом произношении молитвы Иисусовой св. Григорий Синаит передает, что из отцов одни говорили, что надо произносить полную молитву: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*, а другие — половину: *Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя* или *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя* либо, что надо говорить то полно, то сокращенно.²⁹⁹ Это делается для того, чтобы «ум навыв в сем делании и, приняв силу от Духа, стал бы крепко молиться в себе».³⁰⁰

Сам же св. Григорий учит так: начав творить молитву «непрестанно взывай умно и душевно: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя!* пока утомишься. Утомившись же, переведи ум на вторую половину и говори: *Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!* Многократно проговорив сие воззвание, переходи опять на первую половину».³⁰¹ Подобное разделение молитвы предлагается молящемуся для облегчения, чтобы однообразием слов он, еще не привыкший к этой молитве, не утомился бы и не заскучал. Но, однако же, добавляет св. Григорий, «часто по лености не должен ты переменять сии воззвания; потому что, как растения не укореняются, если часто их пересаживать, так и молитвенные движения в сердце, при частой перемене слов молитвенных».³⁰²

Аналогично с этим высказываются и свв. Каллист и Игнатий, говоря о начинающих этот молитвенный подвиг, что им можно молиться иногда всеми словами молитвы, а иногда частью их, внутрь сердца непрестанно. «Но, — добавляют они, — при сем не следует часто переменять речения молитвы, чтобы... ум... навсегда не остался неводруженным в себе и потому бесплодным».³⁰³

На вопрос о том, как следует произносить молитву — устами или только мысленно умом, св. Григорий Синаит отвечает: «Я же то и другое полагаю. Ибо иногда ум изнемогает произносить молитву сам по себе от уныния, иногда уста утомляются делать это. Потому обоими надо молиться: и устами, и умом».³⁰⁴ При этом следует иметь в виду, чтобы молитву произносить не громко, дабы этим не развлечься. «Тихо и без смятения, — говорит святой отец, — надо взывать к Господу, чтобы глас не расстроил внимания ума и не пресек молитвы».³⁰⁵ Затем, когда ум навьикнет сему деланию, «тогда уже не будет нужды произносить молитву устно, да и невозможно, — потому, что достигший сего довольствуется вполне умным деланием молитвы и не имеет желания отставать от ней».³⁰⁶

6.4. Для достижения высшей духовной молитвы, кроме частого повторения Иисусовой молитвы указанным образом, святыми подвижниками выработаны еще и другие правила. Так, св. Григорий говорит следующее: «С утра понудь ум свой сойти из головы в сердце и держи его в нем, и непрестанно зывай умно и душевно: *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!*».³⁰⁷ И еще: «Собери ум свой в сердце и оттуда мысленным воплем призывай на помощь Господа Иисуса».³⁰⁸

Об этом же говорят и многие другие подвижники. Святой Григорий Палама свое утверждение о том, что ум и все помыслы душевные должны быть в сердце, ибо оно есть «сокровенная хранилища ума»,³⁰⁹ предваряет ссылкой на следующие слова прп. Макария Великого: «Сердце правит всем органом и, когда благодать займет все отделения сердца, господствует над всеми помыслами и членами, ибо там ум и все помыслы душевные».³¹⁰ Сам же св. Григорий говорит далее о необходимости «введения ума внутрь сердца, которое есть хранилище помыслов».³¹¹ Святой Каллист Тиликуда учит, что для уминой (сердечной) молитвы необходимо «углубление ума в сердце»,³¹² ибо она есть мо-

литва, «умом в сердце творимая».³¹³ То же говорят о введении ума в сердце и свв. Каллист и Игнатий, и прп. Никифор Уединенник, добавляя при этом, что «ум вводится в сердце вместе с вдыхаемым воздухом».³¹⁴

6.5. Рассматривая приведенные слова святых авторов о введении ума в сердце, возникает вопрос: что подразумевается ими под словом «ум»? Ответ на это находим у св. Григория Паламы: «Умом называется деятельность ума, состоящая в мыслях и разумениях».³¹⁵ Иначе говоря, под умом подвижники разумели то, что принято называть сознанием. «Все согласны, — продолжает развивать свою мысль св. Григорий, — что ум внутри нас есть, расходятся только в том, каким внутренним органом, как орудием, пользуется он. Ибо один водворяет его в мозгу, как в некоем акрополе (кремле); другие дают ему седалище в сердцевине сердца. С последним и мы согласны, поясняя только, что разумная сила наша в сердце не как в сосуде каком заключена, как нетелесная, и не вне его есть, как соединенная с ним, но есть в сердце, как в органе своем, как мы наверное это знаем, не от человеков сему научены быв, но от Самого Создателя человека, Который говорит в Евангелии: *Не входящее в уста сквернит человека, но исходящее из уст, то сквернит человека. От сердца бо исходят помышления* (Мф. 15, 11, 19)».³¹⁶ При этом св. Григорий высказывает характерную и оригинальную мысль: «Никто никогда не думал, чтобы ум обитал в нюгтях или ресницах, в ноздрях или ланитах. Но... одни водворяют его в мозгу..., другие... в сердцевине сердца».³¹⁷

Итак, умом называется сила, производящая мысли и разумения, называемая в Писании еще и сердцем.³¹⁸ Сердце, по выражению св. Макария Великого, есть «первый плотской орган мыслительной силы».³¹⁹

Из приведенных слов святых подвижников видно, что они разделяют в человеке два сознания. Под одним они понимают обычное сознание низшего разума, мозговое со-

знание, исходный пункт которого полагают в голове, в мозгу. Другое же, высшее сознание, по их учению, заключается в жизни сердца, согласно вышеприведенных слов Спасителя: *От сердца исходят помышления* (Мф. 15, 19).

6.6. Для того, чтобы достигнуть успеха в умной молитве, надо вывести наше обычное рассудочное сознание из головы, отрешить его от всех мирских и греховных помышлений и водворить в сердце, где мысль, не развлекаемая ни памятью, ни приводящими со стороны впечатлениями, не будет рассеиваться, но лишь пламенно призывать имя Господа. Это будет способствовать отрешению сознания человека, по словам прп. Нила, «от всех помышлений, исходящих из чувственных впечатлений или из памяти».³²⁰ Тогда-то имя Господа «вкоренится внутрь сердца»,³²¹ и, по словам св. Златоуста, «поглотит сердце Господа, и Господь — сердце, и будут два сии едины».³²² Вот идеал, к которому должен стремиться молящийся умной молитвой. При таких условиях ум, по утверждению св. Максима Исповедника, «умирая в действии совершеннейшей молитвы, отторгается от всех мирских помышлений. И если он не умирает такою смертью, то с Богом быть и жить с Ним не может».³²³

6.7. Самый процесс введения ума в сердце вместе с вдыхаемым воздухом подвижники описывают следующим образом. «Дыхание, — говорит прп. Никифор Уединенник, — есть естественный путь к сердцу. Итак, собрав ум свой в себе, введи его в путь дыхания, коим воздух доходит до сердца, и вместе с сим вдыхаемым воздухом понудь его сойти в сердце и там остаться. Приучи же его, брате, не скоро оттуда выходить: ибо вначале он очень скучает в этом внутреннем заключении и тесноте, когда же привыкнет, то не любит, наоборот, кружиться в нем, потому что ему там не весело и не нерадостно».³²⁴ Когда же ум (сознание) привыкнет уединяться в сердце, то тогда,

по словам того же автора, он «исполняется неизреченной сладости и веселия. Тогда видится ему, как воистину Царствие Небесное внутрь нас есть, которое теперь, узревая в себе и чистою молитвою ища, да пребудет и укрепится в нем, он все внешнее считает не стоящим внимания и несколько не привлекательным».³²⁵ Этот прием или «делание», по словам прп. Никифора, а также и свв. Каллиста и Игнатия, скорее всего приводит к цели и «научает тому, чего другим путем не узнать никогда».³²⁶

Приготовившись указанным образом и сосредоточивши свой ум (сознание) в сердце, человек не должен оставаться праздным, но ему следует непрестанно творить молитву Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! и никогда не умолкать.³²⁷ «Ибо, — поясняет прп. Никифор, — содержа ум не мечтательным, делает его неуловимым и неприкосновенным для прилогов вражеских и каждодневно все более и более вводит в любовь и вождение Бога».³²⁸

Но так как это вхождение в область сердца не легко и не скоро достигается, то святые подвижники рекомендуют другие, аналогичные приведенным, вспомогательные приемы. Преподобный Никифор говорит, что если по указанному им способу не достигается желаемый результат, то «сделай так, как я еще тебе скажу, и с Божиею помощью найдешь искомое».³²⁹ «Ведомо тебе, — разъясняет он, — что словесство (говорение) всякого человека находится в персях его. Ибо внутри персей, когда молчат уста наши, говорим мы и совещаемся с собою,³³⁰ и молитвы творим, и псалмопение совершаем... Итак, этому словесству,³³¹ изгнав из него всякий помысл (ибо сможешь, если захочешь), дай сию молитовку: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* — и понудь его вместо всякого другого помышления это одно всегда вопиять там внутри. Если будешь такое делание держать неопустительно со всем вниманием, то откроется тебе чрез сие по времени и

сердечный вход...³³² без всякого сомнения, как это сами мы опытом познали».³³³

В приведенном приеме центр тяжести, как и в предыдущем, заключается в сосредоточении своего сознания со вниманием внутри себя «в персях», в сердце, чтобы не дать рассеиваться мыслям и тем самым не помешать уму углублению в молитву.

На вопрос, почему именно дыхание имеет такое значение при творении умной молитвы, св. Григорий Палама приводит следующее объяснение: «Так как у тех, кои недавно вступили в подвиг сей, ум, и будучи собираем внутрь, часто отскакивает во вне, и им должно также тотчас опять возвращать его внутрь, а он, у ненавыкших еще сему делу, ускользает, как крайне подвижный и трудно удерживаемый вниманием в созерцании единого, то некоторые советуют воздерживаться от частого дыхания и несколько сдерживать его, чтобы вместе с дыханием и ум удерживать в себе, пока, с Божиею помощью, чрез навыкновение в сем, приучив ум не отходить на окружающее и не смешиваться с ним, сделать его сильным к сосредоточению на едином».³³⁴ Значит, задерживая дыхание, молящийся тем самым способствует собранию своего ума с посторонних вещей и сосредоточению его в себе самом. Но, однако, как видно из дальнейших слов св. Григория, это задерживание дыхания, имеющее большое значение в деле умной молитвы, не есть что-либо неестественное. «Сдерживание дыхания, — говорит он, — как всякий видеть может, следует и само собою за вниманием ума (или сопровождает его); потому что, при усиленном размышлении о чем-либо, дух сей (дыхание) не спешно входит и выходит».³³⁵ Действительно, наблюдая в повседневной жизни людей и самих себя во время сильных переживаний — радости или скорби, — приходится замечать невольное сжатие гортани, причем дыхание незаметным образом задерживается в горле. Епископ Феофан в своих «Письмах

о христианской жизни», говоря о подобной задержке дыхания, напоминает, что, «когда в скорби умоляем о помощи, речь идет из стесненной гортани и с дыханием сдерживаемым».³³⁶

Ввиду изложенного обстоятельства, стеснение дыхания или его задержка является внешним способом для скорейшего достижения успеха в подвиге умной молитвы.

Есть и еще другие искусственные приемы, употребляемые при умной молитве, но они опущены еп. Феофаном при редактировании им «Добротолюбия», так как применение их требует руководства опытных учителей-старцев. Без руководителя же появляется опасность, что начинающий молитвенный подвиг может пойти по ложному пути. Вместо сосредоточения и усиления религиозного чувства в сердце он, путем искусственных приемов, достигнет лишь усиления мозговой мысли (воображения) и, полагая все дело во внешности, уклонится от истинной молитвы. А это сведет к нулю все его духовное приобретение в этом направлении. В примечании к упомянутым приемам еп. Феофан говорит, что они, «иных соблазняют и отбивают от дела, а у других покрывают самое делание».³³⁷

Между тем эти приемы не являются чем-то необходимым и крайне существенным. Они суть лишь обстановка, приспособление внешнего к внутреннему — не бесполезное, но вместе с тем это не есть главное в подвиге молитвы, не есть существо дела.³³⁸

Главное же во всем делании умной молитвы — это сосредоточение ума (сознания) в себе самом, путем заключения его при помощи дыхания внутри сердца, как говорят об этом св. Григорий Палама³³⁹ и другие подвижники. Ибо, «когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком его простертии к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей, мысленно приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века и духовным чувством познает, сколь благ Гос-

подь, как и Псалмопевец говорит: *Вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33,9)». ³⁴⁰

О результате этих приемов с дыханием говорят и свв. Каллист и Игнатий: «Надлежит ведать, что, когда приучим мы ум свой вместе со входом воздуха входить внутрь, тогда опытно познаем, что ум, приступая к схождению внутрь, лишь только начнет сие, как отвергает всякий помысл и делается единичным и голым и никакою другою памятию не занятым, как призыванием Господа нашего Иисуса Христа; напротив же, оттуда исходя и на внешнее обращаясь, тотчас развлекается многообразными памятями». ³⁴¹ Святой Каллист Тиликуда об этом же так пишет: «Из какого же места сердца исходит слеза, там да мыслится и зрится помысл твой, склоняясь внутрь тебя путем дыхания во время молитвы, и там да пребывает сколько можно. Ибо это крайне благотворно, — производит частые и обильные слезы, пресекает пленение ума, водворяет мир мысленный, дает ход молитве и содействует обретению молитвы сердечной, благодатию Животворящего Духа, во Христе Иисусе, Господе нашем». ³⁴²

Суммируя сказанное о назначении приемов при умной молитве, упомянутые авторы замечают, что все это «не другого ради чего святыми отцами придумано, как только ради того, что это содействует к соборанию мыслей, к возвращению ума от обычного ему парения к себе самому и сосредоточению его внимания». ³⁴³ Это сосредоточение ума внутри себя св. Григорий Палама сравнивает с входом в клеть свою (и затворением двери ей), как об этом учит Иисус Христос (Мф. 6, 6) (и уподобляет святым ангелам молящегося таким образом): «Когда ты вступишь в клеть свою и затворишь дверь, то есть когда ум твой не вляется (не скитается. — *изум.* В.) туда и сюда, но входит внутрь сердца твоего, и чувства твои ограждены от вещей мира сего, и ты таким образом всегда находишься, тогда ты бываешь подобен святым Ангелам, и Отец твой, видящий тайную молитву твою, которую приносишь ты Ему в сокров-

венности сердца своего, воздаст тебе яве великими духовными дарами». ³⁴⁴

Итак, человек молящийся сосредоточенно в сердце своим, достигает великих дарований, из коих первым является ощущение особого чувства, именуемого подвижниками теплою сердечною. Выше ³⁴⁵ было сказано о том, какое значение придают святые подвижники этому благодатному признаку во время умной молитвы.

Чтобы закончить обзор вспомогательных приемов, употребляемых при умной молитве для создания соответствующей обстановки и приводящих к благим результатам, следует отметить еще совет святых подвижников о совершении молитвы в комнате «безмолвной и несветлой» (это рекомендуют свв. Каллист и Игнатий ³⁴⁶ и другие подвижники).

Советуя применять указанные приемы, святые отцы, однако же, предупреждают, что достижение высших дарований, получаемых при молитвенном подвиге, является делом не одних этих приемов, но, главным образом, благодати Божественной. «Подвиг умной молитвы, говорят они, успешно совершается умом, содействием Божественной благодати», ³⁴⁷ «при сердечном чистом и непарительном призывании Господа нашего Иисуса Христа, а не одним этим естественным приемом схождения в сердце путем дыхания или этим уединением в безмолвном и несветлом месте». ³⁴⁸

Творить краткую умную молитву следует как можно чаще, причем одним из главных условий при этом является чувство смирения и благоговения пред Богом, без чего молитва будет бесплодна и даже во вред творящему ее.

Святые Каллист и Игнатий приводят слова св. Иоанна Златоуста, в которых он говорит: «С сердцем сокрушенным и смиренным и с утра до вечера вопийти [ко Господу], а если можно, то и всю ночь: *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя*, и понуждайте ум свой на это дело

до самой смерти».³⁴⁹ При этом, как говорит блаженный Диадок, требуется, чтобы молитва (*Господи, Иисусе Христе* и проч.) «умом в себе утешняющимся, непрестанно была изрекаема в сокровенностях его так, чтобы при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтания».³⁵⁰

6.8. Умная молитва, со вниманием и смирением произносимая, должна из частой молитвы перейти в непрестанную, путем постоянного в ней упражнения. По учению св. Симеона, архиеп. Солунского, она должна быть всегда возглагошаема и умом, и «языком, и стоя, и ходя, и сидя, и склоняясь на ложе, и говоря что-либо, и делая», и человек всегда пусть понуждает себя к тому.³⁵¹

Отсюда видно, что умная молитва должна охватывать весь круг жизни человека. Каждый его шаг должен сопровождаться молитвой. «Всякое движение жизни человека должно быть непрестанной молитвой»,³⁵² — говорит св. Кассиан Римлянин. Но, так как непрестанную молитву очень трудно осуществить в жизни, особенно для людей, живущих не в монастырях, то св. Симеон, архиеп. Солунский, имея в виду немощь человеческую, предлагает каждому вначале хотя бы определенное время назначить и всегда иметь правилом творить эту молитву.³⁵³ Стараться совершать ее непрестанно должны все без исключения — «и освященного чина лица, и монашествующие, и миряне: монашествующие, как к тому уже и призванные и неотложный долг имеющие... лица священного сана да радуют о сем деле, как о проповеди, как о священнодействии, как о проявлении любви своей ко Христу Господу; миряне да блюдут сию молитву, как печать и знамение веры своей, как охрану, освящение и отгнание искушений».³⁵⁴

Вообще же «молитва к Богу и богохваление должно быть делом всякой разумной твари немолчным и непрестанным»,³⁵⁵ по словам того же святого отца. Призыв к непрестанной молитве находим и у свв. аввы Евагрия,³⁵⁶ аввы

Исаия,³⁵⁷ Григория Синаита,³⁵⁸ Исаака Сирианянина³⁵⁹ и у св. Иоанна Лествичника, говорящих, что для подвижника оставление или пресечение молитвы есть уже падение.³⁶⁰ Подобные призывы встречаются и у остальных подвижников.

Путь к осуществлению непрестанной молитвы указывает св. Кассиан Римлянин, говоря, что «только тот, чей ум, отрешившись от уз всех страстей, глубоко умиротворится, и чье сердце всем стремлением накрепчайше прилепится к Богу, как верховному благу, может в совершенстве исполнить Апостольскую заповедь: *Непрестанно молитесь*» (1. Сол. 5, 17).³⁶¹

В этом же смысле высказывается и св. Каллист Тиликуда, свидетельствующий, что для достижения дара непрестанной умной молитвы «надо всячески стараться страх Божий иметь пред очами своими, с памятью Иисусовою внутрь сердца, а не как-нибудь вне, дабы оно сим образом удобно отревало не только нечистые и страстные, но и всякие вообще сторонние помышления».³⁶² Свою мысль он заключает словами: «...непрестанная молитва, которая едино есть с любовью к Господу».³⁶³

Таким образом, стремление к Богу, непрестанная память о Нем³⁶⁴ являются непременным условием для достижения положительных результатов в деле непрестанной молитвы.

Начавший подвиг умной молитвы должен прилагать все усилия, всю ревность и, по словам свв. Каллиста и Игнатия, «не так... вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума».³⁶⁵ Поэтому во время занятий, например рукоделием, ум не должен оставаться праздным, но, по словам св. Антония Великого, следует и в то время творить постоянную молитву.³⁶⁶ Эта молитва должна сопутствовать человеку и в храме. «Вслушивайтесь в псалмопение и бодренно следите за чтением... на Богослужении... при этом

не забывайте внутренно в трезвении³⁶⁷ совершать молитву, дабы, быв аримы чистыми Чистым, — поясняет св. Феодор Студит, — освещенными паче, а не помраченными выйти из храма». ³⁶⁸ Этот же святой отец, как и св. Феодолит, ³⁶⁹ научает совершать молитву не только в определенное время или часы отдыха, но и во время обычных работ, где бы человек ни находился. ³⁷⁰

Насколько важна непрестанная молитва, показывают слова св. Феодолита: «Под предлогом немощи не оставляй молитвы, даже на один какой день, пока есть в тебе дыхание, слыша слова апостольские: *егда немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10). Действуя так, большую получишь пользу; и молитва скоро восставит тебя при действии благодати: ибо, где утешение Духа, там немощь и уныние не постоят». ³⁷¹ Таким образом, человек не должен оставлять молитвы ни при каких обстоятельствах жизни и ни под каким предлогом. По выражению св. Симеона Нового Богослова, «о Боге больше и чаще памятовать должно, чем дышать». ³⁷²

Конечно, для начинающего молитвенный подвиг и не испытавшего еще тех величайших даров, какие дает молитва, все это может показаться трудно выполнимым или даже и совсем недостижимым. К думающим таким образом и вообще ко всем колеблющимся вступить на указанный путь подвига умной молитвы обращает свою речь св. Григорий Палама: «Умоляю вас и я вместе со св. Златоустом, спасения ради душ ваших не нерадите о деле умной молитвы... Сначала это может показаться вам очень трудным, но будьте уверены, как бы от лица Вседержителя Бога, что самое сие имя Господа нашего Иисуса Христа, непрестанно вами призываемое, поможет вам преодолеть все затруднения, а с продолжением времени вы привыкнете сему деланию и вкусите, сколь сладко имя Господне. Тогда опытно познаете, что дело сие не только невозможно и не трудно, но и возможно и легко». ³⁷³

Ободрив таким образом нерешительных на основании своего собственного опыта, св. Григорий приводит в пример апостола Павла, заповедавшего непрестанно молиться (1 Сол. 5, 17). «Святой апостол Павел, — говорит он, — знавший лучше нас великое благо, какое доставит сия молитва, заповедал нам непрестанно молиться. Не стал бы он обязывать нас к сему, если б это было крайне трудно и невозможно, зная наперед, что в таком случае мы, не имея возможности исполнить то, неизбежно оказались бы ослушниками его и преступниками заповеди его, и чрез то сделались достойными осуждения и наказания. А это не могло быть в намерении апостола». ³⁷⁴

По словам св. Григория, возможность исполнения этой заповеди для человека открывается и из самого способа умной молитвы. «Поймите же во внимании, — говорит он, — и способ молитвы, как возможно непрестанно молиться, именно: молиться умом. А это мы всегда можем делать, — поясняет он, — если захотим. Ибо и когда сидим за рукоделием, и когда ходим, и когда пищу принимаем, и когда пьем, всегда умом можем молиться и творить умную молитву, благоутробную Богу, молитву истинную». ³⁷⁵ Так как человек является существом духовно-телесным и соединяет в себе одновременно внешнего и внутреннего человека, то поэтому св. Григорий и призывает: «Телом будем работать, а душой молиться. Внешний наш человек пусть исполняет свои телесные дела, а внутренний весь пусть будет посвящен на служение Богу, и никогда не отстает от этого духовного дела умной молитвы, как заповедует нам и Богочеловек Иисус... (Мф. 6, 6)». ³⁷⁶

Заклучим приведенные изречения словами прп. Никиты Стифата и св. Максима Исповедника, которыми они определяют непрестанную молитву. «Твердо ведай, — говорит прп. Никита, — что непрестанная молитва та есть, которая не отходит от души ни днем ни ночью, и которая состоит не в воздеянии рук, не в положении тела молит-

венном и не в возглашении молитв языком, чтоб можно было ее видеть телесными очами, но состоит в умном делании, с памятованием о Боге при постоянном умилении... Можно пребывать всегда в молитве, — продолжает преп. Никита, — если помыслы свои держать собранными под владычеством ума в мире и благоговействе полным, в глубины Божии проникая и ища вкусить оттуда истекающую сладчайшую струю созерцания». ³⁷⁷ Аналогично с этим высказывается и св. Максим. «Непрестанно молясь, — говорит он, — значит содержать ум прилепленным к Богу с великим благоговением и теплым желанием пребывать в уповании на Него, и о Нем дерзать во всем, — в делах и приключениях». ³⁷⁸

Много и еще можно было бы привести изречений и выдержек из творений святых подвижников, которые одинаково с приведенными характеризуют умную непрестанную молитву и в которых они убедительно призывают христианина осуществить в своей жизни эту молитву. Главное побуждение к этому заключается в тех результатах, к которым приходит молящийся, с одной стороны, и нерадивые — с другой. Непрестанная молитва важна и необходима потому, что без нее, по словам св. Исаака, «к Богу приблизиться не можешь», ³⁷⁹ и «когда кто сподобится непрестанной молитвы... то это будет означать, что он восшел на самый верх всех добродетелей и сделался уже жилищем Святого Духа. Тому же, кто не приял несомненно сей благодати Утешителя, невозможно с отрадою держать пребывание сей молитвы в сердце. Почему и говорится, что, когда Дух Святыи вселится в ком из людей, тогда не престаёт он от молитвы: ибо тогда Сам Дух молится в нем непрестанно (Рим. 8, 26)». ³⁸⁰

Теперь мы подошли к тому высшему духовному состоянию, к которому приводит и в которое переходит непрестанно творимая умная молитва. Это есть третий, высший вид духовной молитвы, описываемой подвижниками как состояние непрерывно длящейся духовной молитвы.

Глава 7 БЛАГОДАТНАЯ НЕПРЕСТАННАЯ МОЛИТВА

7.1. Подробное описание состояния молящегося при стяжании им дара благодатной непрестанной молитвы находим у св. Исаака, который говорит, что, когда спит человек, достигший этого состояния, и когда бодрствует, «молитва не пресекается в душе его; но ест ли, пьет ли, спит ли, делает ли что, даже и в глубоком сне, без труда издаются сердцем его благоухания и воздыхания молитвенные. Тогда молитва не отступает от него; но всякий час, хотя и умолкает таковая вне, внутри его не перестает она священнодействовать тайно. Почему молчанье чистых, — добавляет св. Исаак, — некто из христианцев называет молитвою; так как помыслы их суть божественные движения; движения же чистого сердца и ума суть кроткие гласы, которыми они сокровенно воспевают Сокровенного». ³⁸¹

Подобно этому говорит и св. Феодит, утверждая, что, непрерывно и неразвлеченно проходя мысленную молитву, «сподобившись ты наконец достигнуть непрестанного памятования о Боге, войти в недоступные сокровенности ума и в таинственных созерцаниях зреть Невидимого, един Единому уединенно служа Богу, в понятных одному тебе изливаниях любви». ³⁸²

В приведенных словах указывается на особое состояние при длящейся духовной молитве, которое рождается от частого повторения наития духовной молитвы и преуспевания в ней молящегося. Это особое состояние харак-

теризуется тем, что человек, всецело отрешаясь от всяких греховных помыслов, бывает охвачен благодатию Божественною. Одни из подвижников именуют это состояние бесстрастием,³⁸³ другие — безмолвием,³⁸⁴ третьи же усваивают ему наименование высшей чистоты сердца.³⁸⁵ Оно является результатом непрестанной молитвы, соединенной с праведной христианской жизнью, с жизнью духовной, в христианской любви и смирении.

Определение бесстрастия дает св. Иоанн Лествичник, говоря, что оно есть воскресение души прежде воскресения тела. Бесстрастие есть совершенное познание Бога. Оно так «освящает ум и отторгает его от всего вещественного, что, по достижении сего небесного пристанища, большую часть жизни во плоти держит его в видении, возгорженным в небесное».³⁸⁶

Описание этого состояния под именем безмолвия находим у прп. Никиты Стифата. Под безмолвием в данном случае подразумевается не молчание уст подвижника, а молчание мысленное, то есть неразвлечение ума греховными помыслами. «Безмолвие, — говорит прп. Никита, — есть состояние ума нестужаемого (помыслами),³⁸⁷ тишина свободы (от страстей) и отрады душевной, состояние сердца в Боге, нетревожимое... светлое созерцание, ведение Божиих тайн, слово премудрости из чистого ума... беседа Божия, неусыпное око, молитва умная, беструдный в великих трудах покой и, наконец, единение и соединение с Богом».³⁸⁸ Вот каких высоких состояний может достигнуть стяжавший чистую, непрестанную молитву.

7.2. Кроме описанных состояний, бывающих во время молитвы, есть еще особое высшее состояние, доступное лишь очень немногим, которое можно назвать высшим духовным экстазом или, как его именует св. Григорий Синаит, «восторжением за пределы всего сущего».³⁸⁹ Подробнее об этом он так говорит: «Есть два вида иступления

в духе: один — сердечный (в сердце углубление с забвением всего), а другой — восхитительный (восторжение за пределы всего сущего).³⁹⁰ Первый свойственен еще только просвещаемым, а другой — совершенным в любви».

Ум человека, достигшего таких высочайших состояний, которые св. авва Фалассий именует «беспредельной беспредельностью»,³⁹¹ становится «вне чувства или сознания внешних отношений, так как божественная любовь есть опьяняющее устремление духом мыслей к лучшему, коим отнимается и чувство (или сознание) внешних отношений».³⁹² В такие моменты ум как бы покидает землю и устремляется на небо, восхищаясь к Богу. Для него перестают существовать земные, внешние отношения с их обычными повседневными заботами и суетой. Он подымается выше всего этого и становится пред лицем Божиим.

О сравнительной редкости таких состояний находим заметку у св. Исаака Сирианина, говорящего, что «из тысячи разве один найдется... сподобившийся достигнуть чистой молитвы... достигший же того таинства, которое после нее и за пределами ее есть, едва в роде и роде найдется кто благодатию Христовою».³⁹³ Такое состояние бывает у людей подлинно святой жизни, достигших известного совершенства, и то только как акт кратковременный и притом передаваемый человеческими словами, как это испытал святой апостол Павел. *В теле ли, — говорит он, — не знаю, вне ли тела — не знаю, Бог знает, восхищен был до третьего неба... в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (2 Кор. 12, 2—4).*

В «Добротолюбии» упоминается о св. подвижнике Варсануфии, который удостоился достигнуть высочайшего дарования — восхищения к Богу, в коем возносился до седьмого неба, не на мечтательных крыльях мысли, но

в неизреченной силе Духа.³⁹⁴ О другом подвижнике — прп. авве Филимоне — говорится, что он в молитвах проводил, «весь день непрестанно поя, молясь и услаждаясь созерцанием небесного; ум его часто так уводим был в созерцание, что он не знал, на земле ли он находится...»³⁹⁵ Описание подобного состояния, доступного совершенным, находим у многих подвижников «Добротолюбия». Достижение высоких созерцаний, подобных рассмотренным, по общему убеждению святых отцов, возможно лишь тогда, когда ум человека хранит себя от развращения греховными мыслями и вместе с тем молитву совершает. «Тогда, — говорит св. Григорий Палама, — он соединяется с Богом, затворяет всякий вход прельщению, погрешению и заблуждению и становится выше плоти, мира и миродержителя».³⁹⁶ Однако же, по свидетельству св. Григория Паламы, «долгое время пребывать в сем состоянии, порождающем неизреченное нечто, крайне трудно».³⁹⁷

Достигающие подобных состояний сподобляются и откровений благодатных. В беседе со св. Григорием Синаитом св. Максим Капсокалит говорит, что и ныне, подобно пророкам и апостолам, «рабы Христовы сподобляются видеть разные видения... что обещовал неложный Бог устами пророка Иоилиа... говоря: *Излию от Духа Моего на всяку плоть и прорекут* (Иоил. 2, 28) — каковую благодать Господь ниспослал на учеников Своих, и ныне подает ее, и будет подавать до скончания века, по обещованию Своему, всем верным рабам Своим».³⁹⁸

Далее святой Максим указывает на характерный признак таковых откровений, когда человек удостоивается созерцания духовного мира, не имеющего ничего общего с земным. Когда «благодать Духа Святого сойдет на кого-либо, — говорит он, — то не что-либо обычное показывает ему из вещей чувственного мира сего, но показывает то, чего тот никогда не видел и не воображал. Тогда ум такого

человека научается от Святого Духа высоким и сокровенным тайнам».³⁹⁹

Чтобы пояснить, как ум наш постигает эти тайны, св. Максим сравнивает его с воском. Когда воск «далеко от огня находится, бывает тверд, и можно взять его и дергать; но, как только ввергнешь его в огонь, тотчас растаивает, и там в огне возгорается и горит, и бывает весь светом, и таким образом кончается весь среди огня. Так и ум человеческий, когда один сам в себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее его по силе своей, — когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается оным огнем Божеским, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается и разливается в божеских помышлениях, и никак невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет».⁴⁰⁰ Эти слова указывают на ту близость к Божеству, которую испытывает ум человеческий, достигающий духовных высот совершенства и сподобляющийся единения с Богом. При этом он получает возможность созерцать и духовный мир, как об этом говорит св. Филимон: «Тому, чей ум совершенно очистился, Бог открывает видения самых служебных сил и чинов (ангельских)».⁴⁰¹

7.3. Переживая указанное состояние и выходя как бы за пределы земных оболочек в «беспредельность»⁴⁰² и, как говорит св. Дионисий, «за пределы всего, чувствами и умом познаваемого»,⁴⁰³ человек достигает высшей ступени той лестницы, что ведет к совершенству. Это — заключительное звено той последовательной цепи постепенного совершенствования молитвы, начиная с обыкновенной доступной для всех, и кончая ее высотами, доступными лишь немногим.

Итак, перед нашим мысленным взором развернулся последовательно весь процесс христианской молитвы.

В кратких словах его можно охарактеризовать как постепенное очищение всех душевных сил человека от всех греховных и низменных чувств, благодаря чему в нем (то есть в человеке) развивается сильнейшее стремление к Божеству. При достижении единения с Богом человек удостаивается высочайшего наслаждения и блаженства, трудно передаваемого обычным человеческим языком. При таком состоянии, когда человек воспринимает в себя благодать, его душа как бы воспламеняется,⁴⁰⁴ и он тогда испытывает сердечную теплоту. В чистом сердце молящийся начинает ощущать Божество⁴⁰⁵ и восходит на самый верх всех добродетелей и содействуется жилищем Святого Духа.⁴⁰⁶

7.4. Чтобы достигнуть такого состояния, человеку, желающему и стремящемуся к этому, необходимы многие труды и долгое время.⁴⁰⁷ Только неутомимое трудолюбие в течение целой жизни в стяжании⁴⁰⁸ молитвы, по словам св. Ефрема Сирина, приводит к достижению меры совершенства ее.⁴⁰⁹ Хотя выше и были приведены ободряющие указания на возможность достижения высоких молитвенных состояний, для всех стремящихся к этому, однако же, по словам самих подвижников, дело это является далеко не легким и требующим не одного дня или года, а всей жизни.

Для достижения ощутимого единения с Богом в чистей молитве, по словам свв. Каллиста и Игнатия, «великий требуется подвиг и многолетний, да извергнется враг и вселится Христос... и дело сие не есть дело одного дня или двух, но многих лет и долгого времени».⁴¹⁰ В другом месте своих творений эти же отцы говорят: «То, чтоб молиться всегда внутри сердца, равно как и то, что за пределами сего последует, достигается не просто и как случилось, не с небольшим и малым трудом... но требует долгого времени, и труда, и подвига, телесного и душевного, и нуждения себя напряженного и продолжительного».⁴¹¹

Человек, решивший посвятить себя молитве и путем ее достигнуть совершенства своего духа, не сразу подымается на высшие степени ее. Лишь шаг за шагом, путем постепенного приобретения привычки к молитве, а также развития своего внимания с хранением ума от посторонних помыслов, может человек удостоиться высшего созерцательного состояния. Исключение из этого представляют лишь очень немногие, которые с небольшим и малым трудом... по неизреченному смирению Божию... достигают такого устройства.⁴¹² Вообще же, по словам св. Иоанна Карпафского, «требуется великий подвиг, и много потребно времени провести в молитвах, чтобы достигнуть начатков безмятежного устройства сердца, сего другого некоего неба сердечного, — где обитает Христос».⁴¹³

Безмятежие сердца, достигаемое при неразвлекающемся посторонними вещами уме, является условием, без которого нельзя осуществить чистую молитву и пожать ее плоды. Для человека же, ведущего обычную рассеянную жизнь, не легко сразу приучить ум свой сосредоточиваться на каком-либо одном предмете. Поэтому-то св. Григорий Палама говорит, что начинающим или новоначальным «ничто из сего не дается без утомительного труда».⁴¹⁴

В основание своих рассуждений о необходимости труда и подвига для достижения совершенства святые подвижники приводят Евангельские слова: *Царствие Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12)⁴¹⁵. Труд, и труд упорный с принуждением⁴¹⁶ себя в случае лености — необходим для достижения положительных результатов в этом направлении. Святые Каллист и Игнатий свидетельствуют, что от постоянства в стремлении «к стяжанию чистой и непарительной молитвы, с преобладанием всех к тому препон в помыслах и внешних соприкосновениях, подвигающий себя приходит наконец в навыкновение без нуждения себя молиться истинно, чисто и непарительно, или в такое устройство, в коем ум всегда пребывает в сердце, не с нуж-

дением и против воли вводим бывая туда чрез дыхание и тотчас опять выскакивая, но там неисходно с любовью пребывая и непрестанно моляся».⁴¹⁷

7.5. Таким образом, в процессе молитвы акт самопринуждения к ней постепенно исчезает, заменяясь навыком к молитве. У одних это скорее наступает, у других — дольше. Преподобный авва Филимон рассказывает об одном старце, который в течение двух лет достиг желаемого. На вопрос об «устроении его ума» старец отвечал: «Два года пребыл я в молитве пред Богом, от всего сердца умоляя Его прилежно, да дарует Он мне, чтоб непрестанно и нерассеянно печатлеалась в сердце моем молитва, которую предал Он ученикам Своим, и великодаровитый Господь, видя труд мой и терпение, подал мне просимое».⁴¹⁸ Другие же подвижники достигали результатов через больший промежуток времени. Так, св. Ефрем Сирианин говорит, что «по сороку или по пятидесяти лет святые отцы не изменяли своего правила... неусыпной молитвы с плачем и сокрушением, — и таким образом очистили себя. Почему и Бог вселился и прославился в них».⁴¹⁹

О необходимости навыка в молитве, а также и о постепенности в деле его приобретения говорит св. Каллист Тиликуда: «Молитва Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, умом в сердце творимая со вниманием, без всякого стороннего помышления, не вдруг такую является, но требует навыка. Сначала делается сие с нуждением, причем и сторонние помышления пресекают ее. Но труд, терпение и усердие производят, наконец, то, что она творится уже непринужденно сама собою. Привлечение сторонних мыслей долже не прекращается; но, наконец, и это проходит. Тогда молитва сия невозмущенно из сердца возносится умом к Господу, с верою, упованием и благовоением».⁴²⁰

По свидетельству святых подвижников, существует

прямая зависимость между трудами молитвенными и достижением успехов в этом направлении. «В какой мере человек старается о добром житии, — говорит св. Исаак Сирианин, — о хранении себя, о том, чтобы проводить время в чтении и молитвах, в такой же утверждается и упрочивается в нем... сладость Божественная и воспламенение любви к Богу, возгорающейся в сердце и попадающей душевные и телесные страсти».⁴²¹ С другой стороны, по словам св. Симеона Богослова, когда «ум приходит к возжеланию Бога и ищет содружиться с Ним... то умножает молитву и в ней преимущественно проводит время. От сего возжелания Бога и молитвы ум делается сильным и прогоняет все помыслы, которые враждуют вокруг, чтобы взойти в сердце, поражая их молитвою».⁴²² Таким образом, путем неослабных трудов, при стремлении к Богу, молитва становится уже не трудом, а насущной потребностью человека. «Не с трудом и утомлением, — говорит св. Исаак, — молится тогда он, но с радостью сердечною и удивлением, непрестанно источая благодарственные движения, при неистесненных коленопреклонениях».⁴²³

Приведенные мысли и слова святых подвижников показывают, насколько велик и продолжителен молитвенный подвиг. При этом святые отцы свидетельствуют, что если бы не помощь Божия, то он был бы не под силу человеку. Прибегая к помощи Божией, он вместе с тем приближается и к Богу, Который при призывании Его, дает молитву молящемуся.⁴²⁴ Об этом же находим у св. Исаака следующие слова: «По великому желанию помощи Божией, приближается человек к Богу, пребывая в молитве. Но в какой мере приближается он к Богу намерением своим, в такой и Бог приближается к нему дарованиями Своими, и не отъемлет у него благодати за великое его смирение».⁴²⁵ Тогда «сама благодать, по выражению блаженного Диадокха, сбомысливает душе и совзывает: Господи, Иисусе Христе!»⁴²⁶

Святой авва Филимон был однажды спрошен одним братом о трудности прохождения подвига в преклонном возрасте. На этот вопрос он так ответил: «Поверь мне, Бог такое усердие и такую любовь к молитвенному служению вложил в душу мою, что я не в силах вполне удовлетворять ее к тому стремления; немощь же телесную побеждает любовь к Богу и надежда будущих благ».⁴²⁷ Таким образом, с помощью Божией возможно и в старости с усердием и любовью предаваться молитвенному подвигу.

О «содействии Божественной благодати»⁴²⁸ в деле умной молитвы пишут и свв. Каллист и Игнатий, образным выражением предлагающие, с верою призвав досточтимое имя Божие, смело поднять «с помощью Его ветрила настоящего слова» и начать «простирается в предняя».⁴²⁹ Эти же святые отцы приводят слова святого апостола Павла: *Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор. 12, 3), которые объясняют в таком смысле, что это бывает с человеком «когда сердце воспримет действо Духа Святого, коим и молится: что есть достояние преуспевших и тех, кои обогатились действительно возобитавшим в них Христом».⁴³⁰ Согласно с этим говорит и св. Исаак, что чистой молитвы молящиеся сподобляются достигнуть лишь «благодатию Христовою», а «еще выше востечь и духовной сподобиться молитвы, и удостоиться откровения таинства будущего века есть достояние весьма немногих, в родах и родах проявляющихся благоволением благодати».⁴³¹ Воздействие благодати на человека не исключает его личного молитвенного труда, но предполагает его⁴³² и совместно с ним делает возможным достижение высоких молитвенных состояний для всех стремящихся к этому.

7.6. В доказательство того, что, несмотря на трудность и редкость достижения благодатных даров, все же это

возможно для всякого усердного в молитве, св. Симеон Богослов, повествуя об юноше Георгии, подчеркивает, что он прежде никаких высших благ не имел, «а был связан мирскими делами, заботился только о временном... и — однако ж — дивны судьбы Господни! — Лишь только услышал малое нечто от одного святого старца, и... с непоколебимой надеждою» стал исполнять его наставления, то с небольшим тем деланием «сподобился возвысить ум свой до небес, подвиг на милость Матерь Господа; Ее молитвами умилиствовал Бога и привлек на себя благодать Святого Духа, которая с такою силою осенила его, что он сподобился увидеть свет, который видеть многие желают, но не многие сподобляются».⁴³³

Подобно этому, в житии св. Григория, архиеп. Солунского говорится, что, и живя в миру, можно осуществлять непрестанную молитву. В пример приводится отец св. Григория — Константин, который «при всем том, что вращался в среде придворной жизни, назывался отцом и учителем царя Андроника и занимался каждодневно государственными делами, кроме своих домашних дел, как имевший большое имущество и множество рабов, — жену и детей, — при всем том столь был неотлучен от Бога и столь привязан к умной непрестанной молитве, что многократно забывал, что говорил с ним царь и придворные вельможи...»⁴³⁴

К изложенному добавляется еще то, что «премное множество было и других подобных, которые, живя в мире, всецело были преданы умной молитве, как уверяют исторические о них записи».⁴³⁵

Таким образом, говоря о значении благодати в деле молитвы, святые подвижники не исключают одновременно и личных трудов человека, которые имеют место в данном случае. По их убеждению оба начала: подвиг и благодать — сопутствуют одно другому. В примечании к словам св. Симеона Богослова о молитве еп. Феофан, суммируя

взгляды святых отцов на этот предмет, говорит: «Помнить надо, что наш только труд, а само дело, то есть сочетание ума с сердцем, есть дар благодати, подаемый, когда и как хочет Господь. Лучший пример — Максим Капсокаливит». ⁴³⁶ Выше ⁴³⁷ было уже сказано, о том, как он удостоился этого богатного дара. ⁴³⁸

Итак, по «Добротолюбию», молитва вообще бывает низшей, средней и высшей, подразделяясь на эти степени вследствие различия внутреннего состояния молящегося.

Глава 8

СЕРДЕЧНЫЕ МЫСЛИ И ЧУВСТВА, ПРИСУЩИЕ МОЛИТВЕ ХРИСТИАНИНА

8.1. Рассмотрев молитву со стороны ее видов и степеней, а также описав состояния, достигаемые ею, перейдем к рассмотрению молитвы со стороны ее содержания, как это излагается в «Добротолубии».

Находясь на низшей ступени нравственного развития, человек, поглощенный всецело заботами о телесном и земном, молится низшею, рассеянною молитвою, которая характеризуется прощением каких-либо земных благ.

Поднявшись выше по ступеням нравственного совершенства, человек молится более сосредоточенно и нерассеянно и просит о даровании добродетелей, необходимых для духовной жизни.

Наконец, когда человек достигает известной степени совершенства, молитва его переходит в состояние восторжения духа к Богу, причем, по словам св. Григория Паламы, «прошение изменяется в благодарение» ⁴³⁹. Здесь уже человек не просит ни о чем: имея восторженное состояние души, он преисполнен благодарности к Богу.

Это же происходит, по свидетельству свв. Каллиста и Игнатия, и при прохождении подвига умной молитвы. Первое время молящийся произносит эту молитву полностью, причем словами *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий* невестественно и безгласно воспростирает ум к самому призываемому Господу Иисусу Христу; словами же *помилуй мя* опять возвращает его и движет к себе самому, так как не может еще не молиться о себе. Но когда

он достигнет опытом совершенной любви, тогда всецело восприимчив к Единому Господу Иисусу Христу, о втором (то есть о помиловании) приняв действительное извещение. Как говорит другой некто, взывает только: *Господи, Иисусе Христе!* — в сильном любительном расположении сердца.⁴⁴⁰

8.2. Итак, новоначальным требуется взывать в молитве к Богу: *помилуй мя!* Это молитвенное воззвание, несмотря на свою краткость, имеет, однако, глубокий внутренний смысл, который и раскрывает подробно в своих творениях св. Симеон, архиеп. Солунский. По его словам, христиане, сознающие бедственность своего положения вследствие своей греховности, «прибегают к Богу и вопиют: *Господи, помилуй!* — чтобы сжалился Господь и помиловал их, чтоб принял их, как блудного сына, и опять даровал им божественную благодать Свою, и ею избавил их от рабства греху, удалил от них бесов и возвратил им свободу, да сим образом возмогут они прочее жить богоугодно и соблюдать заповеди Божии».⁴⁴¹ Вот какие должны быть мысли у взывающего к Богу о помиловании. «Христиане, которые с такой целью вопиют: *Господи помилуй!* — говорит св. Симеон, — всеконечно сподобятся милости Божией и получат благодать, чтоб освободиться от рабства греху и спастись».⁴⁴²

Далее св. Симеон приводит ряд молитвенных воззваний, которые входят в понятие о помиловании и дополняют прошение о милости Божией. «Милость Божия, — говорит он, — не другое что есть, как благодать Святого Духа, которую должны испрашивать у Бога мы, грешные, непрестанно вопия к Нему: *Помилуй мя! Яви милость Свою, Господи мой, ко мне, грешному, в жалком состоянии, в каком я нахожусь, и прими меня опять во благодать Твою: дай мне дух силы, чтобы он укрепил меня в противостоянии искушениям диавола и худым навыкам моим греховным; дай мне дух совета, чтоб я уцело-*

Ольга Тимофеевна Вережкина,
мать игумена Варсонофия

Владимир Вережкин,
ученик Гатчинского имени
императора Александра III
реального училища

Владимир Вережкин, студент Санкт-Петербургского
технологического института

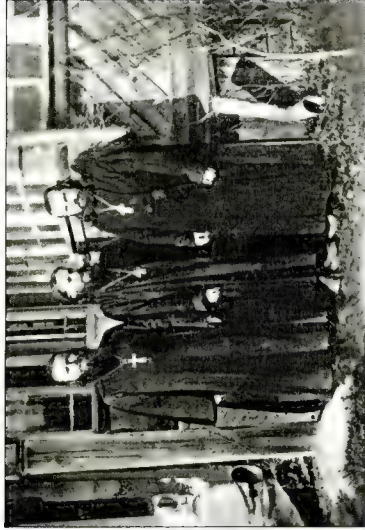
Владимир Вережкин в Оптиной пустыни со старцем
Анатолем Потаповым, 1914 г.

Святейший Патриарх Тихон и священномученик митрополит
Венямин Петроградский, благословившие создание Александра
Невского братства защиты святой православной веры

Основатели Александрo-Невского братства иеромонахи (слева направо): Лев (Егоров),
Гурия (Гуриов), Инокентий (Тихонов)

Архимандриты Лев и Гурий (Егоровы) и игумен Варсанофий
в Старом Петергофе, 1925 г.

Храмъ во имя пред. Серафима въ Петергофскомъ подворіи.

Внутреннее убранство храма во имя преподобного Серафима на Петергофском подворье

Воспоминания о пережитом.

Вспомню, как в детстве, когда была еще
маленькой, любила сидеть на диване и
размышлять, как прекрасна эта жизнь,
как хороши все люди и все, что вокруг,
как интересно и так много в ней.
Тогда, в детстве, я была счастлива,
и мне казалось, что я живу в раю.
С годами я узнала, что это не так,
и что жизнь — это борьба, это труд,
это боль и страдание. Но я не
отказалась от жизни, я продолжила
ее, потому что люблю ее, люблю
эту землю, этот народ, эту жизнь.

Вспомню, как в детстве, когда была еще
маленькой, любила сидеть на диване и
размышлять, как прекрасна эта жизнь,
как хороши все люди и все, что вокруг,
как интересно и так много в ней.
Тогда, в детстве, я была счастлива,
и мне казалось, что я живу в раю.
С годами я узнала, что это не так,
и что жизнь — это борьба, это труд,
это боль и страдание. Но я не
отказалась от жизни, я продолжила
ее, потому что люблю ее, люблю
эту землю, этот народ, эту жизнь.

Вспомню, как в детстве, когда была еще
маленькой, любила сидеть на диване и
размышлять, как прекрасна эта жизнь,
как хороши все люди и все, что вокруг,
как интересно и так много в ней.
Тогда, в детстве, я была счастлива,
и мне казалось, что я живу в раю.
С годами я узнала, что это не так,
и что жизнь — это борьба, это труд,
это боль и страдание. Но я не
отказалась от жизни, я продолжила
ее, потому что люблю ее, люблю
эту землю, этот народ, эту жизнь.

Воспоминания о пережитом.

Вспомню, как в детстве, когда была еще
маленькой, любила сидеть на диване и
размышлять, как прекрасна эта жизнь,
как хороши все люди и все, что вокруг,
как интересно и так много в ней.
Тогда, в детстве, я была счастлива,
и мне казалось, что я живу в раю.
С годами я узнала, что это не так,
и что жизнь — это борьба, это труд,
это боль и страдание. Но я не
отказалась от жизни, я продолжила
ее, потому что люблю ее, люблю
эту землю, этот народ, эту жизнь.

Вспомню, как в детстве, когда была еще
маленькой, любила сидеть на диване и
размышлять, как прекрасна эта жизнь,
как хороши все люди и все, что вокруг,
как интересно и так много в ней.
Тогда, в детстве, я была счастлива,
и мне казалось, что я живу в раю.
С годами я узнала, что это не так,
и что жизнь — это борьба, это труд,
это боль и страдание. Но я не
отказалась от жизни, я продолжила
ее, потому что люблю ее, люблю
эту землю, этот народ, эту жизнь.

Фрагмент
рукописи
диссертации
В. Веренина
с внесенным
дополнением

Вспомню, как в детстве, когда была еще
маленькой, любила сидеть на диване и
размышлять, как прекрасна эта жизнь,
как хороши все люди и все, что вокруг,
как интересно и так много в ней.
Тогда, в детстве, я была счастлива,
и мне казалось, что я живу в раю.
С годами я узнала, что это не так,
и что жизнь — это борьба, это труд,
это боль и страдание. Но я не
отказалась от жизни, я продолжила
ее, потому что люблю ее, люблю
эту землю, этот народ, эту жизнь.

Архимандрит Лев (Егоров), 1920 г.

Архимандрит Вениамин (Эссен), 1931 г.

Митрофан Николай (Ярушевич), 1929 г.

Игумен Варсонофий с сестрами Петергофского подворья.
В нижнем ряду слева направо: Нина Яковлева (игуменья Серафима),
игумен Варсонофий, Анастасия Заспелова (монахиня Сергия);
в верхнем ряду: Александра Антощенко, Наталья Копреева,
Глена Белова, Глазавета(?)

Хор Петергофского подворья, регентом которой была
А. С. Заспелова, 1929 г.

Старец Варнава. Троице-Сергиева пустынь, 1930 г.

Игуменья Серафима и монахиня Сергия.
Ташкент, 1951 г.

Игуменья Серафима, 1964 г.

Петергофское подворье
Серафимо-Дивеевского монастыря.
Фото из «Путеводителя по Петергофу»
1909 г. издания

мудрился, пришел в чувство и исправился; дай мне дух страха, чтоб я боялся Тебя оскорблять и исполнял заповеди Твои; дай мне дух любви, чтоб я любил Тебя и не удалялся более от Тебя, дай мне дух мира, да соблюду мирною душу мою, соберу все помышления мои и пребуду безмолвен и не мучим мыслями; дай мне дух чистоты, да хранит он меня чистым от всякого осквернения; дай мне дух кротости, да буду тихонравен в обращении с братьями моими христианами и воздержен от гнева; дай мне дух смирения, да не помышляю о себе высокая и да не буду горд».⁴⁴³

В приведенных молитвенных прошениях св. Симеон научает тому, что можно и должно просить человеку у Бога во время молитвы.

Таким образом, святые отцы, описывая различные состояния и степени молитвы, подходят к вопросу и о том, какая и о чем должна быть молитва христианина.

Вообще «есть много молитв, — говорит св. Симеон архиеп. Солунский, — но превосходнее всех та, которую дал нам Сам Спаситель (*Отче наш*)... как объемлющая вкратце всю Евангельскую истину, — а после нее спасительное призывание Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия (*Иисусова молитва*)».⁴⁴⁴ О молитве Господней, о прибавлении к ней молитвы *Святый Боже...* говорят св. Григорий Синаит и свв. Варсануфий и Иоанн: «Стоя же на молитве, должны ты говорить *Трисвятое* и *Отче наш* и попросить Бога об избавлении от ветхого человека».⁴⁴⁵

8.3. Для более подробного ознакомления с тем, как учили молиться и как молились сами святые подвижники, небезынтересно будет привести образцы их молитв. Подобный Симеон Богослов, обращаясь к желающим проходить молитвенный подвиг под его руководством, говорил: «Умоляю тебя, взявшего на себя иго послушания, со всяким старанием подвизаться, чтоб не попасть, как сказано, в ад на муки вечные; но всякий день так молиться

тепло Богу и говорить: *Боже и Господи всяческих, имеющий власть над всяким дыханием и всякою душою, Един могущий утешать меня, услыши моление мое, и во мне бедном гнездящегося змия найтнем Всесвятого Духа Твоего умертвив, истреби. Научи и настрой меня, нищего и обнаженного от всякой добродетели, припадать к стопам отца моего и его святую душу расположи к состраданию и милостивости ко мне. Даруй, Господи, смирение в сердце мое и помыслы, подобающие грешнику, положившему каяться Тебе. Не остави в конец душу, единожды сочетавшуюся Тебе, Тебя исповедавшую, Тебя вместо мира всего избравшую и всему предпочестьшую. Ты ведаешь, Господи, что я желаю спастись, хотя злый обычной мой ползает тому препятствие. Но Тебе, Владыко, возможно все, невозможное для людей».*⁴⁴⁶

В этих трогательных, глубоко прочувствованных словах выражается горячая мольба кающегося грешника к своему Творцу и Богу, и эта молитва является образом покаянной молитвы.

Другой образец молитвы, в которой также выражается покаянное чувство, находим у св. Феодора Едесского, который призывает «непрестанно возносить к Господу молитву Божественного Арсения Великого: *Боже мой! не остави меня; ничего не сделал я пред Тобою доброго, но дай мне по благодати Твоей положить тому начало».*⁴⁴⁷

8.4. На страницах «Добротолюбия» находим немало указаний на то, какая и о чем должна быть молитва, а также и на то, чего не должно просить в молитве. Кроме указаний на образцы молитв святые отцы дают целый ряд наставлений о том, что следует и чего не следует просить в молитвах. Вообще, по словам св. Ефрема Сирийнина, следует просить Бога всегда о том, что особенно нужно и в чем особенная есть нужда, — и по чувству сей нужды. «Сперва, — говорит св. Ефрем, — исповедуй грехи свои,

а потом уже возвещай пред Ним глаголы свои или скорбь свою, да умиласердится по благости Своей, и излечит на тебя щедроты Свои».⁴⁴⁸

8.5. По совету св. Исаака Сириянина, за появляющимся в нас добрым желанием должны следовать «частые молитвы, с прощением не только оказать нам помощь, но и показать, благоутодно ли желание сие воле Божией или нет».⁴⁴⁹ Подобно этому и прп. Нил Синайский говорит: «Не молись, да будет по желаниям твоим; ибо они не во всем бывают согласны с волею Божиею. Но лучше молись, как научен, говоря: *Да будет на мне воля Твоя*» (Мф. 6, 10). И во всяком деле так проси Его: ибо Он всегда желает доброго и полезного душе твоей, а ты не всегда этого взыскиаешь».⁴⁵⁰ При этом прп. Нил поясняет, почему не следует в молитвах особенно настаивать на исполнении желаемого. «Много раз, — говорит он, — просил я, да будет мне, что казалось благом для меня, и настаивал на прощении, неразумно нудя волю Божию, а не Богу предавая устроить лучше то, что Он ведает полезным для меня. Но получив (просимое), бывал потом в великой скорби, и именно за то, что не просил, — да будет лучше по воле Божией, ибо дело оказывалось для меня не таким, как я думал».⁴⁵¹

Равным образом, прп. Нил не советует просить в молитвах всего того, что служит лишь для удовлетворения желаний человека, не являясь в то же время необходимым; «не проси у Бога приятного, но одного полезного».⁴⁵²

Кроме этого, святые отцы высказываются против испрашивания высших дарований Божиих, как, например, созерцания, видений⁴⁵³ и т. п. «Отречемся, — говорит св. Исаак Сириянин, — от того, чтобы просить у Бога чего-либо высокого». Искать высокие дарования Божия — не одобряется Церковью Божией.⁴⁵⁴ Домогаться же этого нельзя вследствие того, что «приемшие это приобретали себе гордость и падение».⁴⁵⁵ Также и прп. Феогност

увещевает не искать бесстрастия, но говорит: «Проси притрудно спасения, и с ним получишь и бесстрастие».⁴⁵⁶

8.6. Указывая на то, чего не следует просить в молитвах, как бесполезного для человека, подвижники «Добролюбия» одновременно дают советы, о чем можно и должно просить Бога в своих молитвах. Прежде всего, говорит св. Исаак Сириантин, «в молитве... сделайся... немощствующим младенцем. Не говори пред Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему и ходи пред Ним, чтобы сподобиться тебе того отеческого промысления, какое отцы имеют о детях своих младенцах. ...Проси у Бога, чтобы Он дал тебе прийти в меру сей веры... испрашивай... пока не получишь».⁴⁵⁷ Далее он говорит, что следует просить сподобиться «умного жития»,⁴⁵⁸ то есть духовной жизни, согласно заповедей Господних, а также если душа немощна и нет у ней достаточных сил для великих искушений, то пусть просит, чтобы не войти ей в оные, и Бог послушает ее.⁴⁵⁹

Об избавлении от искушений учит молиться и св. Нил Синайский. Он говорит: «Молись, во-первых, о том, чтобы очиститься от страстей; во-вторых, о том, чтобы избавиться от неведения и забвения, и в-третьих, о том, чтобы избавлену быть от всякого искушения и оставления».⁴⁶⁰ К этому он добавляет еще, что в молитве главным образом надо искать только правды и царствия, то есть добродетели и ведения, — и прочее все *приложится тебе* (Мф. 6, 33).

Преподобный Феодор научает в молитве испрашивать «отпущения прегрешений и ниспослания сил на дальнейшее преуспеяние; так как без Божественной помощи душа ничего не может исправно делать одна».⁴⁶¹

У прп. Феогноста находим совет — просить у Бога о переходе из здешней страны тления в Его Божественное Царство: «Падни ниц, — говорит он, — крестообразно простершись на земле, и, ударяя главою, проси отпущения от зде, как освобождения от тления и избавления от иску-

шений».⁴⁶² Но, как учит прп. Феогност, просить об этом следует, предоставляя все на волю Божию. «Не как тебе желательно, — говорит он, — но как, когда и где благоуволят Бог, желей изыти и даже с любовию готовность изываяй соизыти вместе с сими слезами ко Господу в глубоком смирении, чтоб утолить пламень желания своего и искания, но соглашайся потерпеть и отсрочку в настоящее время, если Бог прозревает нечто лучшее. Одного только настоятельно и неотступно ищи — чтоб не отпасть от Бога».⁴⁶³

Просить в молитвах об единении с Богом и о постоянном пребывании с Ним заповедают и свв. Каллист и Игнатий, приводящие слова св. Иоанна Златоуста: «Пребывайте с Господом Богом нашим... и ничего другого не ищите у Господа славы, кроме одной сей милости».⁴⁶⁴

Еще допустима молитва, по словам св. Феодора Студита, о помощи свыше «против невидимых и видимых врагов, во Христе Иисусе Господе нашем».⁴⁶⁵

Также и «когда народная какая случается беда и все в смятении, нам денно и нощно надлежит припадать к Богу, со слезами и воздыханиями моля Его преложить гнев на милость и восстановить мир в мире, имже весть судьбами Его неисследимая премудрость».⁴⁶⁶

8.7. Уча каждого человека молиться за себя, святые отцы призывают к молитве и о ближних своих. «Каждый из святых, — говорит св. Феодор Студит, — не забывал молиться о людях. Так и мы, если хотим вслед им шествовать... будем и о мире молиться... за вся человеки творити молитвы и моления (1 Тим. 2, 1)».⁴⁶⁷ Приводя слова апостола Иакова, св. Феодор объясняет необходимость взаимной молитвы. Он говорит: *Много бо может молитва праведного споспешествова* (Иак. 5, 16), почему нужду имеем мы в молитвах друг о друге и в молитвенных друг о друге поминаниях».⁴⁶⁸

Насколько высоко ценил упомянутый святой отец

общие молитвы, показывают следующие его слова: «Что ожидает меня (после смерти. — изум. В.)? ..Каково будет мое предстание пред Богом, Судиею всех и Господом? ..Какими горькими слезами, какими умиловительными словами и воздыханиями сердечными преклоню на милость непреступного по правде Своей... — Одна у меня надежда — молитвы отца нашего святого⁴⁶⁹ и ваше блаженное заступление». ⁴⁷⁰ «Одно остается — положиться на ваши молитвы, вместе с молитвами отца моего, да ими утверждаемый возмогу и вас добре руководить и против собственных страстей подвизаться, соображаясь во всем с волею Господа». ⁴⁷¹ В другом месте он говорит: «Доселе молитвами отца моего и вашего, добре храня, хранил вас Господь». ⁴⁷²

Прося у братии молитв о себе, св. Феодор призывал возносить общие молитвы и за отдельных братий. ⁴⁷³ Так, он предложил всем инокам усугубить молитвы об умершем брате Василии. ⁴⁷⁴

Вообще же, по словам прп. Нила Синайского, «праведно есть молиться не о своем только очищении, но и об очищении всякого человека, в подражание Ангельскому чину». ⁴⁷⁵ При этом молитва о брате своем должна быть «со слезами и воздыханиями», ⁴⁷⁶ как говорит старец Симеон Благоговейный.

8.8. Молясь о ближних своих, христианин должен обязательно молиться и за врагов своих. Блаженный авва Зосима сравнивает людей, причиняющих нам скорби, с больной рукой или глазом, заставляющими страдать другие члены тела. «Подобно тому, — говорит он, — как молишься ты о глазе или руке, чтоб они уврачевались и не причиняли тебе более боли, так молись и о брате своем... когда он причиняет тебе скорбь». ⁴⁷⁷ По взгляду аввы Зосимы, люди, будучи членами Церкви Христовой, настолько тесно связаны друг с другом, насколько неразрывно соединены между собой части человеческого тела. Поэтому

не отталкивать ближних следует, хотя они и причиняют нам вред, но скорбеть и молиться за них, как о больной руке, которую потерять считаем большим несчастьем, и о больном глазе, который не выкалываем, но в молитвах просим исцеления его.

Другое основание к молитве об обижающих нас приводит св. Симеон, Новый Богослов. На молитву о врагах своих он указывает как на верный и кратчайший путь к совершенству, ибо такая молитва развивает в человеке в высшей степени ценное качество — чувство смирения. Молящийся о носящих и обижающих «в короткое время достигает великого преуспеяния». ⁴⁷⁸ Авва же Дорофей утверждает, что «молящийся за врага не будет злопамятен». ⁴⁷⁹

К молитве за клеветующих на нас св. Максим Исповедник побуждает обещанием, что «соответственно тому, как будешь молиться за оклеветавшего, Бог удостоверительно открывать будет истину о тебе соблазнившимся». ⁴⁸⁰

8.9. Прося у ближних своих молитв за себя, мы, по учению святых отцов, должны и сами принимать участие в этом молитвенном труде, содействуя успешности их молитв и своими молитвами и соответствующей жизнью. «Если человек сам не потрудится, по силе своей, и не присоединит собственного труда к молитвам Святых, то никакой не получит пользы от того, что Святые будут за него молиться», ⁴⁸¹ — говорят святые отцы Варсануфий и Иоанн. Эту же мысль высказывает и св. Максим Исповедник, говоря, что тот молитву праведного делает сильною и многомогущею, кто, прося молитвы у праведного, сам творит дела молитвы, обещая исправить и действительно исправляя прежнюю жизнь. ⁴⁸² Напротив же, по словам св. Максима, «никакой нет пользы от молитвы праведного для прибегающего к ней, когда он более услаждается грешными делами, чем добродетелями». ⁴⁸³ При этом он приводит примеры, когда молитва праведных (Самуила о Сауле и Иеремиин о народе иудейском) не достигли своей цели,

потому что молитва их не была подкреплена молитвами грешивших и их обращением к праведной жизни.⁴⁵⁴

Кроме указанных целей христианской молитвы, св. Илия Екдик приводит и другие. «Не все, — говорит он, — одну и ту же имеют цель в молитве; но одни — одну, а другие — другую. Иной молится, чтоб, если возможно, сердце его всегда было с молитвою и чтоб все выше и выше восходить к ней; другой — чтобы (стяжать навыв) не быть пресекаемому в молитве помыслими; все же молятся — (говоря обще), или чтобы сохранену быть в добре, или чтоб не быть увлечену во зло».⁴⁸⁵ Молиться об этом допустимо вполне и необходимо для каждого человека.

8.10. Высшей же молитвой почитается та, в которой человек не испрашивая себе благ, благодарит своего Создателя за все случившееся с ним в жизни, по воле Божией. У идущего по пути к совершенству, по словам св. Григория Паламы, как уже выше было сказано, «в молитве прошение изменяется в благодарение».⁴⁸⁶

О необходимости благодарения в молитвах говорят многие подвижники. При этом они научают благодарить за все, что бы ни случилось с человеком. «Добро ли нам кто сделает, — говорит св. авва Дорофей, — или злое потерпим от кого-либо, мы должны взирать горю и благодарить Бога за все случившееся с нами, всегда укоряя самих себя и говоря, что если случится с нами что доброе, то это дело милостивого промысления о нас Бога, а если злое, — то это за грехи наши».⁴⁸⁷

Предостережение от неблагодарности находим у св. Иоанна Карпафского, говорящего тем, кто по милости Божией удостоивается «стать выше поскользновения»⁴⁸⁸: «Не окажись неблагодарен, не признав в сем дара, свыше тебе данного... Воздай убо благодарение Господу за сохранение чистоты твоей... что как стеною оградил тебя деющию Своєю».⁴⁸⁹

Ко всегдашнему благодарению за все призывает и св. Феодор Студит: «Всегда наслаждаясь благодеяниями Божиими, всегда и благодарить Его должны мы от сердца теплого в молитве напряженной».⁴⁹⁰ Благодарение он именует первой добродетелью: «Много добродетелей указал нам Бог, содействующих нам в деле спасения; одна из первейших среди них есть благодарение».⁴⁹¹ Эти слова свои он обосновывает на учении апостола Павла, который «как сам благодарил за все, так и всем заповедал: *о всем благодарите*; и, чтоб не подумал кто, что это есть только его собственный добрый совет, присовокупил: *Сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе (1 Сол. 5, 18)*».⁴⁹² Попутно с этим приводит святой отец выдержки из «Лествицы», где, в частности, говорится: «Всякой молитве должно предшествовать благодарение: прежде всего изобразим на хартии нашего моления искренное благодарение Богу».⁴⁹³

Призывая к благодарению в молитвах, св. Феодор указывает, за что, главным образом, следует благодарить. «Возблагодарим же Бога, во-первых, за то, что привел нас из небытия в бытие, за то, что Он ввел нас в усыновление чрез Святое Крещение... Возблагодарим (говорит он, обращаясь к монахам. — *игум. В.*) и за то, что даровал нам войти в монашескую совершеннейшую жизнь... и за то, что ввел нас в предлагающее исповедничество (по случаю иконоборства), не дав нам прельститься и впасть в еретическое заблуждение... Возблагодарим Бога за веру, и за ту меру веры, какую имеем».⁴⁹⁴

8.11. Суммируя сказанное о содержании молитв, а также рассмотрев вышеприведенные образцы их, можно наметить главные, основные элементы, присущие вообще молитве христианской, как о ней учит «Добротолюбие». Эти основные элементы представляют собою развитие начал, лежащих в основе молитвы Господней.

Прежде всего следует отметить присущие всякой

молитве мысли и представления о Всемогущем Боге Вседержителе и о Его свойствах. Обращение к Нему за помощью само по себе свидетельствует о вере в милосердие Божие и уверенность в получении просимого.⁴⁹⁵ С этим тесно связано и чувство благодарности к Богу, характеризующее, по преимуществу, молитву на ее высших ступенях.⁴⁹⁶

Следующим основным мотивом молитвы вообще являются чувства сознания своих грехов, смирения, раскаяния и исповедание этих грехов, что ясно выражено, например, в приведенной выше молитве св. Арсения Великого: «Ничего не сделал я пред Тобою, Господи, доброго!»⁴⁹⁷

Наконец, обращение к Богу и призыв его на помощь в борьбе со страстями и искушениями, с просьбой укрепить в решимости жить по заповедям Господним, является наиболее часто встречающейся темой молитв.⁴⁹⁸

Святой Кассиан Римлянин разделяет молитвы на четыре вида, согласно словам апостола Павла, который говорит: *Прежде всего прошу совершать молитвы, моления, прошения, благодарения* (1 Тим. 2, 1). Святым отцом дается объяснение каждого из этих четырех видов молитвы. «*Молитва*, — *δεησις*, — говорит он, — есть моление или умаливание о грехах, когда, раскаявшись, испрашивают прощение в них. *Моление*, — *προσευχη*, — бывает, когда, молясь, что-либо приносим или обещаем Богу (говоря: я то и то сделаю, только ущедрь, Господи). *Прощение*, — *εὐτελευξίς*, — бывает, когда, находясь в горячности духа, воссылаем молитвы за других, о тех, кого любим, или о мире всего мира. *Благодарение*, — *εὐχαρίστια*, — когда ум приносит Богу благодарение (и славословие), вспоминая прошедшее, или видя настоящее, или прозревая, какие в будущем уготовал Бог благодетельствующим Его. За этими низшими видами молитв, — добавляет св. Кассиан, — следует молитвенное возвышеннейшее некое состояние, которое заключается в созерцании Единого Бога и в пламенной любви к Нему, когда ум наш беседует с Богом ближайшим образом».⁴⁹⁹

Глава 9 ПЛОДЫ МОЛИТВЫ

9.1. Не ограничиваясь призывами к молитве и указаниями, какова должна быть она, подвижники «Добротолюбия» подробно останавливаются на тех великих дарах и благодеяниях, которые дает молитва верующему. Сами, практически прошедши трудный подвиг молитвенный, они стремятся и других научить этому же, приобщить к благам молитвы всех желающих. С этой целью они, не останавливаясь на одних теоретических рассуждениях о необходимости молитвы, приводят в доказательство этого массу практических соображений, почерпнутых ими из своего личного опыта. Даже при беглом чтении их творений не трудно поддаться обаянию молитвенного подвига, не говоря уже о более детальном изучении их трудов.

Неисчислимые благодеяния, получаемые через молитву, ободряют человека и укрепляют в его решимости проходить молитвенный подвиг. Все трудности при прохождении его становятся менее заметными, когда человек устремляет свой взор на великие результаты молитвы. Видя те ее плоды, каких достигали святые авторы «Добротолюбия», понятным становится, для чего нужна молитва и труды при ее прохождении. «Какие труды, — говорит св. Феодор Студит, — подъяли треблаженные отцы наши, в постах, бдениях, слезах, молитвах и всяком злострадании проводя дни свои? А теперь никакой уже у них нет печали о прошедшем: восприяли они радование неизреченное и упокоение всеблаженное».⁵⁰⁰

Нет ни одного подвижника «Добролюбия», у которого не нашлось бы в его творениях самых искренних и самых восторженных слов о великих плодах молитвы. Нет возможности перечислить их подробно, потому что благоденствия, получаемые через молитву — неисчислимы. Ввиду этого возможен лишь общий обзор всего того, что подается через молитву верующему.

9.2. Прежде всего следует остановиться на словах св. Варсануфия и Иоанна,⁵⁰¹ где они ссылаются на слова Спасителя: *О чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам* (Ин. 16, 24). Зная, что все заключается в Боге, молись Ему, поучают святые отцы, и подаст тебе прошение сердца твоего... Тот, Который может сделать несравненно более того, что просим, или о чем помышляем.⁵⁰²

Итак, через молитву открывается возможность получения всего просимого, всего необходимого для человека. В этом смысле применимы здесь слова св. Феодора Студита: «Одного бы только нам — пожелать, — и все сделалось бы», потому что, — поясняет он,⁵⁰³ — если бы захотел человек, то мог бы пребывать в молитве от утра и до вечера,⁵⁰⁴ умоляя Бога, и испрашивая желаемое, и заглаживая все страстные движения ума «чрез сокрушительное к Богу моление».⁵⁰⁵ От желания же нашего зависит и наше спасение, так как, «проходя день за днем (в молитве. — *и.ум. В.*), будем шествовать путем Божиим, ожидая времени разрешения от тела, за которым венцы, радость и веселие для всех так подвижающихся... для Господа».⁵⁰⁶

При этом и сама молитва (совершенная и чистая), как дар Божий, подается чрез молитву же, «ибо Бог есть дающий молитву молящему».⁵⁰⁷

Отрадное для грешного человечества сравнение высказывает св. Макарий Великий. Он сравнивает молящегося грешника с младенцем. «Хотя младенец, — говорит он, — ничего не в силах делать или не может на своих но-

гах идти к матери, однако же он, ища ее, движется, кричит, плачет. И мать сжалеется над ним; она рада, что дитя с усилием и воплем ищет ее. И так как младенец не может идти к ней, то сама мать, преодолевая любовь к младенцу, за долгое его искание, подходит к нему и с великою нежностью берет, ласкает и кормит его. То же делает и человеколюбивый Бог с душою, которая приходит и взыскует Его. Но гораздо еще более побуждаемый свойственно Ему любовью и собственно Своею благостию, прилепляется Он к разумной душе и, по апостольскому слову, делается с нею *един дух* (I Кор. 6, 17)».⁵⁰⁸ В подтверждение своей мысли св. Макарий говорит, что Господь «обетовал дать *Духа Святаго просящим у Него* (Лк. 11, 13), отверсть дверь ударяющим в нее и обрестися ищущим Его (Мф. 7, 7). И неложен в том, что обещал (Тит. 1, 2)».⁵⁰⁹

9.3. Исполняющий прошения всех призывающих Его, Господь по молитве дает «не только оставление грехов, но и небесные дары».⁵¹⁰ Преподобный Иоанн Карпатский говорит, что «и подаяния небесных даров сподобляются молитвенники Божии, укрепляемы бывая в своем искании тою мыслию, что не праведникам, а грешникам обетовал Господь такие блага. Итак, проси неотступно и с несомненным расположением, хотя не совершен ты в добродетельной жизни, немощен и ничего не достоин, — и получишь великое».⁵¹¹

К указанным небесным дарам святые отцы относят «все духовные сокровища и все обещанное Богом здесь и в будущем веке».⁵¹² Так Он «всем просящим дает Себя — *Хлеб животный* (Ин. 6, 35), как человеколюбивый».⁵¹³ Затем молящиеся получают веру, ощутительно чувствуя ту неведомую силу, ощутив которую в себе многие идут в огонь и не боятся, и, ходя по водам, не колеблются в помысле своем опасением, что потонут».⁵¹⁴ Вместе с верой

подается и оживляется любовь христианская и надежда спасения, являющиеся проявлениями милости Божией.⁵¹³

«Милость Божия и жизнь истинная»⁵¹⁶ и «великие явные дары»,⁵¹⁷ получаемые по молитве, являются различными обнаружениями благодати Духа Святого. Так же говорит и св. Григорий Синаит. И разделение Духа бывает по апостолу разнообразно.⁵¹⁸ «В некоторых приходит дух страха, разрушающий горы страстей и сокрушающий камни, — жестокие сердца, — такой страх, что от него плоть как бы гвоздями пригвождается и мертвое становится. В других же является потрясение или обрадование, которое выиграньем называли отцы. В иных, наконец, и преимущественно в преуспевающих в молитве, Бог производит сияние света тонкое и мирное»,⁵¹⁹ то есть мирное, благодатное воздействие на ум и сердце человека. Аналогично с этим говорит и св. Максим Капсикаливит: «Дух Святой как хочет, так и утешает рабов Своих; какая потребна каждому из них, ту и подает им благодать Свою».⁵²⁰

Сам Господь Иисус Христос, призывающий бодрствовать и молиться (Лк. 21, 36), по свидетельству св. Симеона архиеп. Солунского, прибавляет «слово о дарах за бдение и молитвы, — что над всем имением своим поставит бодрствующего и молящегося раба (Лк. 12, 44), — сделает его и других подобных богами, царями небесными, светлейшими солнца. Видишь, какие дары от Бога уготовляются тем, кои бдят и молятся!»⁵²¹ — восклицает св. Симеон.

Обстоятельные рассуждения о великой силе молитвы и о подаваемым через нее благодеяниям находим у свв. Каллиста и Игнатия, приводящих слова св. Иоанна Златоуста: «Молитва и моление делают людей храмами Божиими... Какая может быть большая молитве похвала, как то, что она содевает нас храмами Божиими и что, Кого не вмещают небеса, Тот в молитвах входит в душу живую?...⁵²² И из того можно увидеть силу святых молитв,

что Павел, который, как какой крылатый, обтек всю вселенную, живал в узниках, подвергался бичеваниям, узы носил, жил в крови и бедах, бесов изгонял, мертвых воскрешал, болезни пресекал, ни на что из всего сего не надеялся в устройении спасения людей, но молитвами ограждая душу, и после знамений и воскресения мертвых, спешно тек на молитвы, как на главный подвиг, венчающий дело, — так как и воскресения мертвых и всего другого молитва есть подательница».⁵²³

9.4. Получая чрез молитву блага, человек молитвою же питает свою душу. «Священная и боготворная молитва, — говорят свв. Каллист и Игнатий, — есть пища, душу укрепляющая и оживляющая».⁵²⁴ «Молитвами, молениями, прошениями, благодарениями питается душа».⁵²⁵ — утверждает и св. Феодор Студит. Святой Илия Екдик сравнивает разные степени молитвы и дары, полученные по ним, следующим образом: «Молитва, как молитва, — говорит он, — бывает хлебом, укрепляющим новоначальных; молитва, с каким-либо созерцанием соединенная, бывает елеем умащающим; а молитва безвидная (без воображений) — вином благоуханным».⁵²⁶

9.5. По словам Феодолита, митр. Филадельфийского, будучи пищей души, «частые молитвы, совершаемые с теплым умилением, вселяют в душу благие памятования и божественные слова».⁵²⁷ Благодаря этому после молитвы у человека по преимуществу бывает несравненно больше возвышенных, чистых мыслей, чем в обычное время. Молитва же вследствие этого создает в нас «должное поистинное настроение»,⁵²⁸ как об этом свидетельствует св. Григорий Синаит.

Получая соответствующее настроение, молящийся приобретает, по словам подвижников, в высшей степени ценное качество — возможность различать добро и зло.

Святой Антоний Великий говорит, что по молитве «дарует Бог благодать все ясно видеть и разуметь, чтоб мы верно могли различать, что добро и что зло». ⁵²⁹ Для неопытных, по словам прп. Исихия, «молитва Иисус-Христова является возбуждением и руководством к испытанию и познанию добра». ⁵³⁰

При столкновении двух помыслов надлежащий и истинный из них избирается молитвою. Святые Варсануфий и Иоанн дают следующий практический совет, применяемый в подобных случаях. «Когда тебе представляется какое-либо дело по Богу, — говорят они, — а противоположный помысл сопротивляется ему, то из этого самого познается, что дело то действительно есть по Богу. — Но приложи молитву, — и смотри: если в то время, когда будешь молиться, сердце твое утверждается в благом и благо сие возрастает, а не умаляется, тогда будет ли оставаться противоположный помысл, докучающий тебе, или нет, знай, что дело то по Богу... Если же кажущееся добро будет внушено диаволом, а притом будет и сопротивление от него же происходящее; тогда молитвою и самое мнимое добро умаляется, и вместе с ним мнимое сопротивление». ⁵³¹ Таким образом, из двух противоположных помыслов молитвою один оставляется, а другой отвергается. Отсюда понятными становятся слова св. Марка Подвижника о том, что «все утверждается молитвою». ⁵³²

9.6. Ум человека, колеблющийся в разрешении темных и запутанных вопросов ⁵³³ и не имеющий истинного ведения, путем молитвы приобретает способность определять и различать добро и зло, получает способность ведения. ⁵³⁴ «Молитвою душа может разыскать в себе все, и худое и доброе». ⁵³⁵ Святой Диадокх говорит, что те, кто «святое и преславное Имя Господа непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет

ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений)». ⁵³⁶

Ведение, получаемое через молитву, выше обычного человеческого разума. Поэтому св. Феодит Филадельфийский говорит, что «Бог — Слово, в молитвенном воззвании сердечно именуемый, вземлет разумение, как ребро, и дарует ведение». ⁵³⁷ Благодаря последнему человеку открывается многое, что было раньше недоступно. Так он становится способным «уразуметь глубины Божественного Писания и сокрытую в нем силу». ⁵³⁸

9.7. Молитва, давая уму человеческому ведение, вместе с тем и дисциплинирует его, собирая его воедино и «избавляя от блуждания по вещам страстным». ⁵³⁹ Она «прекращает суетное скитание мыслей, связуя помысл, кружащийся над чем не должно, и с пользою удерживает его при себе ни мало не развлекимым». ⁵⁴⁰ В силу этого дара человек приобретает покой душевный, прежде нарушавшийся частым вторжением греховных и развлекающих помыслов.

Мир и покой душевный, ⁵⁴¹ который получают молящиеся, создают в душе их светлое и радостное ⁵⁴² настроение, уничтожая вместе с тем скорби ⁵⁴³ душевные. Целый ряд подвижников свидетельствует о неизреченной и великой радости, ⁵⁴⁴ умилении, ⁵⁴⁵ отраде и утешении, ⁵⁴⁶ являющихся результатом молитвы. Из массы этих свидетельств ограничимся лишь несколькими, наиболее характерными.

Говоря о радости как следствии молитвы, прп. Исихий, пресвитер Иерусалимский, высказывает ту мысль, что, имея молитву «каждый день и час, можем таинственно радостный иметь праздник в сердце». ⁵⁴⁷ Святой Исаак Сирианин приводит слова об этом же состоянии одного безмолвника, который говорил: «Я подвизаюсь в безмолвии для того, чтобы услаждались для меня стихи при чтении и молитве. И когда от удовольствия при уразумении

их умоляет язык мой, тогда, как бы во сне каком, прихожу в состояние сжатия чувств и мыслей моих. И когда... утихнет сердце мое от мятежа воспоминаний, тогда посылаются мне непрестанно волны радости внутренними помышлениями, сверх чаяния внезапно приходящими к улаждению сердца моего». ⁵⁴⁸ Этими словами изображен процесс, происходящий в душе молящегося, где видно, как «волны радости» нисходят на человека, когда мысли и разныя воспоминания утихают и не нарушают его покоя.

По словам пр. аввы Филимона, по молитве «отверзаются умные очи сердечные и зрят Царя сил, причем бывает радость великая, и сильно воспламеняется в душе Божественное желание неудержное... и человек весь становится духовным». ⁵⁴⁹ Подобно этому говорит и св. Феодит Филладельфийский: «Бог, приемля молитвенную беседу, и как любимый, и как именуемый, и как на помощь взыскующий, неизреченную подает радость молящейся душе; и душа, поминая Бога, в молитвенной беседе, возвеселяется о Господе, говоря с Пророком: *Помянух Бога и возвеселился* (Пс. 76, 4)». ⁵⁵⁰

Приобретая чрез молитву «покой душам нашим», ⁵⁵¹ при жизни здесь, на земле, молящиеся, по свидетельству пр. Иоанна Карпафского, получают покой и радость и в будущей жизни. «Блажен, — говорит он, — кто ненасытно яст и пьет молитвы и псалмы здесь день и ночь, укрепляет себя славным чтением Писания; ибо такое приращение доставит душе в будущем веке неистощимое радование». ⁵⁵²

9.8. Постигает ли человека уныние, найдет ли на него душевная скорбь или сердце его ожесточится во гневе, ⁵⁵³ — во всех таких случаях молитвою человек избавляется от указанных зол. «К истреблению уныния, — говорит св. Ефрем Сирианин, — служат молитва и непрестанное размышление о Боге». ⁵⁵⁴ Поэтому он и призывает, говоря:

«Чаще молись для победы над унынием». ⁵⁵⁵ То же находим и у св. аввы Евагрия: «Когда станешь упадать духом, молись, как написано у апостола Иакова: *Злостраждет ли кто из вас, пусть молится* (Иак. 5, 13)». ⁵⁵⁶

Молитва дает и спокойствие совести. «Всех, кого печалит совесть о непотребных делах его, умоляю, — говорит св. Ефрем Сирианин, — не отчаивайтесь в себе, не доставляйте радости своему сопернику. Но без стыда приступите к Богу, плачьте пред Ним и не теряйте надежды на прощение». ⁵⁵⁷

Таким образом, молитва является весьма ценным средством для приобретения внутреннего мира души, очень часто нарушаемого разными внешними влияниями, всевозможными искушениями и страстями. Лишь с помощью молитвы возможна борьба человека с указанными препятствиями в постепенном восхождении его по пути духовного совершенства.

«Кто хочет избавиться от разженных стрел лукавого, — говорит св. Ефрем Сирианин, — сподобиться бесстрастия и стать причастником Божественной славы, тот с ненасытным расположением, всем сердцем и всею силою да взыскивает всегда помощи свыше, чтоб с ее пособием побеждать страсти, и чрез такое неопустительное поражение достигнуть в область чистоты, без которой никто не узрит Господа». ⁵⁵⁸

Пребывание в молитве и продолжительные бдения облегчают брань со страстями. ⁵⁵⁹ Поэтому св. Феодор Студит, говоря о плотской страсти, поучает: «Как бы сие не случилось, встань уязвленный поскорее, молись, воздыхай, слезы источай, с решительным отвержением страсти; и страсть скоро утихнет, ты же успокоишься в Господе». ⁵⁶⁰

В отношении к блудным страстям, — говорит св. Григорий Палама, — если не иссушить источника помыслов внутри молитвою и смирением, а только постом и умерщвлением тела вооружиться против них, то безуспеш-

но будешь трудиться; если же источник освятишь смирен-
нием и молитвою, как мы сказали, то сообщишь освяще-
ние и внешнему телу». ⁵⁶¹ Отсюда видно, что молитва выше
поста и побеждает греховные помыслы, чего без нее, при
одном лишь посте, не достигнуть.

Молитвою же ум «восходит к сознанию Бога со всею
любовительною слялою и расположением сердечным. Тогда
похоть плоти отходит, всякое сластолюбивое чувство пре-
стает, и все красоты земные не бывают приятны». ⁵⁶² Тог-
да, по словам св. Феодиса, «подвизающегося в хранении
заповедей, в раю молитвы пребывающего и Богу предсто-
ящего непрестанною памятию, Бог изымает из сластолю-
бивых воздействий плоти, всех чувственных движений, и
всех воображений чувственных вещей в мысли, и мертвым
соделывая его для страстей и греха, представляет причаст-
ником божественной жизни». ⁵⁶³

Вообще же непрестанная молитва, являясь верным
оружием на брань с врагами, по свидетельству св. Феодо-
ра Студита и других святых отцов, ⁵⁶⁴ «не даст места диа-
волу напасть на нас», ⁵⁶⁵ так как «когда нападет враг или и
уранит, по невниманию нашему впуснит стрелу похоти в
сердце, тотчас употребим против него молитву, — и он
убежит немедля». ⁵⁶⁶ Поэтому св. Феодор и предупреждает:
«В борьбе с врагами никто не оставайся без меча, кото-
рый есть божественная молитва». ⁵⁶⁷ При этом цитируемый
автор указывает, что молитва есть средство не против ка-
ких-либо одних страстей, но против всех. Против демонов
всех страстей, по его словам, должны «мы выступать, со
всеми воевать и всех поражать именем Господа нашего
Иисуса Христа, имеющего украсить нас венцем победы
в день воздаяния». ⁵⁶⁸

Также и прп. Нил Синайский утверждает, что молит-
ва и псалмопение «усыпляют все страсти и укрощают по-
зывы телесной невоздержности», ⁵⁶⁹ ибо «одно призывание
имени Божия в бегство обращает демонов». ⁵⁷⁰

9.9. Без молитвы, одними лишь своими силами, чело-
век, конечно, не мог бы успешно вести борьбу с темными
силами, создающими препятствия духовному совершенст-
вованию его. Лишь имея у себя «необоримый щит — мо-
литву», ⁵⁷¹ он может преодолевать и побеждать их. Хотя и
бывает у христианина брань, и «с великим шумом восста-
ют злые демоны и посредством страстей производят мя-
теж и бурю в сердце, но именем Иисуса Христа все сие
потребляется и разливается, как воск в огне». ⁵⁷²

Лишь бы только обращался человек к благодатному
оружию — молитве, и тогда, с помощью Божией, может
быть твердо уверенным, что выйдет победителем во вся-
ких искушениях, посрамив своих врагов. «Кто во время
восстания искушений воздерживается от помышлений о
вещах, прилежит же молитве с собиранием ума от всего
к себе самому и к Богу, тот убивает грехотворную склон-
ность и тем со стыдом обращает вспять диавола, восстав-
ляющего сказанную склонность, в надежде на которую он
и подступил к душе с обычною ему дерзостью, гордостны-
ми воставая против истины помыслами». ⁵⁷³

Подобно этому и блаженный Диодор сообщает, что
если ум окажется во время искушения (особенно в момент
тончайшего некоего сна или засыпания) «трезвенно памя-
тующим о Господе Иисусе, то тотчас рассеивает это, об-
манчиво кажущееся приятным, дыхание врага и с радо-
стью выступает на борьбу с ним, имея готовое против него
оружие, по благодати». ⁵⁷⁴

9.10. Имея такое могучее средство борьбы с врагами
своего спасения, как молитва, человеку значительно легче
преуспевать в духовной жизни и укрепляться в добродете-
лях, тем более, что и способность жить свято он получает
также через молитву.

О том, что все добродетели подаются через молитву,
свидетельствует св. Марк Подвижник, пришедший к это-

му выводу на основании своего личного опыта. «Начнем дело молитвы, — говорит он, — и, преуспевая постепенно, найдем, что не только надежда на Бога, но и твердая вера, и нелицемерная любовь, и незабываемость, и любовь к братии, и воздержание, и терпение, и ведение внутренней, и избавление от искушений, благодатные дарования, сердечное исповедание и усердные слезы — через молитву подаются верным, и не только сие (вышеисчисленное), но и терпение приключающихся скорбей, и чистая любовь к ближнему, и познание духовного закона, и обретение правды Божией, и наитие Духа Святого, и подавание духовных сокровищ, и все, что Бог обещал дать верным здесь и в будущем веке, — (все сие получают они через молитву)».⁵⁷⁵

Этими словами указывается, что каждый шаг, каждое движение по пути к совершенству подается и освещается молитвою. «Одним словом, — добавляет св. Марк, — невозможно иначе восстановить в себе образ Божий, как только благодатию Божиею и верою, если человек с великим смирением пребывает умом в неразвлеченной молитве»,⁵⁷⁶ так как «молитва содействует к исполнению всех заповедей».⁵⁷⁷

9.11. Молитва, по словам аввы Фалассия, будучи «самым могущественным орудием добродетели, очищает и осияет ум».⁵⁷⁸ Очищая ум, она «готовляет его к созерцанию сущего».⁵⁷⁹ Поэтому, говоря о молитве, прп. Нил Синайский призывает: «Памятуй всегда о Боге и небом сделается ум твой».⁵⁸⁰ «Если желаешь быть храмом Божиим, то приноси Богу непрестанную молитву, как жертву непрерывную».⁵⁸¹

Но не только ум получает освящение в молитве. Вместе с ним освящается тело и душа молящегося. «Всякий раз, как беседуешь ты с Богом, — говорит св. Ефрем Сирин, — посредством Божественных Писаний и молитв,

освящается у тебя тело и душа. Зная сие, — добавляет он, — старайся чаще упражняться в них».⁵⁸²

Таким образом, молитвою освящается весь человек, и, по словам прп. Филофея Синайского, «чистое сердце в нем содевается мысленным небом... и бывает вмещателем невместимого Бога, по таинственному видению и восхождению (восторжению) ума».⁵⁸³ В таком состоянии человек входит уже в общение и единение с Богом, что является одним из величайших даров, получаемых через молитву.

9.12. Ум, очищенный от страстей, начинает неудержимо стремиться к Богу, и молитва уже делается чистой: «Когда ум обнажится от страстей, — пишет св. Максим Исповедник, — тогда может он и в Боге быть и молиться, как должно».⁵⁸⁴ Чтобы не нарушать это единение с Богом и пребывание в Нем, необходима непрестанная молитва, которая и может поддержать и длить это состояние, чтобы, по словам св. аввы Филимона, «другой какой помысл, нашедши, не отлучил нас от Бога, и вместо Него не представилось уму нашему иное что»,⁵⁸⁵ так как «только чистое сердце, став вмещателем Духа Святого, чисто зрит в себе, как в зеркале, Самого Бога».⁵⁸⁶ При этом, как говорит прп. Исихий Иерусалимский, «святое и достопоклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, поражает бесчисленное множество солнцевидных помышлений».⁵⁸⁷

Молитва есть средство единения человека с Богом. Она «поставляет человека в положение всегдашнего собеседования с Богом».⁵⁸⁸ Она есть средство к достижению высшей духовности — любви к личному Богу и к людям.

Сердечная молитва есть порыв души, возносящий душу над плотью. Она «отрешает ум от всякого помышления о чувственном, возводит к Самому, над всеми сущему Богу, чтобы с Ним беседовать и у Него с дерзновением испрашивать все, что угодно; и таким образом делает,

что человек проводит жизнь в чистоте, как бывший уже в общении с Богом».⁵⁸⁹

Это общение проявляется в форме содружества и собеседования человека с Богом, приближая творение к Творцу, как об этом говорит прп. Нил Синайский: «Молитва настраивает нас на собеседование с Богом и долговременным навыком в сем вводит с Ним в содружество; с Ним, Который и ничтожных людей приемлет в любовь и не стыдится дружественного сближения с ними, пока пребывающая в них любовь дает им дерзновение».⁵⁹⁰

Говоря о восхождении на высоту духовного ума во время молитвенного состояния, прп. Нил Синайский свидетельствует, что при этом «Слово (Господь) обыкновенно явным для нас делается, то есть в сознании нашем ясно печатлется».⁵⁹¹ Дается это с большим трудом, так как только при «долговременном сохранении памятования о Боге душа по временам приводится в изумление и удивление».⁵⁹²

Так как «сношение с людьми, — по словам св. Исаака Сирианянина, — бывает посредством тела, а сношение с Богом, посредством душевного памятования о Нем, внимания к Нему в молитвах и всецелого Ему себя предания»,⁵⁹³ то поэтому он советует непрестанно очищать себя пред Богом, «имея в сердце своем памятование о Нем, чтобы, пробыв долго без памятования о Нем, не оказаться не имеющим дерзновения, когда приходишь к Нему. Ибо дерзновение пред Богом бывает следствием частого с Ним собеседования и многой молитвы».⁵⁹⁴

Результатом многой и чистой молитвы является ясная мысль о Боге, которую производит она в душе молящегося. Вместе с этим, по словам св. Василия Великого (приведенным св. Исааком), «водружение нами в себе памятования о Боге есть вселение в нас Бога».⁵⁹⁵ Благодаря такой тесной связи во время молитвы человека с Богом «мы

содельваемся храмом Божиим. Сердце сокрушенное служит уготовлением упокоения в Боге».⁵⁹⁶

Достигший такого состояния, по словам пр. Феогноста, «совершенно изменившись, соединяется с Богом, как свой Ему, и непрестанной молитвой и созерцанием... достигает высших мер чистоты, любви и веры».⁵⁹⁷ Свою мысль святой отец иллюстрирует примерами: «На сей находясь степени, говорит он, Илия заключает небо на бездождие, и небесным огнем посылает жертву; Моисей пресекает море и воздвигением рук обращает в бегство Амалика; Иона избавляется от кита и глубины морской».⁵⁹⁸ Для достигшего такой высоты и смерть не будет страшна. Он принимает ее как обыкновенный сон, с радостью переселяясь туда, куда он стремился.⁵⁹⁹

Отсюда понятным становится восторженное восклицание св. Григория Паламы: «О, ни с чем не сравнимая благодать умной молитвы! — Она поставляет человека в положение всегдашнего собеседования с Богом. О, дело, воистину дивное и предивное! Телесно обращаешься с людьми, а умно беседуешь с Богом».⁶⁰⁰

9.13. Наивысший, по дару благодати Божией, результат молитвы — спасение человека. По словам св. Марка Подвижника, человек, грешивший прежде, «начинает воспринимать начало пути спасения после многих трудов в молитвах и всеобщих бдениях».⁶⁰¹ При этом св. Марк говорит, что Сам Господь заповедал «молитвою искать Царства Божия и правды Его».⁶⁰²

Если же человек не стяжет, как говорит прп. авва Исаия, «непрестанной с болезнованием сердца молитвы к Богу... или служение (молитвенный труд — λειτουργία), испрашивания помощи Божией против всего, каждодневно находящего на него; — то он не может спастись».⁶⁰³

Душу же, пребывающую в «постях долгих, бдениях частых, в поучениях в Слове Божиим, в непрестанной мо-

литве, по словам св. Антония Великого, Всещедрый, призревает на нее милостивым оком, избавит ее от всех искушений и исторгнет из рук врагов милостию Своею».⁶⁰⁴

Картинное сравнение для иллюстрации мысли о том, что молитва есть средство спасения, приводит в своих творениях св. Ефрем Сирианин. Он говорит, что «монах подобен человеку, который, когда несясь с высоты, встретив вервь, висящую высоко над землею, ухватился за нее, — виснет на ней и непрестанно вопиет к Господу о помощи, зная, что, если ослабеет и выпустит вервь из обеих рук, то упадет и умрет».⁶⁰⁵

Приведенные слова святых подвижников указывают на то, что они, выражая свои мысли разными словами и в разной форме, все единогласно говорят о величайших благодеяниях, получаемых чрез молитву. Дополняя один другого, они все вместе рисуют увлекающую к подвигу картину. Все необходимое, все потребное для жизни, все высочайшие духовные наслаждения, наконец, спасение и вечное блаженство может получить человек чрез молитву.

Глава 10

УСЛОВИЯ ПЛОДОТВОРНОЙ МОЛИТВЫ

10.1. Описывая результаты молитвы и научая, о чем следует молиться, святые отцы указывают также и на то, что способствует и что препятствует ей.

Чтобы молитва была плодотворной, требуется исполнение определенных условий, которые делают молитву таковой. Так, например, чтобы достигнуть великого блага отражения в уме своем Самого Господа Бога, по свидетельству св. Ефрема Сирианина, необходима молитва «с чистым сердцем, с любовию и со слезами. А это неоцененное благо приобретается нищетою, бедностью и всяческим тесным житием. Узкие врата и тесный путь вводят в жизнь (Мф. 7, 14)».⁶⁰⁶

Лишь при наличии известных условий, описываемых святыми авторами «Добротолюбия», возможна истинная молитва, которая может быть услышана Богом. Без этих же условий она не только останется втуне, но даже, как говорит св. Ефрем Сирианин словами Псалмопевца, *будет в грех* (Пс. 108, 7).⁶⁰⁷

10.2. Выше,⁶⁰⁸ при описании различных степеней молитвы, было сказано о внимательности, сосредоточенности и участии сердца в молитвах как необходимых и существенных признаках молитвы второй степени, отличной от внешней молитвы, молитвы новоначальных.

Теперь же следует заметить, что указанные условия являются необходимыми для того, чтобы молитва вообще

была услышана. Святой Ефрем Сирианин говорит о том, что молитва приближается к Богу только, когда молится кто с ведением, не позволяя скитаться помыслам, и разумее, кто он и Кому предстоит и с Кем беседует.⁶⁰⁹ Если человек, после рассеяния мыслей «продолжит молитву свою, то Сотворивший его, после возвращения летающего помысла, услышит его, хотя бы он был тьмочисленно грешен».⁶¹⁰

Святой Ефрем Сирианин дает также ряд указаний, необходимых для того, чтобы «молитва... была свята, чиста и нескверна, чтоб, увидев ее, восходящую горé, небесные врата тотчас отверзлись пред нею, чтоб, видя ее (востекшею туда), Ангелы и Архангелы, все с веселием сретили ее и принесли к святому и превознесенному престолу Пречистого Владыки».⁶¹¹ Для достижения этого необходимо следующее: «Будь внимателен к себе, — поучает св. Ефрем, — чтоб во время молитвы не быть рассеянным. Когда станешь на молитву пред Богом, стой пред Ним со страхом и трепетом. Крутом отсеки от сердца своего помыслы и попечения о всем земном».⁶¹² Лишь та молитва, которая совершается «противленно, с болезнующей душой, с напряженным умом, восходит к небу».⁶¹³ Поэтому святой отец и предупреждает молящегося: «Когда станешь пред Богом на молитву, смотри, чтобы прекрасных органов, на которых поешь Богу, то есть помыслов твоих, не расхитили враги твои».⁶¹⁴

10.3. У блаженного Диадокха находим указание на условия для сосредоточения внимания и восстановления памятования о Боге.

Прежде всего он поясняет, почему происходит рассеянность во время молитвы и чем вызывается отсутствие памятования о Боге. «Когда душа возмущается гневом, или отягчается многоядением, или сильною печалью омрачается, — говорит он, — тогда ум не может держать памя-

тования о Боге, хотя бы и понуждаем был к тому как-нибудь. Ибо весь будучи омрачен лютою сию сих страстей, бывает он тогда совершенно чужд собственного чувства; почему желание не имеет, где наложить свою печать, чтоб чрез то ум мог носить незабвенным и неизменным вид богомыслия, так как тогда память его огрубевает, по причине суровства страстей».⁶¹⁵ Другими словами говоря, человеку, плененному указанными страстями, трудно сосредоточиться в молитве и молиться нерассеянному. Наоборот же, когда душа, по словам блаженного Диадокха, «бывает свободна от таких возмущений, тогда, если иногда и успеет забвение на мгновение украсть мысль о возлюбленном Господе, ум, восприняв свою энергию и живость, тотчас опять с жаром емется за многовожденную оную и спасительную ловитву, ибо тогда сама благодать сбогомыслствует душе и созывает: *Господи, Иисусе Христе!*».⁶¹⁶

Итак, молитва будет сосредоточенной и внимательной в том случае, если человек творит ее без гнева⁶¹⁷ на ближних своих, что заповедал и поставил первым условием истинной молитвы Сам Господь (Мф. 5, 23—24; 6, 14—15).⁶¹⁸ Это же подтверждает и св. Каллист Тиликуда, говоря, что для совершения истинной молитвы⁶¹⁹ надо «быть всегда кротку сердцем и никогда ничем не возмущаться до гнева или неудовольствия. В этом легко успеть, если от всех уклоняться и больше молчать. Если же когда случится возмутиться, надо поскорее покаяться, «себя укоряя, и положить строго внимать себе потом, чтобы тихо и с чистою совестью, положив начало, опять призывать Господа Иисуса и Божественную Его благодать, в успокоение души своей».⁶²⁰

Наоборот, гнев и злопамятство мешают чистой молитве. «Как дым от тлеющей соломы беспокоит глаза, так и памятозлобие — ум во время молитвы»,⁶²¹ — говорит прп. Нил и добавляет, что «псалмопение гневливому — неприятный звук».⁶²²

Затем, внимательной молитве содействует, как сказано, отсутствие многоядения. По словам Иоанна Лествичника, только «ум постыжающегося молится трезвенно, а ум невоздержанного исполнен нечистых мечтаний». ⁶²³ При этом «насыщение чрева иссушает источники слез, а чрево, иссушенное воздержанием, рождает слезные воды». ⁶²⁴ Также и «жажда много содействует в слезах при молитве». ⁶²⁵

По сравнению св. Нила Синайского, «молитва постника — парящий ввысь орлий птенец, а молитва угостившегося ниспадает долу, тяготившая пресыщением», ⁶²⁶ ибо, как учит св. Григорий Синаит, когда «стомах отягчен бывает и ум чрез то помутится, тогда не может человек творить молитву крепко и чисто, но под действием многих брашен, клонимый ко сну, хочет поскорее лечь соснуть, — от чего бесчисленные мечтания во сне наполняют ум». ⁶²⁷

В основу приведенных рассуждений положены слова Спасителя: *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством* (Лк. 21, 34). Поэтому св. Марк Подвижник говорит: «Если будем сеять семя молитвы, не удрочив тела своего постом, то вместо правды принесем плоды греха». ⁶²⁸

Следует, однако, иметь в виду, как и везде, так и в данном случае, умеренность должна иметь свое место. Ибо, по словам св. Кассиана Римлянина, «неумеренный пост делает совершение молитвы безжизненным по причине невозможности тела». ⁶²⁹

Наконец, отсутствие печали также способствует внимательной молитве. «Если желаешь молиться, как должно, — говорит прп. Нил Синайский, — не печаль души (или не держи огорчения на душе); иначе всеу течение твоё (или молитвенный труд твой)». ⁶³⁰ «Собирающие в себе печали (огорчения) и злупомнения, и держание в этом состоянии молитву, походят на тех, которые черпают воду и вливают ее в дырявую кадь». ⁶³¹ Печаль всему доброму

полагает препону, ибо опечаленный «не подвигнет ум к созерцанию и никогда не восхлест чистой молитвы». ⁶³²

10.4. Одним из главных препятствий к внимательной и сосредоточенной молитве являются помыслы, заполняющие ум и сердце и развлекающие молящегося. Ибо, — как говорит Господь, — *из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления* (Мф. 15, 19). Как на одно из существенных средств для борьбы с ними, святые подвижники указывают на сосредоточение внимания во время молитвы. «Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвою, как связано и неразлучно тело с душою, — говорит св. Симеон Богослов. — Внимание пусть первое вступает в борьбу с грехом и противостоит злым помыслам, входящим в душу, а позади внимания пусть следует молитва, которая истребляет и побивает тотчас все те злые помыслы, с которыми пред сим вело брань внимание; ибо одно оно не может их побивать». ⁶³³

Насколько важна эта борьба с помыслами, указывают следующие слова св. Симеона, где он говорит, что «на этой брани внимания и молитвы (с помыслами) висит жизнь и смерть души. Если, — поясняет он, — мы оставим молитву неохраиваемой и она оскверняется злыми помыслами, то бываем непотребными и безутешными». ⁶³⁴

Поэтому прп. Нил поучает: «Подвизайся ум свой во время молитвы содейвать глухим и немым, и будешь тогда иметь возможность молиться, как должно». ⁶³⁵

Итак, от молящегося требуется борьба и борьба неотступная с постоянным противоречием ⁶³⁶ помыслам. Преподобный Филофей Синайский и другие подвижники призывают «мужественно и неотступно стоять у двери сердца, с крепкою памятью о Боге и непрестанною в душе Иисус Христовою молитвою, то есть верною, усиленною и горю восхищающею памятию о Боге посекать ради

Господа, главы сильных и начала брань воздвигающих помыслов». ⁶³⁷ По сравнению прп. Филофея, молитва со вниманием «подобна Илиной колеснице, поднимающей на высоту небесную того, кто ей причастен». ⁶³⁸

10.5. У прп. аввы Филимона находим указание на причины греховных помыслов, мешающих внимательной молитве. Он говорит, что «помыслы о вещах суетных, бывающие в душе, суть недуг праздноголюбивой и предавшейся нерадению души». ⁶³⁹ Поэтому нам, добавляет он, «надлежит по Писанию всяким хранением блюсти ум свой, разумно петь без рассеяния и молиться чистым умом». ⁶⁴⁰

О разумном или благочинном пении как средстве для сохранения внимания говорит и св. Феодор Студит, свидетельствуя, что «нелепые фантазии и расхищение ума бывают при неблагочинном пении, а при благочинном сохраняются внимание, трезвение и ощущается сладость молитвы». ⁶⁴¹ При этом следует отметить, что петь внимательно труднее, чем молиться. «Великое дело, — говорит св. авва Евагрий, — молиться неразвлеченно; но петь неразвлеченно — еще больше». ⁶⁴²

Святой Григорий Синаит объясняет назначение пения следующим образом: «Гласное пение дано на случай разлечения и одоления нашего, чтоб возводить нас в должное поистине настроение». ⁶⁴³

Важным подспорьем в данном случае является знание смысла молитв, тропарей, стихов и псалмов. Когда человек сознательно читает или поет молитвословия, ему легче удерживать мысль на произносимых словах. Поэтому прп. Никита Стифат поучает: «Берегись козней вражеских, когда молишься и поешь псалмы Господу: ибо они всячески ухищряются отвлекать мысль и чувство от того, что поется и все то изгладить из памяти. Делают же сие для того, чтоб лишить нас плодов молитвы и чтоб, не вкушая сих плодов, мы заскучали на псалмопении и пресекали

его. Но ты истой мужественно и еще прилежней внимай псалмам, неспешно читая их, да пожнешь плод молитвы при созерцании того, что представляют стихи псаломские, и обогатиться просвещением Святого Духа, воссияющим в душах молящихся». ⁶⁴⁴ «Не позволяй себе оставлять ничего из произносимого языком неразумеваемым», ⁶⁴⁵ — говорит св. Феодит, — пока наконец ум станет неотступно следовать вниманием за тем, что произносит язык». ⁶⁴⁶ «Тогда бывает чистая и неблуждательная молитва, — говорят свв. Каллист и Игнатий, — когда ум блюдет сердце во время молитвы». ⁶⁴⁷

10.6. Указанные результаты достигаются лишь после упорной и продолжительной работы человека, после долгих упражнений при содействии помощи Божией, так как овладеть помыслами и управлять ими, не допуская греховных, есть дело очень трудное. Способность сосредоточиться в молитве есть великий дар Божий. «Не столько трудно пресечь путь реки, чтоб она не неслась вниз, сколько остановить стремление ума, чтобы не влялся по видимым вещам, а устремлялся горé, к сродному ему, сосредоточиваясь в молитве», ⁶⁴⁸ — говорит св. Илия Едик. Хотя, — добавляет он, — «последнее по естеству уму, а то не по естеству». ⁶⁴⁹

Человек, вступивший на путь молитвенного подвига, даже не всегда своевременно замечает возникновение греховных мыслей и поэтому не бывает готов к немедленному их отражению. «Только тот человек, — говорит св. Симеон Богослов, — который всю надежду свою возлагает на Бога и живет под руководством духовного старца-руководителя, отрекаясь от своей воли и пристрастия мирского и имея ум свободным от всего, может без всякой помехи, исследовать наносимые демонами помыслы и с великим удобством отгонять их, и чистым сердцем приносить молитвы свои Богу». ⁶⁵⁰

Трудность борьбы с помыслами осложняется еще и тем, что от продолжительного напряжения внимания наступает утомление. «Внимание, — говорит пр. Филофей Синайский, — держа непрестанно в напряжении умные очи, утомляет и тяготит голову. Но Иисус, призываемый в молитве, пришедши, просвещает сердце». ⁶⁵¹ Когда ты еще будешь призывать Господа, то Сладчайший Иисус скажет: «С тобою Я, чтобы подать тебе заступление». ⁶⁵² Итак, главным средством для установления блуждающих помыслов является помощь Божия, облегчающая достижение чистой молитвы.

10.7. Другим облегчением усилий человека сосредоточить свой ум в желаемом направлении служат внешние приемы в молитве, которые были описаны при изложении третьего, высшего образа умной молитвы. ⁶⁵³ Теперь же ограничимся общей характеристикой их, даваемой св. Григорием Паламой. ⁶⁵⁴ ввиду того, что «по преступлении (по падении) внутренний человек обыкновенно согласуется с внешним (с внешними положениями и движениями), то почему не принять, что тому, кто старается ум свой обратить в себя самого, очень много содействует в сем очей своих, вместо блуждания их туда и сюда, возвращение внутрь и установление в груди своей. Как, при обращении очей во вне, чрез видение вещей ум рассеивается по сим вещам; так при возвращении очей внутрь, это движение их естественно туда же внутрь сердца повлечет и ум того, кто усиливается дать ему обратное движение, собрав отвне внутрь». ⁶⁵⁵

Об этом же говорит и св. Симеон Новый Богослов: «Там (в сердце) имей ум свой, стараясь всячески обрести место, где сердце, чтобы обрести его, там уже всецело пребывал ум твой. Ум, подвизаясь в сем, улучит место сердца. Это случится, когда благодать даст сладость и теплоту молитвенную. С сего же момента и потом... какой-

либо помысл, прежде чем войдет он внутрь и помыслится или вообразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и уничтожает именем Иисусовым, то есть молитвою — *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!* С сего также времени ум человека начинает иметь злобу и ненависть к демонам, поднимает на них непрестанную войну и поражает». ⁶⁵⁶

10.8. Кроме указанных способов, святые подвижники начинают пользоваться предметами и явлениями окружающего нас мира, путем созерцания их и возношения чрез них собранных мыслей к Творцу всего.

Святой Феодор Студит говорит, что мы видим «свод небесный, блестящее солнце, светлую луну, группы звезд и все другие чувствам подлежащие вещи, не за тем, чтоб на них останавливаться, но чтоб, чрез них возноситься к Творцу всяческих Богу», быть в бодренном внимании к делу Божию. Ибо «при устремлении очей ума нашего в беспредельное море дивных дел Божиих, в которые углубляясь, ум не будет иметь времени осуетиться чем-либо бытийским, или соплетаться с худыми помыслами». ⁶⁵⁷

Также способствует нерассеянной молитве и чтение Священного Писания. «Когда кто вместо забот днем упражняется в чтении Божественных Писаний, — говорит св. Исаак Сирианин, — которое укрепляет ум, особенно же служит орошением молитве и помогает бдению, тесно соединенному с молитвой, тогда в сем чтении обретает вождя на стезю правую, обретает то, в чем семя всего питающего молитвенное созерцание, что удерживает помышления от парения, непрестанно посевает в душе памятование о Боге». ⁶⁵⁸

«Чтобы заменить одно собеседование другим (суетное — душеспасительным), — продолжает святой отец, — занимайся чтением Писания и житиями святых. И когда станешь на молитву и на правило свое, то вместо размышления о том, что видел и слышал в мире, найдешь в себе

размышление о Божественных Писаниях, какие прочел, и сим размышлением приведется в забвение, что памятовал о мирском; а таким образом приходит ум в чистоту».⁶⁵⁹

Таким образом, согласно св. Исааку, чтение, «вместо внешней примеси, доставляет пищу разным видам молитвы, а потому чтением душа просвещается, чтобы всегда молиться неленостно и несмущенно».⁶⁶⁰ Поэтому, чтоб не давать хода свободному разглагольствованию ума своего, как говорит блаженный Диадокх, и «не поглажать его охоте безмерно предаваться выспренним парениям, будем упражняться наиболее в молитве, псалмопении и чтении Писаний, не презирая притом и толкования любомудрых мужей, коих словеса преисполнены истинным ведением веры. Действуя так, мы не только не дадим ему (уму. — *игум. В.*) свои речения примешивать к благодатным словесам и не попустим ему, увлекаясь тщеславием, рассеиваться в парениях под действием самодовольства и словохотливости; но и научимся сохранять его безмечтанным во время созерцания и все почти помышления его сделаем слезоточными».⁶⁶¹

10.9. Чтобы еще более преуспеть в деле сосредоточенной и нерассеянной молитвы и чтобы легче бороться с привходящими помыслами, имея чистым свой ум, святые отцы, в частности св. Исаак Сирианин, советуют избегать встреч и бесед с людьми мира сего, делая исключение только для своих единомышленников: «Если намерен ты предать душу свою на дело молитвы, очищающей ум, и на пребывание в бодрствовании ночью, чтобы приобрести светлый разум, то удаляйся от зрания мира, прекрати свидания с людьми, не принимай в келью свою, по обычаю, друзей, даже под видом пользы, кроме единомышленных, единомысленных с тобою и сотаинников твоих, бойся смущения душевной беседы... Ибо в какой мере сердце перестает тревожиться внешними предметами, в такой же ум

может от уразумения мыслей и дел Божественных доходить до постижения и изумления».⁶⁶²

Большое значение в деле приобретения навыка чистой и нерассеянной молитвы имеет постоянное понуждение себя к ней. «Кто ежедневно понуждает себя пребывать в молитве, — говорит св. Макарий Великий, — тот духовною любовью к Богу воспламеняется к божественной приверженности и пламенному желанию и приемлет благодать духовного совершенства».⁶⁶³

Понуждение к молитве должно быть не только делом ежедневным и в определенные часы, но постоянным и непрерывным. Премудрые наставники, пишут свв. Каллист и Игнатий, «с живущим в них Духом Святым, всех нас научают преимущественно пред всяким другим деланием и попечением, Господу молиться и у Него просить милости с несомненным упованием, непрестанным имея делом и занятием призывание всеяго и сладчайшего имени Его, всегда нося Его в уме, в сердце и в устах, и всячески понуждая себя, в Нем и с Ним и дышать, и жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть, и пить, — и все вообще, что ни делаем, так делать».⁶⁶⁴

Другим важным условием для совершения нерассеянной молитвы является исхождение ее из глубины души.⁶⁶⁵ от сердца. При этом, по словам св. Григория Паламы, «чем крепче заключаешь молитву внутрь сердца, тем более она обилует Божественною благодатию».⁶⁶⁶ Святые Каллист и Игнатий призывают к такой молитве: «Всемерно надо стараться и всегда подвизаться о том, чтоб, как сказано, памятование Господа Иисуса Христа непрестанно носить во глубине сердца, — во глубине, а не вне и сверху».⁶⁶⁷ В зависимости от участия сердца в молитве, от степени силы чувства, вложенного в молитву находится и качество самой молитвы.

Выше, при изложении учения святых подвижников о втором образе или второй степени молитвы, было сказано

о характерных ее признаках и отличительных чертах, которые одновременно являются необходимым условием истинной молитвы, могут быть услышанной Богом. Ввиду этого представилось необходимым упомянуть здесь о мыслях святых отцов, рассмотренных и изложенных выше.

Итак, участие сердца и внимательное хранение его от греховных помыслов способствуют истинной молитве. По объяснению св. Симеона Нового Богослова, хранением сердца и вниманием умаляются и укрощаются в нас страсти, сильно препятствующие чистой молитве. Он говорит: «Когда же страсти, посредством сопротивления им сердца, усмирятся совсем, тогда ум приходит к возжеланию Бога и ищет сдружиться с Ним, для чего умножает молитву и в ней преимущественно проводит время».⁶⁶⁸

Подобно этому утверждает и прп. Нил Синайский: «Пока не отрешился ты совершенно от страстей и ум твой еще обнаруживает сопротивление добродетели и истине, до тех пор не обрешь ты благовонного фимиама в недре твоём, то есть чистой и теплой молитвы».⁶⁶⁹

При этом прп. Нил поясняет свою мысль следующим сравнением: «Как больному глазами не принесет пользы долгое и напряженное смотрение на солнце, так уму страстному и нечистому не принесет пользы воображение страшной и преестественной молитвы в духе и истине».⁶⁷⁰

Как на общее правило следует указать, что попутно с преуспеваемым в христианской жизни совершенствуется и улучшается и молитва. Очень много значит при этом состояние нашей совести. По словам св. Максима Исповедника, если совесть не чиста, то обличения ее «причинают печаль во время молитвы и отгоняют ум от дерзновения к Богу».⁶⁷¹ Об этом же и св. Марк свидетельствует, что «чистая молитва приобретается совестью».⁶⁷²

По словам св. Симеона Богослова, для преуспеяния в добродетели, способствующей молитве, «надлежит соблюдать три вещи прежде всего другого: *совесть чистую*

во всем, чтобы она не обличала тебя решительно ни в чем; затем *беспечение* о всем, даже благословном, а не только неблагословном и суетном, или иначе — умертвиться всему; и, наконец, совершенное *беспристрастие*, чтобы помысл твой не клонился ни к какой мирской вежди».⁶⁷³ «Не может сдружиться с молитвою тот, — говорит св. Илия Екдик, — кто не отрекся от всего вещественного, кроме пищи и одежды (1 Тим. 6, 8). Стань вне всего другого, если желаешь быть в молитве с единым умом».⁶⁷⁴

Аналогичные с этим мысли встречаем и у других подвижников. Так, св. Нил говорит: «Если желаешь стяжать молитву, отрекись от всего, да все наследуешь».⁶⁷⁵ Святой Иоанн Лествичник утверждает, что «молитва не что иное есть, как отчуждение от мира видимого и невидимого».⁶⁷⁶ Поэтому «совершенно молящийся есть тот, кто умерщвляет себя миру и покою его».⁶⁷⁷ Об этом же пишет и прп. авва Исаия: «Если не возненавидит человек все, что делается в мире сем, то не может служить и поклоняться Богу, как должно. Ибо служение Богу что есть, если не то, чтоб ничего не иметь в уме чуждого, когда он молится; ни сласти (чувственной), когда благословляет Бога, ни гнева, — когда поет Ему, ни ненависти, когда величает Его, ни злого рвения и зависти, когда приседит Ему и помнит о Нем. Ибо все это мрачное, есть стена, окружающая бедную душу... Ибо оно удерживает ее в воздухе и не допускает ей сретить Бога (предстать Ему умно), втайне благословить Его и помолиться Ему в сладости сердца, да просветится от Него. Ум же всегда омрачается и не может преуспевать в жизни по Богу того ради, что не печется отсекать все сие разумно».⁶⁷⁸

Для стяжания чистой молитвы необходимо во время ее совершения не допускать даже и не греховные помыслы, но не относящиеся к молитве. «Когда стоим на молитве, — поучает св. Каллист Тиликуда, — и колена преклоняем, никакому отнюдь помыслу не дадим войти в сердце

наше, ни белому, ни черному, ни десному, ни шуюму, ни писанному, ни неписанному, кроме умаливания Бога и с неба сходящего в ум просвещения и облистания».⁶⁷⁹

Преусование в христианской жизни, являющееся условием совершенствования молитвы, заключается в приобретении христианских добродетелей и отрешении от греховных страстей и помыслов, которые, как путы, по сравнению св. Илии Екдикя, привязывают молящегося к земле. «Не может, — говорит он, — чисто молиться тот, кто одержим красотолубивою и честолюбивою страстью. Ибо пристрастие к сим вещам и суетные помыслы опутывают такого, как вервями, и во время молитвы совлекают его долу, как бывает с привязанною птицею, когда она покушается подняться на воздух».⁶⁸⁰

Когда же человек, по свидетельству прп. Никифора Уединенника, приобретает «весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочие, то ради их потом всякое прошение его исполняемо будет о Христе Иисусе, Господе нашем».⁶⁸¹ При этом следует иметь в виду то, что, если добрые дела совершаются по тщеславию, то таковые молитве способствовать не могут. Наоборот «молитва делающих добрые дела ради славы человеческой, не восходит к небесам, и всякое усердие их ниспадает долу, не будучи обложено крылами Божественной любви, которая, — как говорит св. Григорий Палама, — земные дела наши делает горю — восходимыми».⁶⁸²

Различные заботы, хлопоты и попечения являются также препятствием чистой молитве, ибо «молитва есть отложение всяких сторонних помышлений».⁶⁸³ Только далекий «от всякого пристрастия мирского является способным к тому, чтоб быть весьма ревностным и неленостным деятелем совершенной молитвы».⁶⁸⁴

Святые Каллист и Игнатий приводят слова св. Василия Великого: «Молитва добрая та есть, которая действительно внедряет в душу помышления о Боге. Вселение Божие

есть иметь в себе водруженным Бога памятованием, когда сие памятование не пресекается земными попечениями, и ум не возмущается нечаянными движениями страстей. Боголюбивый от всего отбегая, к Богу отходит».⁶⁸⁵

Результатом «удаления от дел житейских, по свидетельству св. Исаака Сирианина, являются всеночное и трезвенное бдение и множество поклонов».⁶⁸⁶ Поэтому св. Исаак и говорит, что «молитву предваряет отшельничество, т. е. уединение, отвлечение мыслей от всего стороннего, и что отшельничество нужно ради молитвы».⁶⁸⁷

Отрешение от суетных забот или безпопечение святыне отцы часто именуют безмолвием. Святой Григорий Синаит указывает некоторых святых авторов, писавших о безмолвии, например, св. Иоанн Лествичник, св. Исаак, св. Максим, св. Филофей Синайский, и прочие.⁶⁸⁸ По св. Лествичнику, безмолвие есть «отложение помышлений о вещах, и чувственных и мысленных».⁶⁸⁹

Блаженный Авва Фалассий предупреждает, что «невозможно уму заняться духовными предметами, если наперед не отсечет склонности к чувствам и чувственности».⁶⁹⁰ Он говорит, что «доброе безмолвие рождает молитву чистую».⁶⁹¹ Насколько благотворно безмолвие для молящегося, показывают слова св. Исаака: «Мысли, возбуждающиеся у безмолвствующих, сами собой, без преднамеренного усилия, делают то, что оба ока льющимися из них слезами, омывающими ланиты, уподобляются купели крещения».⁶⁹²

Святой Ефрем Сирианин, характеризуя безмолвие, говорит, что оно есть «матерь сокрушения, кладь неустойчивых слез, училище назирания за помыслами и рассуждения их, поприще упражнения в молитве и чтении, умирение помыслов, необуреваемая пристань от забот, благое и легкое иго, упокоивающее и носящее носящих его, родительница благоговения, училище страстей, узда для очей, языка и слуха».⁶⁹³ Упомянутый святой автор усилен-

но призывает стяжать безмолвие. «Приобрати безмолвие, — говорит он, — и оно поставит тебя выше страстей. Ты будешь вести брань сверху, а они снизу. Приобрати безмолвие в страхе Божиим, и все стрелы вражие не сделают тебе вреда. Безмолвие, сопряженное со страхом Божиим, есть огненная колесница, которая приобретаетших его возносит на небеса».⁶⁹⁴

Следует отметить, что безмолвие, по учению святых отцов, не должно препятствовать совершению необходимых дел для телесной жизни. Великий подвижник св. Феодор Студит советует в этом деле держаться середины: «Держись середины; и как безмолвие, молитве и чтению не допускай расстраивать дела по телесной жизни, так опять непомерным трудом по сей последней части не давай низводить ум от памятования о Боге... и погружать его в вещественное».⁶⁹⁵

Так как святым подвижникам на основании их личного опыта было известно, что никто не мог считать себя гарантированным от внезапного вторжения в его душу греховных помыслов, то поэтому они развивали в себе постоянное внимание для охранения своей души от всего греховного. Эту способность быть всегда настороже к своим мыслям они называли трезвением: Так, прп. Исихий говорит, что «трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга, — крайнее внимание в состав непрестанной молитвы, а молитва опять в состав крайнего в уме трезвения и внимания».⁶⁹⁶ Святой Филофей Синайский научает трезвению, говоря, что «с утра должно мужественно и неотступно стоять у двери сердца с крепкою памятью о Боге и непрестанною в душе Иисус Христовою молитвою и сею мысленною стражею убивать все возникающие помыслы».⁶⁹⁷

Глава 11

ДОБРОДЕТЕЛИ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ СОВЕРШЕННОЙ МОЛИТВЫ

11.1. Чтобы подняться до высоты безмолвия и трезвения и утвердиться в них, необходимы еще, как говорят подвижники, для этого «крылья»,⁶⁹⁸ которыми они именуют христианские добродетели. Лишь пройдя путем этих добродетелей, путем подвигов христианских, подвигов жизни духа, выражающихся в христианской любви и глубочайшем смирении, может человек получить неоценимый дар высшей совершенной молитвы. Ибо «сила и состоятельность молитвы зависит от исполнения заповедей, чрез творение добродетелей»,⁶⁹⁹ как свидетельствует об этом св. Максим Исповедник.

Но так как это восхождение по духовной лестнице совершенства есть процесс целой жизни человека на земле, то поэтому святые отцы и начинают учить молитвенному подвигу с элементарных добродетелей, с основных заповедей Христовых.

Зная детально психологию грешника, святые подвижники предупреждают, чтобы новоначальные, приступающие к молитвенному подвигу, не охладевали в нем и не ослабевали, видя на первых шагах могущий быть неуспех в их деле. Главным же образом святые отцы предупреждают «не ослабевать в борьбе с порочными помыслами, пребывающими в душе; не впадать в лень, нетерпеливость и отчаяние; или, под предлогом замедления в достижении ощутимых результатов, не предаться расслаб-

лению, водясь таким помыслом: когда-то получу благодать Божию? — и чрез это вовлекаясь лукавым в нерадение».⁷⁰⁰

Святой Макарий Великий указывает нетерпеливым, что «иным, хотя удалились они из мира, отреклись, по Евангелию, от века сего, и с великим терпением преуспевают в молитве, в посте и рачительности и других добродетелях, Бог не скоро дает благодать, и успокоение, и духовное дарование, но медлит и удерживает дар. И это не без причины, не безвременно, и не как случилось, но по неизреченной некоей премудрости, для испытания свободной воли... чтобы видеть, поистине ли уверовали в слово Его, пребудут ли до конца в несомненной вере... не отвратятся ли от Бога в злостраданиях и в боязни, не предадутся ли лени, впад в неверие и безнадежность».⁷⁰¹

11.2. Возвращаясь к описанию добродетелей, необходимых для того, чтобы молитва была истинной, следует остановиться на потрясающем обличении прп. аввы Исаии: «Горе нам, — что день и ночь воссылаем к Богу молитвы, говоря: *Господи! Господи!* — а не творим, что Он заповедал».⁷⁰²

Из этих немногих слов становится ясным, что для Господа Бога наши молитвы, наши призывы, не соединенные с исполнением Его заповедей, по Его же слову: *Не всякий говорящий Мне: Господи! Господи! — войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю отца Моего Небесного* (Мф. 7, 21) — являются ненужными и бессцельными и не достигающими результатов. Произносивший хотя бы и очень часто, хотя бы день и ночь, слова молитвенные, но без желания улучшить, исправить свою нравственную жизнь, — такой человек совершает бесполезный труд. Если бы в нем было чувство смирения, этот фундамент, основа нравственной жизни по Боге, тогда бы само собою явилось в нем и раскаяние в своих

грехах, — чувство, неразлучное со смирением. Тут же вместе явилось бы и стремление изменить, исправить свою греховную жизнь и начать ее заново. А это уже был бы первый шаг по пути к совершенству. Молитва такого была бы и будет услышана, даже если бы он еще и не успел проявить себя в каких-либо добрых делах, но имеет к тому неперменное и твердое решение.

Итак, первая добродетель, способствующая истинной молитве, есть смирение.⁷⁰³ Тот же авва Исаия говорит: «Если совершая службы свои (λειτουργιαζ — молитвенные последования), совершаешь их в смиреномудрии, как недостойный, то они приятны Богу; если же при сем взойдет на сердце твое и помянешь, как другой в эту пору спит или не радит о сем деле, то труд твой бесплоден».⁷⁰⁴

Вообще же, по словам св. Иоанна Лествичника, «обращение к Богу требует великого смирения».⁷⁰⁵ Поэтому «молитва смиренного преклоняет Бога, а прошение гордого оскорбляет Его».⁷⁰⁶ *Сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*, — говорит св. Исаак Сирианин словами Псалмопевца (Пс. 50, 19). «Как же скоро смирится человек, — добавляет он, — немедленно окружает его милость. И тогда сердце ощущает Божественную помощь и обретает возбуждающуюся в нем некую силу уверенности (в Боге)».⁷⁰⁷

Результатом смирения у молящегося является чувство сокрушения о своих грехах, которое также необходимо при молитве, как и смирение. «Что пища без соли для гортани, то молитва без сокрушения проходима, для ума»,⁷⁰⁸ — сравнивает св. Илия Екдик. Сокрушение приводит человека к страху Божию, без которого молитва бесполезна, как говорит св. авва Евагрий.⁷⁰⁹ А св. Филимон разъясняет: «В чьей душе страх Божий еще не господствует, тот еще почивает на содружестве с миром».⁷¹⁰ Рядом с чувством страха Божия стоит и вера в благодать и помощь Божию.

Святой авва Дорофей объединяет смирение, страх, веру и благодать в одно необходимое целое для чистой молитвы, указывая, что в какой степени возрастают в человеке упомянутые чувства, в такой же совершенствуется и сама молитва. «Тот наклоняет себя к смирению, — говорит он, — кто, зная, что не может совершить никакой добродетели без помощи Божией, не перестает всегда молиться Богу, чтобы Он совершил с ним милость. Почему непрестанно молящийся, если и сподобится совершить что-либо... то все свои успехи относит к Богу, всегда благодарит Его и всегда призывает Его, трепеща, как бы ему не лишиться таковой помощи. Итак, он со смирением молится и молитвою смиряется; и чем более преуспевает всегда в добродетели, тем более всегда смиряется; получает помощь и преуспевает в смиреномудрии».⁷¹¹

11.3. Молящийся со смирением и верою в получении просимого должен молиться с терпением. «Дом молитвы — терпение, — говорит св. Илия Екдик, — ибо им она поддерживается; потребности же ее — смирение, ибо им она питается».⁷¹² Как вдова просила неотступно и терпеливо судью, так и молящийся должен молиться с терпением: Если пребывая в молитве будешь смотреть на вдову, подвигшую жестокосердного судью оказать ей справедливость, то не станешь скорбеть (Лк. 18, 3) при нескороности получения благ, испрашиваемых молитвою.⁷¹³ «Если ты терпелив, то всегда будешь молиться с радостью»,⁷¹⁴ — говорит прп. Нил Синайский, — так как за терпение свое будешь вознагражден, причем «демоны, не снося твоего терпения и постоянства и силы рвения, убегут от тебя стыдом покрытые».⁷¹⁵

11.4. Верным показателем того, насколько глубоко в человеке раскаяние во грехах и намерение переменить свою греховную жизнь (эти необходимые условия чистой

молитвы), являются, по учению святых подвижников, слезы при молитве. Святой Симеон Богослов прямо говорит: «Прежде плача и слез, — никто да не прельщает нас пустыми словами, и сами себя да не прельщаем, — нет в нас покаяться, ни истинного намерения перемениться, ни страха Божия в сердцах наших, не сознали еще мы себя виновными и не осудили себя».⁷¹⁶ Об этом же говорит и св. Исаак Сирианин: «Пока ты не достиг в область слез, дотоле сокровенное твое служит еще миру, то есть ты ведешь еще жизнь мирскую и Божие дело делаешь еще внешним человеком, а внутренний человек твой бесплоден; потому что плод его начинается слезами».⁷¹⁷

Являясь показателем внутреннего состояния человека, слезы вместе с тем очищают и ум его, что так важно для настоящей молитвы. «От непрестанных слез, — пишут свв. Каллист и Игнатий, — душа приемлет умирение помыслов и возвышается до чистоты ума, а при чистоте ума человек приходит в видение тайн Божиих. — После же сего ум достигает до зрения откровений и знамений, как видел Пророк Иезекииль».⁷¹⁸

Итак, стремящийся к чистой молитве «должен шествовать к сему в трепете великом, с плачем... непрестанно слезы проливая о грехах своих».⁷¹⁹

Для успеха молитвы молящийся должен стремиться иметь такое настроение, при котором были бы у него и слезы. «Принуждай себя к плачу в молитвах, — говорит прп. авва Исаия, — и Бог смилует над тобою и совлечет с тебя ветхого человека».⁷²⁰ «Употребляй слезы как орудие к получению всякого прощения; ибо очень радуется о тебе Владыка, когда ты молишься со слезами».⁷²¹

Чтобы стяжать слезы смирения и сокрушения и прогнать холодность на молитве, прп. Нил Синайский советует поступить так: «Когда подумаешь, что во время молитвы своей нет тебе нужды плакать о грехах, тогда посмотри, сколь далеко отстоишь ты от Бога, будучи

обязан всегда пребывать в Нем, — и прольешь теплейшие слезы».⁷²²

По словам св. Исаака Сириянина, «слезы во время молитвы — признак Божией милости, которой сподобилась душа в своем покаянии, — признак того, что молитва принята, и слезами начала входить в поле чистоты».⁷²³ Этот же святой отец свидетельствует, что «проливать слезы и плакать без усилий на молитве — дарование бесстрастных».⁷²⁴ О таковых пишет и Феодор Студит: «Есть такие делатели плача, у которых ни один день не проходит без горячих слез; есть такие, которые и не приступают к Святому Причастию, если вперед не оросятся обильно водою слез... Вот правые сердцем; вот искренно высших взыскующие; вот с ревностью о собственном спасении пекущиеся».⁷²⁵

В заключение приведем сравнение св. Иоанна Лествичника, в котором он сравнивает слезы с водой, омывающей буквы. «Как вода смывает буквы, — говорит он, — так и слеза может очищать согрешения».⁷²⁶

11.5. При этом следует отметить, что плач бывает двух родов: истинный и несовершенный, определения которых находим у свв. Варсануфия и Иоанна. «Истинный плач, — говорят они, — соединенный с умилением, заглаживает прежние согрешения, и оmyвает скверны, и постоянно именем Божиим охраняет человека, который приобрел его, изгоняет смех и рассеянность, он есть щит, отражающий все разжженные стрелы диавольские (Еф. 6, 16); имеющий его вовсе не уязвляется бранию, если он будет и среди людей и даже с блудницами».⁷²⁷ Таким образом, истинный плач характеризуется своим постоянством.

«Несовершенный же плач отходит, то приходит, подобно тому, как помысл (ревность) о спасении попеременно то разгорячается, то расслабляется. Когда же теплота соделается постоянною, тогда бывает умиление

великое и постоянное, а ему последует и истинный плач, о коем должно заботиться, понуждая себя, дабы получить его».⁷²⁸

Выясняя далее условия, необходимые для истинной молитвы, следует остановиться на словах св. Каллиста Патриарха, в которых он поучает: «Если хочешь научиться, как должно молиться, взирай на конец внимания, или и молитвы. Конец же сей есть умиление, сокрушение сердца, любовь к ближнему; чему противоположное само собою явно, именно — помысл похоти, шептание клеветы, ненависти к ближнему и сему подобное. Все сие несовместимо с деланием молитвы».⁷²⁹ Итак, одним из главных условий чистой молитвы является умиление.

Об условиях стяжания и появления умиления подробно излагает св. Кассиан Римлянин: «Умиление, посещением которого объятый ум возбуждается к чистой и пламенной молитве, находит при разных случаях, как показал опыт. Иногда во время пения псалмов слова какого-либо стиха подавали повод к пламенной молитве, иногда благозвучная мелодия братнего голоса возбуждали души изумленных к напряженному молению. Знаем так же, что иногда внятное и благоговейное пение много вливало горячности в предстоящих; а нередко увещание мужа совершенного и духовное собеседование возбуждали в лежащих, когда преклоняли колена, чувство к обильному излиянию молитв. Бывало, что не менее сильно были восхищаемы к полному умилению погребению брата или дорогого какого человека. Также воспоминание о нашей холодности и лени иногда наводило на нас спасительный жар духовный. И вообще, заключает святой отец, случаи, в которых Божия благодать пробуждает наши души от бесчувствия и сонливости, бесчисленны».⁷³⁰

Изложенные случаи умиления характеризуются главным образом тем, что оно появляется помимо усилий человека. Но для молящегося очень важно самому обрести это

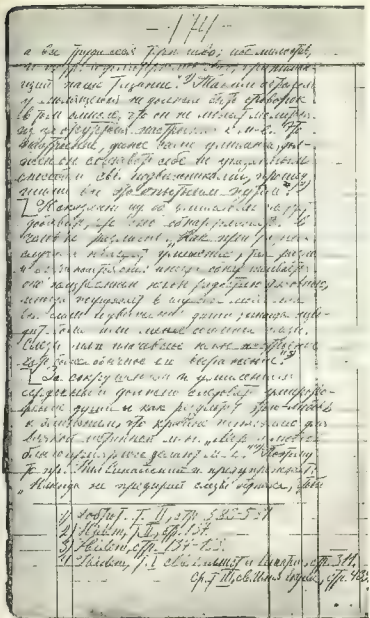
умиление, которого часто при «бесчувствии души» не бывает при молитве.

Указания на способы стяжания умиления также имеются у святых подвижников. Так, св. Феодит Филаретский утверждает, что «когда ум и мысль предстоят Богу напряженным устремлением к Нему ока и теплым молением, тогда последует и умиление сердечное». ⁷³¹

«Как стяжевать умиление в молитве, чтении и псалмопении? — спрашивают свв. Варсануфий и Иоанн. «Умиление в молитве, — отвечают они, — приходит от воспоминания о грехах своих. Молящийся должен привести себе на память дела свои, и то, как бывают судимы делающие подобное оным, и страшный оный глас: Идите от Меня проклятии во огнь вечный (Мф. 25, 41). — При чтении же и псалмопении умиление приходит, когда кто возбуждает ум свой ко вниманию произносимых им слов и воспримлет в свою душу силу, заключающуюся в них. При остающемся нечувствии не ослабевай, а все трудись себя терпеливо; ибо милостив, и щедр, и долготерпелив Бог, принимающий наше тщание». ⁷³²

Таким образом, у молящегося не должно быть отговорок в том смысле, что он не может молиться из-за отсутствия настроения к молитве: это настроение, даже само умиление, должен он создавать себе по указанным способам святыми подвижниками, прошедшими все это опытным путем. ⁷³³

К сказанному об умилении следует добавить, что оно обнаруживается в человеке различно. «Как при разных случаях находит умиление, так разное и выражается оно: иногда обнаруживается оно неизреченною некою радостью духовною; иногда погружает в глубокое молчание все силы и движения души; иногда изводит более или менее обильные слезы. Слезы или плачевное некое настроение есть более обычное его выражение», ⁷³⁴ — говорит св. Иоанн Кассиан Римлянин.

Фрагмент XI главы рукописи, написанный спустя год после начала работы. 3 марта 1921 г.

11.6. За сокрушением и умилением сердечным должно следовать умиротворение души и, как результат этого, — любовь к ближним, что крайне необходимо для всякой истинной молитвы. «Мир и любовь благоприятно делают молитву»,⁷³⁵ — утверждают свв. Каллист и Игнатий. Поэтому-то прп. Нил Синайский и предупреждает: «Никогда не презирай проливающего слезы бедняка, чтобы не были презрены слезы твоей молитвы».⁷³⁶

Подобно этому и св. Симеон Благоговейный говорит: «Не должно отвращаться от ищущих пользы (болящих, скорбящих) под предлогом беседы с Богом; ибо любовь лучше молитвы».⁷³⁷ Вследствие этого не принесет пользы та молитва, которая совершается для того, чтобы извинить и оправдать себя в неоказании необходимой помощи ближнему. Такая молитва будет эгоистической и далеко отстоит от любви к ближнему, без чего не будет услышанной. Доброе же расположение к ближним сообщает высшее качество молитве и подкрепляет ее. «Прекрасна молитва, — говорит св. Ефрем Сирианин, — но ее укрепляет милостыня».⁷³⁸

Глава 12

ПРЕПЯТСТВИЯ К ЧИСТОЙ МОЛИТВЕ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

12.1. При чистой молитве, по словам св. Кассиана Римлянина, «недопускаемы развлечения, пустословие, многословие и шутки, а погубное возбуждение плотской похоти и сребролюбие должны быть с корнем исторгнуты».⁷³⁹ Итак, празднословие, нецеломудрие и сребролюбие — вот препятствия, от которых должен освободиться молящийся.

Насколько вредно для молитвы празднословие, показывают следующие слова св. Илии Екдика: «Не пребудет с тобой молитва, если замедляешь в суетных помыслах внутри, и в пустых беседах вне; но она скоро возвращается к тому, кто ради ее многое отсекает в себе».⁷⁴⁰ «Молитва, подкрепляемая слезами, — говорит св. Илия Екдик, — извергает из души во вне все враждебные ей помыслы; но их возвращает опять блуждание ума, усиливаемое празднословием, которое изгнавший изгоняет вместе и всегубительное зло дерзости (несдержанности во взорах, речах и движениях)».⁷⁴¹

Нецеломудрие также стоит в ряду крупных препятствий к молитве. Не хранящий целомудрия этим самым отторгает себя от единения с Богом, как об этом говорит святой апостол Павел. *Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак, отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет (1 Кор. 6, 15). Нецеломудренный нарушает запо-*

ведь Господа: *А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28), учившего о недопустимости не только греховных дел, но даже и мыслей. Поэтому св. Исаак Сирианin призывает «возлюбить целомудрие, чтобы не постыдиться во время молитвы своей пред Богом».⁷⁴²

Средством, очищающим молитву и способствующим ей, является также и нестяжательность. «Не отрицаясь, — говорит прп. Нил Синайский, — от нищеты и скорбности (жизни), — сих орудий (крыльев) легкой молитвы». Святой Иоанн Лествичник свидетельствует, что лишь «нестяжательный чисто молится, а любостяжательный во время молитвы бывает исполнен вещественных образов, и будто им молится».⁷⁴³

12.2. Большое значение в деле чистой молитвы придавали также святые подвижники и памяти о смерти. Помня о смерти, человек живет сознает свою зависимость и связь с Творцом и, помышляя о конце своего земного существования, скорее сосредоточивается, предстоит на молитве. «Стяжи чистоту в делах своих, — говорит св. Исаак Сирианin, — чтобы озарялась душа твоя в молитве и памятованием о смерти возжигалась радость в уме твоём».⁷⁴⁴

Также и прп. Исихий подтверждает, что «память о смерти рождает непрестанную молитву».⁷⁴⁵

12.3. Некоторые из несовершенных полагают имеющим важное значение для молитвы чисто внешние приемы ее, как, например, мелодичность пения, приятное чтение и т. п. Но по учению святых отцов, все это, хотя и имеет значение, но только второстепенное, и главным образом потому, чтобы человек, увлекшись внешностью, не впал бы в гордость от самоуслаждения. Поэтому св. Феодор Студит пишет: «Отвлечись вниманием от dobroгласия,

мелодий, приятного чтения и прочих естественных даров и способностей, все усилия устремим на достижение божественного дара смиренномудрия. Я не хочу сказать, — говорит св. отец, — что следует совсем забросить сказанные добрые качества, но что их надо почитать второстепенными и так их поставить, чтобы они шли позади госпожи добродетелей»,⁷⁴⁶ то есть смиренномудрия.

12.4. Немалое значение для успеха молитвы имеет и внешнее положение молящегося. Как образец надлежащего положения при стоянии на молитве, св. Симеон Богослов приводит юношу Георгия, о котором говорит, что он «во время молитвы ни разлечения себе не позволял, ни до нерадения себя не допускал, ни членов тела своего не выпускал, ни очей не обращал по сторонам или вверх, чтоб взглянуть на что, но так стоял неподвижно, как столп какой или как бестелесный».⁷⁴⁷

12.5. Относительно ослабления молитвы при утомлении в «Добролюбии» находим ряд указаний подвижнических о мерах противодействия этому, как мешающему совершению молитвы. «Когда увидишь, — говорит св. Феодит Филadelphийский, — что начинаешь ослабевать в молитве, возьми книгу и, внимая читаемому, усвой смысл того; не пробегай слова будто мимоходом, но рассматривая их с рассуждением (доискиваясь смысла), слагай познанное в ум, как в сокровищницу. Если же этого будет мало и надо еще чем оживлять мысль, ослабевшую в молитве, то совершай устно псалмопение, тихим, однако ж, голосом и со вниманием ума, не позволяя себе оставлять ничего из произносимого языком неразумваемым».⁷⁴⁸

Если же и после усиленного понуждения себя в молитве все еще будешь одолеваем сонным расслаблением и разлечением, тогда, — советуют свв. Каллист и Игнатий, — встань и напрягись, все держась молитвы и ста-

раясь, как знаешь, привести себя в бодрственное состояние (св. Исаак советовал, например, выйти наружу из кельи и походить).

Св. Григорий Синаит в таком случае советует: «Пой псалмы, или займись размышлением о каком-либо слове Писания (и вообще богомыслием); или чтению внемли, стоя паче, чтоб утрудить тело».⁷⁴⁹

Святые Каллист и Игнатий далее продолжают: «Потом сядь и молись, как написано, всегда со всем тпганием стараясь чистою молитвою с Чистым беседовать Богом. ... Читаемое тобою произноси устами своими лишь настолько высоким голосом, чтоб то слышно было ушам твоим: так как и плод устен приносить Богу заповедано нам».⁷⁵⁰

Приведенные советы можно характеризовать как указание видоизменять род молитвы и разнообразить его, чтобы не утомляться однообразной молитвой. Кроме этого, нужно и понуждение себя в противовес лени, если таковая одолевает молящегося.

12.6. Лениность и уныние — вот два серьезных препятствия к чистой молитве. Они тесно связаны друг с другом и простираются одно из другого. «Уныние, — по определению св. Лествичника, — есть расслабление души, небрежение о подвигах; в псалмопении оно нестройно, в молитве немощно».⁷⁵¹ Определив уныние, святой отец дает тут же и указание на причины его возникновения, а также на меры противодействия ему. «Уныние происходит, — говорит он, — иногда от вкушения удовольствия чувственных, а иногда от бесстрашия пред Богом».⁷⁵² При этом «прилежная молитва — пагуба уныния; память же о последнем суде рождает усердие (к действию по Богу). Плачущий же о себе не знает уныния».⁷⁵³

Но иногда на человека находит такое состояние, схожее с унынием, которое св. Исаак Сирианин именует омрачением и которое может не исчезнуть при применении

указанных способов. Тогда, по совету св. Исаака, «если не имеешь силы совладеть с собою и пасть на лицо свое в молитве; то облеки голову свою мантией и спи, пока не пройдет для тебя этот час омрачения, но не выходи из кельи».⁷⁵⁴ Эта мера рекомендуется в противовес стремлению при унынии искать развлечения на стороне вне кельи, что отрицательно отзывалось в последующем, делая человека рассеянным.

Но если человек, впавший в расслабление, обратится с неотступной молитвой к Богу, то может быть уверенным, что получит избавление по молитве. Об этом говорит и св. Симеон Богослов: «Расслабление и тягота телесная, прибывающие в душе от лени и нерадения, отбивают от обычного правила и производят омрачение ума и малодушие... Зная причину, откуда это тебе нашло, поспешно войти в обычное место молитвы твоей и пади пред человеколюбивым Богом, молись со стенаниями сердечными, в сокрушении и слезах, испрашивая избавления от тяготы расслабления и уныния и от помыслов злых. И вскоре дано будет тебе освобождение от них, если будешь толкать (в двери милосердия Божия) притрудно и неотступно».⁷⁵⁵

12.7. Не оставлено без внимания святыми авторами «Добротолюбия» также и влияние различной литературы на состояние духа молящегося. Не все книги имеют одинаковое значение для начавшего проходить подвиг молитвенный, хотя бы они и написаны духовными авторами и рассматривают духовные вопросы. Святой Григорий Синаит так высказывается о духовной литературе: «Всегда читай о безмолвии и молитве, именно — у св. Лествичника, у св. Исаака, у св. Максима; у Филофея Синайского и у прочих, писавших о сем же. — Прочие же писания оставь до времени не как не терпимые, а как в это время не соответствующие цели твоей (навыважению молитве); ибо предметы, коих они касаются, могут отвлекать ум твой

от молитвы».⁷⁵⁶ Далее он говорит о значении полезного чтения в деле навыка в молитве: «Ум, укрепляясь душеполезным чтением, приемлет силу крепко молиться. Чтение же беспорядочное омрачает ум и расслабляет, и негодным делает к молитве».⁷⁵⁷

К этому следует добавить мнение прп. Иоанна Карпафского о светской литературе, в частности, о том, что враг нашего спасения, стараясь всячески отторгнуть нас от молитвы, «влагает в нас желание заняться еллинскими писаниями, от которых мы отстали. Но не будем слушаться его внушений, чтоб не уклониться от законов и порядков нашего делания духовного, и не собрать, вместо смокв и гроздей виноградных, терний и волчцев. *Премудрость бо мира сего буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 19)».⁷⁵⁸

12.8. При прохождении молитвенного подвига следует особенно обращать также внимание не только на поступки, в которых почти все условно, сколько на внутренние желания и стремления воли. «Обращай внимание, — говорит св. Григорий Синаит, — и на намерение воли, рассматривая, куда оно клонится; по Богу ли, для самого ли добра и ради пользы душевной сидишь ты на безмолвии, поешь псалмы, читаешь молитвы, или другое что доброе делаешь, да не окраден будешь, не замечаю того, и да не окажешься по внешности делателем Божиим, а по сердцу — человеком, а не Богу угождать желающим».⁷⁵⁹

Следует также наблюдать во время молитвы и за помыслами. «Кто хочет приобрести навык к распознаванию козней злобных демонов, — говорит св. авва Евагрий, — пусть наблюдает за помыслами и замечает, на чем настаивают они и в чем послабляют, при каком стечении обстоятельств и в какое время какой из них особенно действует, какой за каким следует»,⁷⁶⁰ дабы своевременно пресекать их.

12.9. Рассматривая причины, способствующие и препятствующие услышанию молитвы, святые отцы указывают, что «иногда щедролюбивый Бог удерживает от чело- века дары благодати, чтоб это служило для него побуждением приблизиться к Богу, и чтобы ради потребности своей человек неотлучно пребывал пред Богом, готовым истощать служащее на пользу».⁷⁶¹ Ввиду этого «некоторые прошения Бог исполняет скоро, именно же те, без которых никто не может спастись, а другие медлит исполнить».⁷⁶²

Несколько добродетели делают молитву услышанной, настолько же бесполозные делают ее греховные страсти. «Уму, пока он страстен, невозможно соединиться с Богом, — говорит св. Григорий Палама. — Почему, пока он таков бывает, молясь, не улучает милости Божией. Но поскольку отрывает он страстные помыслы, постольку бывает причащен плача и сокрушения».⁷⁶³

Сравнивая различные состояния молящегося, св. Илия Екдик проводит параллель между нахождением человека в разных частях скинии и его духовным совершенствованием. «Стоит вне первой завесы (вне скинии на дворе) тот, кто влается мыслями во время молитвы; за сею завесою внутри скинии (передней ее части, именуемой святой) находится тот, кто молится неразвлеченною молитвою; во святой же святых проникает один тот, кто, по умиротворении естественных помыслов и движений, с Единым Тем пребывает, Кто есть превыше всякого естества, получа от Него и потребное просвещение».⁷⁶⁴

Но как бы ни выполнял человек условия, необходимые для молитвы, все же она не будет совершенной и чистой до тех пор, пока человек молится без содействия Духа Святого. «Если кто не сдружится с Богом чрез Господа Иисуса Христа в Святом Духе, — говорит св. Симеон Богослов, — то душа его не может молиться с разумным сознанием, ибо то, силою чего мы мыслим, как должно, есть Дух Святый. Итак, кто думает, что молится настоя-

щим образом без Духа Святого, тот и прославляя Бога песнословно, то же, что хулит Его, так как нечист есть и не сдружился еще с Богом». ⁷⁶⁵

По учению святых отцов, получение даров Божиих, в том числе и дара молитвы, не зависит от возраста или общественного положения молящегося, но главным образом от веры в Бога, свидетельствуемой, по выражению св. Симеона, добрыми делами: «Ни юность нисколько не вредит, ни старость не пользует, когда нет разума и страха Божия... Ни мир и житейские дела не мешают исполнять заповеди Божии, когда имеется ревность и внимание. Ни безмолвие и удаление от мира не пользует, когда властвуют леность и нерадение». ⁷⁶⁶

Есть и другие причины, влияющие также на результаты молитвы. «Ведать подобает, — говорят свв. Каллист и Игнатий, — что раздаяние нам даров Божиих бывает не только по мере подвига и делания нашего, как сказали мы прежде, но и по навыкновению сему образу жизни, и по способности, и по вере нашей, и по естественному нашему расположению». ⁷⁶⁷ Отсюда понятным становится, почему одни из трудившихся в молитвенном подвиге достигли высоких результатов в более короткий срок, а другие — в более продолжительный, несмотря на одинаковую в сем деле ревность.

Рассмотрев препятствия к молитве, объясняемые чисто естественным путем, как, например: леность, невнимательность, страстность и т. п., имеющие свои корни в человеческом существе, следует остановиться еще и на препятствиях другого порядка, приводящих со вне. Это — искушения во время молитвы со стороны темной, враждебной человеку силы или демонов, о чем также подробно трактуют святые подвижники.

Глава 13

ИСКУШЕНИЯ ОТ БЕСОВ ВО ВРЕМЯ МОЛИТВЫ

13.1. Люди, достигшие известных высот в молитвенном подвиге, подвергаются еще особым искушениям во время молитвы. Про таковых св. Иоанн Карпафский говорит, что «которые сильнее налегают на молитву, те подвергаются более страшным и свирепым искушениям». ⁷⁶⁸ «На высоких подвижников нападают демоны», ⁷⁶⁹ — пишет св. Максим Исповедник.

Искушения эти проявляются различно. По словам св. Диадوخа, «бесы отнюдь не хотят, чтобы люди как-нибудь удостоверились в том, что они гнезятся в них, дабы ум, верно зная это, не вооружился против них непрестанною памятию о Боге». ⁷⁷⁰ Большею частью, принимая, по слову апостола, вид Ангела света: *И не дивно: сам бо сатана преобразуется во Ангела света* (2 Кор. 11, 14), темные силы влияют на человека через его мозг, стремясь внушить ему, что то или иное видение посылается от Бога. На самом же деле это оказывается лишь вражеским действием.

Преподобный Нил Синайский рассуждает об этом таким образом: «Когда ум начнет наконец чисто и бесстрастно молиться, тогда демоны наступают на него уже не от шуних, а от десных: представляют явления будто славы Божией, и какое-либо образное представление, чувству приятное, так что ему покажется, будто он совершенно достиг уже цели молитвы. Это, как сказал один, знающий дело муж (Евагрий), бывает от страсти тщеславия, и

от бесовского прикосновения к известному месту мозга и от потрясения (или воспаления) в нем жил... От этого тдеславие подвигается на помысл, понуждающий ум легкомысленно присвоить себе Божественное и существенное ведение».⁷⁷¹

Но опаснее всего в данном случае, по словам прп. Нила, следующее: так как человека «не тревожат плотские нечистые страсти, а он чисто предстоит в молитве, то ему никак не думается, чтобы тут было какое-либо вражеское действие, — и он уверяется, что это есть точно Божественное явление, тогда как оно произошло от демона, который, крайнюю употребляя хитрость, чрез мозг, как мы сказали, изменяет сопряженный с умом свет и его самого образует (ему самому дает образ, — или то и другое составляет воображать)».⁷⁷²

13.2. Но искушения на молитве не всегда бывают лишь через мысли. Иногда с людьми совершенными происходят искушения другого порядка, как, например, явление света, стука и т. п. Обыкновенно, по свидетельству подвижников, первым признаком прелести (дьявольского прельщения), ощущаемым физически, является «свет, подобный чувственному огню»,⁷⁷³ «видимый телесными очами»,⁷⁷⁴ «огневые образования»,⁷⁷⁵ «свет ночью»⁷⁷⁶ и т. п.

13.3. За световыми явлениями следуют явления демонов в разных формах и видах. Людям, достигшим известной духовной высоты, они являются в виде Ангелов или даже Самого Христа⁷⁷⁷ с целью ввести их в заблуждение и заставить думать молящегося, что он удостоился созерцания небесных видений и этим вовлечь его в гордость, которая есть начало падения.

13.4. Если эти явления не производят желаемого действия, то есть если человек по смирению не принимает

видение за божественное, то тогда искушения видоизменяются. Демоны, по словам св. Антония Великого, когда не смогут обольстить сердце подвижника, то опять нападают, но иным образом, именно: «устраивают разные привидения, чтобы устроить его, для чего претворяются в разные виды и принимают на себя образы — жен, зверей, пресмыкающихся, великанов и множества воинов»,⁷⁷⁸ производя «шум, топот, вопли и ругательства».⁷⁷⁹

13.5. При подобных искушениях, по указаниям святых подвижников, следует сохранять полное спокойствие духа и не поддаваться страху, так как злые духи могут лишь только угрожать, но другого ничего более сделать не могут. «Таких привидений не должно бояться, — говорит св. Антоний Великий, — потому что они ничто — и тотчас исчезают, коль скоро кто оградит себя верою и знамением креста».⁷⁸⁰ Хотя они и дерзки и крайне бесстыдны, но бояться их не должно, «хотя бы они казались наступающими на нас, хотя бы угрожали смертью, потому что они немощны и ничего более сделать не могут, как только угрожать».⁷⁸¹

Не бояться демонов и их искушений научает также и св. Симеон Благоговейный: «Когда молишься, страх ли нападет на тебя, или стук подымется, или свет воссияет, или другое что случится, не смущайся и не робей; но пребудь на молитве гораздо долее обыкновенного. Такое смятение, страхование и ужасание бывает от демонов, чтобы растерявшись и расслабившись, оставил бы молитву, а когда такие тревожности и оставление молитвы по малодушию обратятся у тебя в навык, — чтобы совсем тебя взять в свои руки и помыкать тобою».⁷⁸²

Подобно этому говорил и прп. Нил Синайский: «Хотя и шум, и топот, и вопли, и ругательства услышит от демонов старающийся держать чистую молитву, но

не ниспадет помыслом и не предаст его им, говоря к Богу: *Не убояся ала, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4), и тому подобное».⁷⁸³

13.6. Но подобного рода явления (как, например, свет) не всегда бывают от лукавого. Святой Симеон Боговещный говорит, что иногда бывает, что иной некий воссияет свет, во время совершения тобою молитвы своей, «которого изобразить в слове я не в силах, от которого душа преисполняется радости, возрождается вождение лучшего и начинают тещи слезы со умилением; то ведь, что это есть божеское присещение (посещение. — *игум. В.*) и заступление».⁷⁸⁴

13.7. Так как человеку, особенно еще неопытному в этом деле, трудно определить, от Бога или же от лукавого получает он видения, то святые подвижники советуют в таком случае обращаться всегда за советом к старцу-руководителю, которого должен иметь всякий желающий идти путем духовного совершенствования. Подробнее о старчестве будет сказано ниже. Теперь же приведем слова св. Каллиста Гиликуды, относящиеся к этому. «Если иногда ум увидит свет без всякого искания его, пусть не принимает его и не отвергает», пусть об этом спросит старца. Если же не найдет такого, то лучше не принимать, но во смирении предать дело Богу, почитая себя недостойным такого видения».⁷⁸⁵

Вообще же, как общее правило, следует иметь в виду указания святых отцов на то, чтобы не увлекаться видениями и не почитать себя достойным их, даже если бы то было явление Самого Христа или Ангела. «Когда, делая свое дело, — говорит св. Григорий Синаит, — увидишь свет или огонь вне или внутри, или лик какой — Христа, например, — или Ангела, или другого кого, не принимай того, чтоб не потерпеть вреда».⁷⁸⁶

Иногда внутреннее чувство подсказывает человеку, что то или иное видение не от Бога, но от лукавого. «Все приходящее в душу, — говорят отцы, — чувственное ли то, или духовное, коль скоро сомневается в нем сердце, не приемля его, не от Бога есть, но послано от врага».⁷⁸⁷ «Истинное начало молитвы есть сердечная теплота, поглающая страсти, отраду и радость вселяющая в сердце непоколебимым возлюблением и утверждающая сердце несомненным удостоверением».⁷⁸⁸

Но все же человеку, особенно на первых шагах прохождения им духовного подвига, очень трудно самому браться за разрешение вопроса: от кого получает он то или другое видение? Св. Григорий Синаит, говоря о признаках прелести, свидетельствует, что «она для многих, по множеству и разнообразию ее козней и осечений, неудоборазпознаваема и почти непостижима».⁷⁸⁹ Поэтому, как уже было сказано, молящийся не ошибется, если в данном случае будет идти путем смирения, почитая себя недостойным видений и откровений.

13.8. Следует отметить, что не всегда какие-либо образы или явления приходят в сознание молящегося со стороны. Часто он сам бывает причиной их возникновения. Это бывает в тех случаях, когда молящийся начинает представлять себе чувственно в своем воображении духовные явления или лица. Против же этого особенно горячо встают подвижники, как против серьезного препятствия молитве. «Когда молишься, не предавай Божеству каго-либо облика, — говорит прп. Нил Синайский, — и не попускай, чтобы ум твой преобразался в какой-либо образ... (или чтобы в уме твоём печатался какой-либо образ), но невестественно приступи к Невещественному, — и соидеешься с Ним».⁷⁹⁰

Святой Симеон Новый Богослов объясняет, почему вредно для человека молиться, воображая в уме хотя бы и

духовные предметы: «Когда кто, стоя на молитве... воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых, и кратко, все слышанное в Божественных Писаниях собирает в ум свой, и рассуждает о том тогда во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к возделению и любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет (то это будет первый образ внимания и молитвы). Но при этом образе... мало-помалу молящийся так начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая; ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молот Бога сподобить его всегда пребывать в сем делании. А это... есть знак прелести»⁷⁹¹ или прельщения.

Ввиду тех опасных последствий, к которым может привести подобное самоневение, святые отцы самым категорическим образом высказываются против придавания Божеству всякого рода мысленных обликов и воображений. «Отнюдь не желай и не ищи увидеть во время молитвы какой-либо лик или образ, — предупреждает прп. Нил Синайский, — не желай видеть чувственно Ангелов, или Силы, или Христа, чтоб с ума не сойти, приняв волка за пастыря и поклонившись врагам — демонам. Начало прельщения ума — тщеславие, коим движим будучи, ум покушается описать Божество в каком-либо образе или зраке». ⁷⁹² «Сам от себя не строй воображений, — увещевает также св. Григорий Синаит, — и которые сами строятся, не внимай тем и уму не позволяй напечатлеть их в себе. Ибо все сие, со вне будучи печатлено и воображено, служит к прельщению души».⁷⁹³

Об этом же говорят и свв. Каллист и Игнатий, ссылаясь на следующее высказывание св. Василия Великого: «Как не в рукотворенных храмах живет Господь, так и не в воображениях каких и мысленных построениях (фантазии), — кои представляются (вниманию), и как стеною окружают испортившуюся душу, так что она силы не име-

ет чисто взирать на истину, но все еще держится зеркала и гаданий».⁷⁹⁴ «Сие ведая, — добавляют от себя святые иноки, — и ты, каждый час, с Божией помощью, понуждай себя безмечтанно, без воображений и образов, молиться чисто всем умом, всею душою и всем сердцем».⁷⁹⁵

13.9. Кроме описанного вида прелести, происходящего от личных мечтаний молящегося, есть еще другой род прелести, берущий начало также в самом человеке. По словам св. Григория Синаита, «второй образ прелести... начало свое имеет в сладострастии, рождающемся от естественного похотения. От сласти сей рождается неудержимость несказанных нечистот. Распалая все естество и омрачив ум сочетанием с мечтаемыми идолами, она приводит его в иступление опьянением от палительного действия своего и делает помешанным. В сем состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания, предъявляет, будто видит некоторых святых, и передает слова, будто ими ему сказанные, опьянен будучи неистовством страсти, изменившись нравом и по виду став как бесноватый... Бес непотребства, омрачив их ум сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица».⁷⁹⁶

Жизненной иллюстрацией к приведенным словам могут служить некоторые из русских сектантов, впадающие в экстазы указанного характера на своих радениях. Описание этого можно найти в исследовании Д. Г. Коновалова «Религиозный экстаз в русском сектантстве», а также в его брошюре «Психология сектантского экстаза» (1908) (речь, произнесенная перед защитой его диссертации).

13.10. В тех случаях, когда человек, уже стяжавший дар молитвы, подвергается искушениям во время ее, то ему разрешается в противовес этому, вставая, простираться

руки в помощь против искушений. Но и в данном случае должна быть умеренность и осторожность, и святые отцы предупреждают от увлечений. Пусть в таком случае, — поучает св. Григорий Синаит, — «прелести ради не долго сие творит, и опять садится, чтобы враг не обольстил ума его, показав какой-либо призрак. Ибо иметь ум даже без-опасный от падения и горé, и долу, и в сердце, и всюду, безопасным от вреда свойственно одним чистым и совершенным».⁷⁹⁷

Подобно этому и святой старец Симеон Благоговейный учит, что если бы молящемуся пришлось бы сподобиться божественного посещения, проявившегося, например, в благодатном свете и вызвавшем умиление и слезы, то для того, чтобы не впасть в гордость, следует перевести мысль свою на какой-либо другой предмет и этим смирить себя. «Если слишком долго будет держаться такое состояние, — говорил св. Симеон, — то, чтобы по причине обилия слез не показаться тебе пред собою чем-либо более, нежели каков ты на деле, обрати ум свой на что-либо телесное и тем смири себя».⁷⁹⁸

Все приведенные и подобные им предупреждения об избежании прельщения или, как говорят святые подвижники, прелести на молитве, имеют свое глубокое основание и крайнюю необходимость. Предупреждения эти вызваны теми печальными и крайне опасными последствиями для человека, которые влечет за собой прелесть. Идущий без всякой осмотрительности и руководства по этому пути подвергается различным опасностям, начиная с тщеславия и кончая сумасшествием.

Для человека, стоящего далеко от «науки из наук и искусства из искусств»,⁷⁹⁹ могут показаться странными и непонятными настоящие строки. Но, если дать себе труд глубоко вникнуть в психологические основы молитвенного подвига, то тогда все будет понятным. Повторим, что все рассуждения авторов «Добротолюбия» суть плод их соб-

ственного опыта, то есть того, что было пережито ими самими и чему они были свидетелями, наблюдая окружающих их людей, как мирских, так и монашествующих.

Итак, по словам св. Симеона Нового Богослова, возвращаются с истинного пути и прельщаются те, которые видят во время молитвы свет телесными очами своими и подобное. «Некоторые из таких взбесновались и в безумии ходят с места на место. Другие прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде Ангела света, а они того не распознали и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то диаволом; иные бросились в пропасть; иные удавились. И кто может пересказать, — спрашивает св. Симеон, — разные прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы?»⁸⁰⁰

Теперь следует сказать о мерах борьбы с указанными искушениями. Главным средством, по учению святых отцов, в данном случае является молитва. «Во время таких искушений, — говорит прп. Нил Синайский, — употреб-⁸⁰¹ляй непрестанно краткую, но напряженную молитву». Насколько сильна молитва верующего и какое производит действие на демонов, видно из сравнения св. Илии Едикки, который говорит, что «грозящий палкою на собак раздражает их против себя, а демонов раздражает тот, кто нудит (принуждает. — *игум. В.*) себя чисто мо-⁸⁰²лится».

Но пред тем, как приступить к такой молитве, полезно и необходимо бывает сказать несколько слов против духа злобы, искушающего молящегося. Святой Евагрий учит: «Во время искушений не прежде приступай к молитве, как сказавши несколько гневных слов против искусителя. Ибо когда душа окачествована (исполнена. — *игум. В.*) скверными помыслами, тогда молитве ее нельзя быть чистою. Но если ты скажешь что-либо с гневом против них, то

этим приведешь в смятение противников своих и истребишь их внушения».⁸⁰³

Какие именно слова следует произносить в таких случаях, указывает прп. Никита Стифат. Говоря о хульных помыслах, — одном из видов искушений, — он поясняет, что «дух хулы, когда молимся и поем псалмы, отрыгает иной раз, по нашему невниманию, нашими устами клятвы на нас же и странные хуления на Бога Вышнего, приводя их в стихи псалмов и в слова молитвы. Но против него, когда он что-либо такое произносит устами нашими, или всевает в мысли наши, надо обращать слово Христово, говоря к нему: *Отойди от Меня, сатана* (Мф. 4, 10), всякого зловония исполненный и осужденный на вечный огонь; хула твоя да падет на главу твою. Сказав это, тотчас насильно, как пленника, обратим ум на другой какой предмет божеский или человеческий, какой упадет на мысль, или со слезами вознесем его на небеса и к Богу».⁸⁰⁴

13.11. Так как искушения лукавого, приводящие в состояние прелести, не всегда бывают в грубой и заметной форме, то святыми подвижниками дается ряд указаний, как различать явления прелести и благодати, которые с внешней стороны иногда могут походить одно на другое, особенно в глазах неопытного в этом деле человека.

Преподобный Максим Капсокалит, сравнивая благодать и прелесть, высказывается в том смысле, что отличительным признаком благодати является особое состояние мира душевного с умилением и сокрушением о грехах. Человек исполняется кротостию и смирением, и душа его объята бывает радостью духовною. «Когда входит в человека благодать Святого Духа, — говорит он, — то собирает ум его и делает его внимательным и смиренным, приводит ему на память смерть и грехи его, будущий суд и вечное мучение, душу его исполняет сокрушенным умилением и подвигает к плачу и слезам, очи его делает кроткими и

полными слез, и чем более сближается с человеком, тем более умиротворяет душу его и утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и беспредельным Его человеколюбием, и ум исполняет возвышенными созерцаниями недомыслимой силы Божией... Тогда ум человека восторгается Божеским оным светом, и просвещается светом Божеского ведения, сердце делается тихим и кротким и обильно источает плоды Духа Святого — *радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, любовь, смирение* и прочее (Гал. 5, 22), и душа его воспринимает неизреченное веселие».⁸⁰⁵

Наоборот же, когда человек подпал под влияние искусителя и находится в состоянии прелести, то ощущения его уже будут иные, противоположные указанным. Появляется сначала тонкое тщеславие, переходящее затем в гордость. Смирение и мир душевный у такового отсутствуют. «Когда злой дух прелести, — говорит прп. Максим, — приближается к человеку, то возмущает ум его и делает диким, сердце ожесточает и омрачает, наводит боязнь, и страх и гордость, очи извращает, мозг тревожит, все тело в трепетание приводит, призрачно пред очами показывает свет не светлый и чистый, а красноватый... и уста заставляет говорить слова непотребные и хульные; тот, кто видит сего духа прелести, большею частью сердается и исполнен бывает гнева, смирения совсем не знает, ни истинного плача и слез, но всегда хвастается своими хорошествами и тщеславится ими, всегда без сдержанности и страха Божия поддается движениям страстей, наконец, выходит из ума и приходит в совершенную пагубу».⁸⁰⁶

Итак, человек, находящийся в состоянии прелести, прежде всего лишен душевного покоя и истинного умиления — этих верных признаков благодатного состояния духа. Кроме того, в нем отсутствуют три основных добродетели: смирение, любовь и милосердие, «без коих никто не узрит Господа».⁸⁰⁷

13.12. Чистою молитвою без прелести, по словам св. Григория Синаита, будет та, во время которой «ум видится безвидным и ни себя, ни другого чего не представляющим даже на мгновение, будучи и от чувств отвлекаем действующим в нем светом. Ибо тогда ум делается отрешенным от всего вещественного и световидным, неизреченно во един дух с Богом сочетаваюсь».⁸⁰⁸

Как говорит св. Исихий, это происходит вследствие того, что «всякий помысл воспроизводит в уме образ какого-либо чувственного предмета: ибо Ассирианин (враг), будучи сам умною силою, не иначе может прельщать, как пользуясь чем-либо привычным для нас чувственным... И так как всякий помысл входит в сердце чрез воображение чего-либо чувственного (чувственное же мешает умственному), то божественный свет Божества тогда уже начинает осиявать ум, когда он упразднится от всего и делается совершенно безвидным (никакого вида и образа не представляющим). Ибо светлость она я проявляется в чистом уже уме, под условием оскудения его от всяких помышлений».⁸⁰⁹

Интеллект во время такой молитвы как бы замирает или, как говорит св. Максим Капсокаливит, «ум пребывает бездействен и повинуется только Духу Святому»⁸¹⁰ и, «умирая в действии совершеннейшей молитвы, отторгается от всех мирских помышлений».⁸¹¹

Поэтому же и в житии прп. Варсануфия, составленном Никодимом агиоритом,⁸¹² где сообщается о том восхищении к Богу, которого преподобный устлавался на молитве, подчеркивается, что возносился он к Богу «не на мечтательных крыльях мысли, но в неизреченной силе Духа, полагая восхождения к Богу в сердце своем».⁸¹³

В соответствии с этим, на всем протяжении «Добролюбия» нигде не говорится о развитии мысленной, мозговой энергии, так как это не только не нужно, но крайне вредно и даже опасно для молящегося, ибо приводит

к гордости и падению. Весь центр тяжести полагается в развитии чувств сердца, потому что в духовной молитве, чистой от всяких представлений и воображений, интеллектуальная сторона не играет роли.

13.13. Так как чистой молитвы и соединенных с нею благодатных состояний человек достигает не сразу, а после известного промежутка времени, то поэтому у некоторых возникает сильное желание приблизить как-нибудь возможно скорее благие плоды молитвы, ускорив их достижения. И вот человек, еще не созревший и не подготовленный к восприятию высших благ, начинает искать их ради их самих. Часто в таких случаях бывает, что, не имея опытного руководителя, он начинает идти по ложному пути, влекущему за собой пагубные для него последствия, приводящие в результате к состоянию той же прелести. Не будучи еще внутренне готов, человек уже начинает воображать себя достойным высших даров — и падение на лицо. Поэтому-то святые отцы, в частности свв. Каллист и Игнатий, убедительно призывают не искать того, что будет в свое время, как естественный результат подвига. «Не ищи прежде времени того, что будет в свое ему время: ибо и доброе не добро, если не добре делается».⁸¹⁴ И вместе с этим приводят слова св. Марка Подвижника: «Не полезно прежде делания первейших дел, знать о вторых: ибо знание без делания надымает, а любовь созидает, потому что все терпит (I Кор. 8, 1)».⁸¹⁵

На основании этого же святыми отцами запрещается искать и просить высших даров Божиих, так как получение их влечет за собой гордость и связанное с ней падение. «Отречемся от того, чтобы просить у Бога чего-либо высокого, — говорит св. Исаак Сирианин, — искать высокие дарования Божии — не одобряется Церковию Божию; и приемшие это приобрели себе гордость и падение».⁸¹⁶

Святой Григорий Синаит заявляет, что «бесстыдно и

дерзостно желающий вникнуть к Богу и исповедать Его чисто, и нудящийся стяжать Его в себе, удобно умерщвляемъ бывает от бесов, если попущено им будет сие. Ибо дерзко и самонадеянно взыскав того, что не соответствует его состоянию, в гордости стремится он прежде времени достигнуть того». ⁸¹⁷ «Перестань просить себе ведения и созерцания, — добавляет св. Исаак, — которые в своем месте и в свое время превышают словесное описание, и продолжай делание заповедей и труды в приобретении чистоты, и проси себе у Господа сподобиться умного жития». ⁸¹⁸

Рассмотрев учение святых авторов «Добротолюбия» о чистой молитве, чуждой всяких воображений, следует изложить их взгляды на конечный предел и цель молитвы, а также признаки услышания ее.

Глава 14

КОНЕЧНЫЙ ПРЕДЕЛ МОЛИТВЫ

14.1. Первым благодатным признаком совершенной молитвы, признаком достижения ее предела, является, как уже было кратко выше сказано, ⁸¹⁹ сердечная теплота, или как ее именуют подвижники, «горячность сердца, соединенная со слезами радости». ⁸²⁰ Непрестанное обращение ума и сердца к Богу сопровождается внутреннею теплотою или горением духа. Когда после усердных молитвенных трудов человек сподобляется молитвы сердечной, тогда он прежде всего узнает это по той теплоте, наполняющей его сердце, которая, по словам св. Каллиста Тиликуды, «за-чинается с самого начала углубления ума в сердце для сей молитвы и содействует ему в отрвении» ⁸²¹ сторонних мыслей и чувств, и сама вместе с ним очищением ума от всего стороннего возрастает, усиливается и устанавливается. Когда сердце исполнится сею духовною теплотою, которая отлична от всех других теплот, — поясняет св. Каллист, — тогда ум сидит неизменно в сердце и непрестанно к Господу взывает с теплотою, чисто и беспримесно. В сей молитвенной теплоте порождается в сердце любовь к при-снопоминаемому Господу Иисусу, а из ней слезы сла-достные источаются, от вожделения воспоминаемого Иисуса. Это, — заключает святой отец, — непрестанная молитва, которая едино есть с любовью ко Господу». ⁸²²

Об этом же говорит и св. Григорий Синаит, когда призывает «держаться в молитве и плаче, чтобы от мо-литвенной радости не впасть в самомнение, но сохранить

себя неваредимым, избрав радостопечалие. Ибо чуждая прелести молитва есть теплота с молитвою к Иисусу, ввергающему огонь в землю сердца нашего, — теплота, по-палаяющая страсти, как терния, вселяющая в душу веселие и тишину, и приходящая не с десной и не с шуйей стороны, или свыше, но в сердце источающаяся, как источник воды от животворящего Духа».⁸²³

14.2. Другим признаком, указывающим на достижение совершенной молитвы, является веселие духа при чистом, от всяких сторонних помыслов, уме. Признаком вступления в совершенную молитву, по словам свв. Варсануфия и Иоанна, является такое состояние, при котором человек освобождается «от рассеяния помыслов и видит, что ум его, просвещенный о Господе, исполняется веселием».⁸²⁴

14.3. Преподобный Никита Стифат предел молитвы определяет как «неподвижное пребывание ума в Боге».⁸²⁵

Приближение молящегося к пределам молитвы, по словам преп. Нила Синайского, бывает в том случае, когда ум его, «пламенея желанием к Богу, мало-помалу как бы отрешается от плоти и отворачивается от всех помышлений, исходящих от чувственных впечатлений, или из памяти, будучи вместе с тем полон благоговения и радования».⁸²⁶

Наконец, св. Кассиан Римлянин говорит, что молитва наша тогда «взойдет в свойственное ей совершенство, когда в нас совершается то, о чем молился Господь к Отцу Своему: *Да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет* (Ин. 17, 26); и еще: *Как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин. 17, 21). Это будет тогда, когда вся наша любовь, все желания, вся ревность, все стремления, вся мысль наша, все, что видим, о чем говорим, чего чаем, будет Бог, — и когда то единение, которое есть у Отца с Сыном, у Сына с Отцем, изли-

ется в наши сердца и умы, — чтоб как Он искреннею чистотою и неразрывною любит нас любовью, так и мы соединены были с Ним чистою и неразделимою любовью».⁸²⁷

Это высшее состояние духа является уделом человека, достигшего высших ступеней молитвы, достигшего ее пределов, когда она становится всецелым порывом души молящегося к Богу в непрестанном единении с Ним. «Достигший сего, — добавляет св. Кассиан, — вступает в состояние, в коем не может не теплиться в сердце его непрестанная молитва; тогда всякое движение жизни его, и всякое устремление сердца его будет единая непрерывная молитва, предвкушение и залог вечноблаженной жизни».⁸²⁸

Кратчайший же путь к достижению такого состояния святой отец указывает чрез творение краткой умной молитвы. «Для достижения последнего совершенства в молитве, — говорит св. Кассиан, — надлежит утвердиться в памятовании о Боге неотходном, — к чему средством служит краткая, часто повторяемая молитва, например: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися* (Пс. 69, 2)».⁸²⁹

14.4. Достигнув такого состояния и переживая вышеописанные ощущения, молящийся может быть уверенным, что молитва его не остается втуне, но доходит до Господа. Вообще же святые отцы дают указания на то, как узнать, принята ли молитва Богом, услышана она или нет. «Когда во время молитвы не смущает нас никакое сомнение, — говорит св. Кассиан, — и ничто однажды нашего прошения не низлагает нечаянием, если в самом излиании молитвы чувствуем, что мы получили то, чего просили, то да не сомневаемся, что молитвы действительно услышаны. Ибо настолько молящийся удостоится услышан быть и получить просимое, насколько будет верить, что Бог на него взирает и может исполнить его прошение. Ибо непреложно изречение нашего Господа: *Все, чего*

ни будете просить в молитве, верьте, что получите; и будет вам (Мк. 11, 24)».⁸³⁰

14.5. Попутно с этим св. Кассиан перечисляет причины, способствующие услышанию молитвы, на основании Слова Божия. Та, говорит он, «бывает слышима молитва, когда двое соглашаются молиться (Мф. 18, 19), или когда кто молится с верою, хотя бы сия вера равнялась зерну горчичному (Мф. 17, 20), или когда кто неотступно молится (Лк. 11, 8), или когда с молитвой соединяет милостыню (Сир. 29, 15) и другие дела милосердия (Ис. 58, 6—9). Видите, — заключает святой отец, — сколькими способами снискивается благодать услышания молитвы; потому никто не падая в нечаяние при испрошении себе спасительных благ».⁸³¹

Как на наиболее доступный способ достижения того, чтобы молитва была услышана, св. Кассиан указывает на неотступность в молитве. При этом требуется, чтобы молящийся не колебался и не сомневался в том, что молитва его будет услышана. «Положим, — говорит он, — что у тебя не достанет многого из того, чрез что слышывается молитва: но неужели не можешь ты иметь неотступности в молитве, которая в руках всякого желающего. Ради ее одной Господь обещал дать все, что будет прошено. Потому без колебания неверим будем неотступны в молитве и получим просимое. Так обещовал Господь: *Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам* (Лк. 11, 9). Но всякий молящийся должен знать, что наверно не будет услышан, когда будет сомневаться в услышании».⁸³²

14.6. Кроме сомнения и неуверенности в получении просимого, молитва, по учению святых отцов, может быть неуслышанной и по какой-нибудь из следующих причин: «или потому, что просят прежде времени; или потому, что

просят выше меры своей и по тщеславию; или потому, что получив просимое, они возгордились бы или, впали в нерадение».⁸³³ Во всяком случае, корень этих причин лежит в самом человеке. Поэтому св. Иоанн Лествичник, призывая не скорбеть, «когда, прося чего-либо у Господа, долгое время не бываем услышаны»,⁸³⁴ говорит, что «Господь Сам в Себе хотел бы, чтоб все люди в одно мгновение сделались бесстрастными, но встречает большие препятствия от нашего произволения».⁸³⁵

Итак, святые подвижники призывают: если хотим, чтобы молитвы наши не только до небес, но и превыше небес проникали, то постараемся ум свой возвесть к естественной его легкости, очистив его от всех земных пороков и от всякой влаги мирских страстей, чтоб, таким образом, молитва его, не отягчаясь более никаким бременем чуждым, легко воспаряла к Богу.⁸³⁶ Сравнивая ум наш с легким перышком, или пухом, которые, не будучи отягчены влагой, могут подыматься на большую высоту, св. Иоанн Кассиан Римлянин говорит, что если ум наш «не будет обременен страстями и заботами мирскими и пагубной похотью, то будучи легок в силу естественной своей чистоты, при самом легком веянии духовного размышления, возвышается горé и, оставляя дальнее и земное, уносится к небесному и невидимому».⁸³⁷

14.7. При достижении совершенной молитвы, при вкушении ее плодов, весьма важно для человека и сохранить эти плоды молитвы.⁸³⁸ «Помолившись, — говорит прп. Нил Синайский, — не оставляй без охраны того, что стяжал трудом, но стой мужественно, охраняя плод свой; иначе никакой не останется тебе пользы от молитвы».⁸³⁹

Сохранение плодов молитвенных важно в том отношении, что враг спасения человеческого употребляет все козни для того, чтобы отвлекать мысль и чувство от молитвы и изгладить ее из памяти, делая это, по объяснению

прп. Никиты Стифата, для того, «чтоб лишить нас плодов молитвы, и чтоб, не вкушая сих плодов, мы заскучали бы на псалмопении и пресекали его в предположении, что уже долго молились».⁸⁴⁰ Но вот тут-то и требуется молящемуся проявить свою энергию и усилить свою молитву. «Настой мужественно, — поучает прп. Никита, — и еще прилежней внимай псалмам, неспешно читая их, да пожнешь плод молитвы и обогатишься просвещением Святого Духа, воссиявающим в душах молящихся».⁸⁴¹

Преподобный авва Филимон в своих творениях рассказывает об одном брате, который содействием Божиим по молитвам отца духовного услаждался немногом молитвою. Но потом это услаждение отошло от него, и он не мог уже трезвенно совершать такое делание и молиться. Чтобы вернуть прежние плоды молитвы, старец сказал этому брату: «Имей же сие всегда в сердце своем, — ешь ли, пьешь ли, беседуешь ли с кем, в пути ли находишься, или в кельи сидишь, не переставай трезвенною мыслию и неблуждающим умом молиться такою молитвою, петь и поучаться в молитвах и псалмах... не давай уму своему быть праздным, но заставляя его сокровенно поучаться и молиться: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!*.. Внимай себе тщательно и блюди сердце свое от приятия худых помыслов, или каких-нибудь суетных и не полезных. Так молитва очистит ум твой, и ты опять сможешь «уразуметь глубины Божественного Писания и сокрытую в нем силу и дать уму непрестанное делание, да исполнишь апостольское слово, заповедующее: *Непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17)».⁸⁴²

Сам же святой авва Филимон так услаждался молитвою, особенно псалмами, что живший с ним брат долго и неотступно упрашивал объяснить ему причины этого. Тогда св. Филимон с великим смирением сказал ему: «Бог так напечатлел в душе моей силу псалмов, как в самом Пророке Давиде, и я не могу оторваться от услаждения сокры-

тыми в них всяческими созерцаниями; ибо они объемлют все Божественное Писание».⁸⁴³ Путем размышлений и углубления в слова молитв и псалмов, при помощи Божией, святой авва таким образом достиг высочайших плодов молитвы, и они служили ему источником неизреченной радости. Подобного состояния и таких же результатов достигали и другие авторы «Добротолюбия».

Кроме своих мудрых советов и указаний о молитвенном подвиге, все подвижники учили молитве и своим личным примером. Остановимся хотя бы на словах учеников св. Антония Великого, о его подвигах. «Мы знаем, — говорили ученики его, — блаженный старец иногда так углублялся в молитву, что простанывал в ней целую ночь, и когда восходящее солнце пресекало сию его пламенную с восхищением ума молитву, мы слышали, как он говорил: «Зачем мешаешь ты мне, солнце? Ты для того, будто и восходишь, чтобы отвлекать меня от Божественного умного света».⁸⁴⁴

14.8. Для того же, чтобы никто не думал, будто одни лица священного сана и монахи должны непрестанно и всегда молиться, но что и все христиане имеют долг всегда пребывать в молитве, в «Добротолюбии»⁸⁴⁵ рассказывается случай из жизни св. Григория Паламы и его друга — старца Иова.

Старец Иов считал непрестанную молитву необходимой лишь для аскетов и монахов, кои живут вне мира и сует его, а не мирян, кои имеют столько забот и дел. Святитель же Григорий, беседуя с ним однажды, сказал о молитве, что всякому вообще христианину надлежит подвизаться в молитве всегда и молиться непрестанно, как заповедал апостол Павел обще всем христианам: *Непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17) — и, как говорит о себе пророк Давид, при всем том, что был царь и имел попечение о всем царстве своем: *Всегда видел я пред собою*

Господа, ибо Он одесную меня (Пс. 15, 8). Говоря это и многое другое своему другу Иову, святитель прибавил еще, что, по учению святых, нам надлежит не только самим молиться всегда, но и других всех учить тому же, всех обще: и монахов, и мирян, и мудрых, и простых, и мужей, и жен, и детей — и побуждать их молиться непрестанно.

Иов же, не соглашаясь с этим, стал спорить со святителем и стоял на своем, хотя св. Григорий привел ему много неопровержимых доказательств в пользу своих мыслей. Через некоторое время после своего спора со святителем Иов был вразумлен видением. Во время молитвы ему явился Ангел, который, укорив его за спор со св. Григорием, «возвестил ему от лица Божия, чтоб вперед внимал себе и остерегался говорить кому что-либо противное сему душеспасительному делу и противиться воле Божией и не позволяя себе мудрствовать разное с тем, что сказал св. Григорий».⁸⁴⁶ Тогда старец Иов поспешил к святителю и, прося прощения в противоречии ему, сообщил о своем видении.

Для того, чтобы дойти до тех высот молитвенного подвига, которых достигали святые подвижники, необходимо иметь опытного старца-руководителя, который бы и направлял новоначального по правильному пути. Тем более это необходимо вследствие того, что идти истинным путем, не рискуя впасть в прелесть, дело далеко не легкое и не простое, как оно могло бы казаться с первого взгляда, для неопытного в этом человека.

Глава 15

НЕОБХОДИМОСТЬ ДУХОВНОГО РУКОВОДСТВА ПРИ ПРОХОЖДЕНИИ МОЛИТВЕННОГО ПОДВИГА

15.1. Всякого рода уклонения с истинного пути влекут за собой печальные, а иногда и непоправимые последствия для идущего путем подвига без всяких указаний и советов. При этом недостаточного одного знакомства по творениям святых отцов с молитвенным подвигом. Теоретические знания в данном случае не смогут заменить того, что даст старец-руководитель. «Кто по слуху или учению трудится в молитве, всею трудится, не имея руководящего»,⁸⁴⁷ — говорит св. Григорий Синаит. Стремящийся «достигнуть чистой молитвы в безмолвии должен шествовать к сему в трепете великом... и с испрашиванием руководства у опытных»,⁸⁴⁸ то есть у тех, как учит св. Григорий Синаит, «кон опытно изведати болезни и труды деятельной добродетели, и под их руководством проходить ее».⁸⁴⁹

На обязанности духовного руководителя, по словам св. Федора Студита, лежит возведение своим ученикам должного отвращения от недоброго и утверждение в добром.⁸⁵⁰ Старец, как опытный кормчий, должен управлять жизнью и волей своего ученика, которые тот вверяет ему. Как для корабля, ведущего борьбу с волнами, необходим опытный рулевой, так и для тех, «у коих идет борение и война тела против души, как говорит прп. Феогност, необходимо иметь вождя и правителя, и слушаться его, как умеющего с знанием дела править рулем жизни нашей и

снаряжать нас вовремя благопотребными оружием, чтобы не захватили нас в плен невидимые супостаты, и страсти не потопили, по неопытности нашей».⁸⁵¹

«Твердо знайте, — поучает св. Антоний Великий, — что ни преуспеть, ни возрасти и сделаться совершенным вы не можете, ни уметь верно различать добро от зла вы не будете, если не будете повиноваться отцам вашим. Отцы наши сами так поступали: повиновались отцам своим и их наставления слушали; оттого преуспели, возрасли и сделали сами учителями, как написано в Премудрости сына Сирахова: *Не отступай от поучения старцев, ибо ты научишься разуму, и какой в случае надобности дать ответ* (Сир. 8, 11—12)».⁸⁵²

Святой Антоний сравнивает неопытного подвижника с птицей, попадающей в сети. Несовершенные христиане, говорит он, не зная, «как различить доброе от худого, следуют своим склонностям, довольствуясь своим суждением и мнением», не спрашивая своих отцов совершенных, думая, что они и сами достигли уже совершенства... Таковые подобны тем птицам, которые построили свои гнезда высоко, но слетели на землю, попались в сети птицелова и были пойманы».⁸⁵³ Поэтому он предупреждает всех, говоря: «Если желаете преуспеть и полнее возрасти, сделаться невозмутимыми в сердце своем и ни в чем не быть посмеянными от диавола, повинуйтесь отцам своим и их во всем слушайтесь, — и вы не падете во веки».⁸⁵⁴

Вообще же святые подвижники научали «старцу своему оказывать послушание во всем и исполнять все, что он ни говорит, будет ли то относиться к пище, или к питию, или к какой-либо другой вещи».⁸⁵⁵ Святой же авва Евагрий говорит, что «старцев своих должны мы чтить, как Ангелов».⁸⁵⁶

15.2. Святой Кассиан Римлянин приводит ряд примеров, в которых указывает, к чему приводит самоуверенность желавших идти путем подвига, но не обращав-

шихся за советом к старцу. При отсутствии высшей добродетели — рассудительности, полагаясь на свои знания и опытность, таковые или кончали преждевременной смертью, или же впадали в состояние прелести.

Один подвижник по имени Ирон вдался в строгий пост и глубокое уединение. Чтобы не нарушать их, он по внушению сатаны, перестал приходить на обычные собрания пустынников по субботам и воскресеньям, когда при взаимном собеседовании выяснялись разные пути и распутия жизни духовной. За первым обольщением последовало второе. Сатана явился ему в виде Ангела и велел ему броситься в высохший колодезь. Прельщенный Ирон, не считая себя недостойным получать откровения свыше, и, очевидно, предполагая, что будет безопасен, поддался искушению, бросился и разбился насмерть.⁸⁵⁷

Два брата условились идти в глубочайшую пустыню, причем решили не принимать никакой пищи, кроме той, какую пошлет им Сам Господь. Блуждая по пустыне, они сильно изнемогли и попали в плен к одному дикому народу. Дикари сжалились над ними и дали им хлеба. Один из пленников одумался и принял хлеб, считая его посланным от Бога. Другой же упорно стоял на своем, ничего не ел и в результате умер от голода.⁸⁵⁸

Некто из строгих постников и уединенников счел себя достойным общения с небесными силами — и враг не замедлил воспользоваться этим. Он стал являться ему как Ангел, давать откровения о делах и мыслях человеческих, производить в келье свет без светильника. Наконец, приобретя полное доверие, он велел принести своего сына в жертву Богу. И это было бы исполнено, если бы сын, увидя странные приготвления, не догадался бы покинуть прельщенного отца.⁸⁵⁹

15.3. Много, очень много можно привести и других подобных примеров, указывающих на то, как легко чело-

веку, избегающему советов с опытными людьми, уклониться с истинного пути. В приведенных и им подобных примерах общая черта та, что у «самочинных» подвижников отсутствуют смирение и рассудительность. Так как у таких самочинников, поясняет св. Григорий Синаит, «ум нечист по причине нерадения и высокоумия и не очищен слезами, то они узревают паче срамные образы помыслов, нежели молитву, между тем как гнездящиеся в сердце их духи нечистые, будучи тревожимы страшным именем Божиим, скрежещут, желая погубить уязвляющего их. Почему, — добавляет св. Григорий, — если самочинник услышит или из книг узнает о делании сем и желает держать его, то одно из двух постигнет: или, если нудить себя будет, впадет в прелесть и останется неисцельным, или, если не радеть будет, во всю жизнь останется безуспешным».⁸⁶⁰ Вот к чему приводит отсутствие смирения и рассудительности. Святые отцы большое значение придавали этим добродетелям, связанным одна с другой и являющимися даром Божиим, развивать который, однако, следует человеку.

«Как воспитывать и развивать рассудительность? — спрашивает св. Кассиан и отвечает: отдана все свое — на рассуждение опытейших отцов. Это самая мудрая школа рассудительности, в которой научаются добре рассуждать о достождном даже и такие, которые не имеют особо к тому способности... Приобретается истинная рассудительность истинным смирением, коего первым доказательством служит — открывать отцам не только то, что делаем, но и то, о чем думаем, ни в чем не доверяясь своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или худым только то, что они признают таковым».⁸⁶¹

Человек, живущий не по своей воле, а по совету и указанию преуспевших, пребывает на правильном пути. Послушание к своему духовному отцу или старцу, по словам

св. Симеона Нового Богослова, делает человека «беспечительным относительно всего, так как он всю печаль свою однажды навсегда возложил на духовного отца своего; почему, будучи далек от всякого пристрастия мирского, он является способным к тому, чтоб быть весьма ревностным и неленостным деятелем высшего образа молитвы».⁸⁶² «Предание своих помыслов на рассуждение отцов, — говорит св. Кассиан, — заменяет свою рассудительность и научает ей».⁸⁶³

15.4. Что старчество ведет свое начало от глубокой древности, подтверждают примеры, приводимые святыми подвижниками.⁸⁶⁴ Так, Самуил получал наставления от старца Илия. Святой апостол Павел после обращения своего получает указание идти к «Ананию, чтоб у него научиться пути истины. И сам св. Павел после нескольких опытов проповеди Евангельской идет в Иерусалим проверить свое благовестие, чтобы узнать, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался (Гал. 2, 2), хотя ему осязательно сопутствовала благодать Святаго Духа».⁸⁶⁵ «Так, очевидно, — заключает св. Кассиан, — это Господь никому не открывает пути к совершенству, кроме руководимых к оному духовными отцами, как и чрез пророка говорит: *Вопроси отца твоего и возвестит тебе, старцы твои и рекут тебе* (Втор. 32, 7)».⁸⁶⁶

15.5. Следует обратить внимание на то, что подвижники советуют осмотрительно выбирать себе старца в руководители и предварять выбор усердной молитвой. Старец должен быть не теоретиком, лишь знакомым со Словом Божиим, но должен сам на практике пройти и испытать все стадии духовного пути и иметь «благодать и силу по Богу научить и рассудить».⁸⁶⁷ Благодарение Богу, как говорят свв. Каллист и Игнатий, если удастся найти учителя просвещенного и незаблудного, могущего научить,

«не потому только, что узнал то из Божественного писания, но потому, что и сам блаженно испытал божественное просвещение».⁸⁶⁸

Так как может случиться, что неопытный новоначальный выберет и старцем себе неопытного руководителя, то прп. Симеон Богослов советует, особенно на первых порах, исследовать и самому «Божественные Писания, и особенно деятельные писания святых отцов, чтоб с ними сличая то, чему учат тебя учитель и, настоятель, мог ты, как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собою, — и затем согласное с писаниями усвоить и удерживать в мысли, а несогласное, — рассудив добре — отлагать, чтоб не прельститься».⁸⁶⁹ Такая предосторожность необходима потому, что, как говорит прп. Симеон Богослов, «во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей, которые последующих им ввергают в ров пагубы, по слову Господа: *Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму* (Мф. 15, 14)».⁸⁷⁰ Ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых — худые. Поэтому прп. Симеон Богослов и говорит, что «если хочешь научиться Евангельскому житию, то отдай себя опытному и чуждому страстей учителю, чтоб вместо Евангельского диавольскому не научиться житию».⁸⁷¹

Приведенные соображения еще раз доказывают, насколько серьезен сам по себе молитвенный подвиг и как вместе с тем важно его всестороннее изучение не только теоретическое, но, главным образом, практическое, для всякого человека, стремящегося к самосовершенствованию.

Глава 16

МОЛИТВА — ПИЩА И ЖИЗНЬ ДЛЯ ДУШИ

16.1. Считая молитву главнейшим делом в жизни,⁸⁷² святые отцы говорят, что она есть «превыше естества человеческого»,⁸⁷³ «божественнее всех добродетелей»,⁸⁷⁴ «царица добродетелей»,⁸⁷⁵ так как из нее, как из источника, истекают все добродетели,⁸⁷⁶ включая главную из них — любовь.⁸⁷⁷ В тех же случаях, когда человеку предстоит выбор между молитвою и делом любви к ближнему, то он, по учению святых подвижников, должен предпочесть молитве дело любви. Ибо, по словам св. Иоанна Лествичника, только «любовь выше молитвы»,⁸⁷⁸ ибо молитва есть добродетель частная, а любовь объемлет все добродетели».⁸⁷⁹

На основании этого прп. Никита Стифат говорит, что «если когда поешь песнь молитвы Богу, брат придет и постучится в дверь кельи твоей, не предпочти дела молитвы делу любви, презрев стучащегося к тебе брата: ибо это нелюбезно Богу. Он желает от тебя в это время елєя любви, а не жертвы молитвы. Почему, оставя дар молитвы, дай брату беседу любви и удовлетвори его желание. Потом, возвратившись, принеси дар твой Отцу духов со слезами и сокрушенным сердцем, и дух правый обновится во утробе твоей».⁸⁸⁰

16.2. Важность и значение молитвы для человека побуждает святых авторов «Добротолюбия» неустанно звать всех христиан к прохождению молитвенного подвига.

Свидетельствуя, что уму человеческому «свойственно пребывать в Боге и размышлять о Нем»,⁸⁸¹ они призывают «иметь ум всегда в Боге, и во время сна, и во время бодрствования, при вкушении пищи и беседе, за рукоделнем и всяким другим делом, по слову пророка: *Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня* (Пс. 15, 8)». ⁸⁸² Говоря о том, что человек почерпнет полное довольство лишь в молитве,⁸⁸³ святые подвижники научают отдавать время в своем каждодневном делании по Богу преимущественно молитве. Прочие же делания, говорят они, приходят только по причине утомления в молитве.⁸⁸⁴

Так как без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу,⁸⁸⁵ то она является для человека столь же необходимой, как вода — рыбе. Святые Каллист и Игнатий приводят слова св. Иоанна Златоуста об этом. «Если ты лишаешь себя молитвы, — говорит он, — то „делаешь то же, что вынул рыбу из воды: ибо как этой жизнь — вода, так тебе — молитва. Ею можно сквозь воздух, как сквозь воду, пронестись, на небеса взойти и стать близ Бога».⁸⁸⁶ Поэтому тот, «кто всю жизнь старается упражняться в молитвах и служении Богу, скоро делается по жизни и мудрости подобным Ангелам».⁸⁸⁷ Отсутствие же молитвы у человека святые подвижники считают настолько ненормальным, что именуют его «болезнью души, крайней бедой и пагубой».⁸⁸⁸ «Нерадение о молитве, хотя и малое, — по словам прп. аввы Исаии, — есть мать забвения».⁸⁸⁹ «Нерадящий о молитве во время кончины своей нестерпимо страдать будет»,⁸⁹⁰ — предупреждает всех св. Марк Подвижник. Святая авва Евагрий и свв. Каллист и Игнатий душу, «не движущую себя на молитву, душу без молитвы называют мертвой, окаянной и злосмрадной».⁸⁹¹

Особенно ясной и очевидной становится необходимость молитвы для всех, если учесть те результаты, которые она приносит. Возьмем хотя бы борьбу с помыслами.

По утверждению прп. Исихия, «без частого призвания имени Иисуса Христа не очиститься от страстных помыслов и не изгнать мысленных врагов»,⁸⁹² тогда как «при призвании имени Иисусова и минуты постоять и злокознить против тебя враги не стерпят».⁸⁹³

Вообще же говоря, без молитвы, которою испрашивается помощь Божия, «человек сам собою не может ни добродетелей приобрести, ни другого чего сделать».⁸⁹⁴ Ввиду этого святые отцы и говорят, что «быть лишенным молитвы надлежит почитать горчайшим всякой смерти, как научает этому и великий пророк Даниил, который избрал лучше умереть, нежели пребыть без молитвы, хотя одно мгновение времени (гл. 9)».⁸⁹⁵ Поэтому-то со страниц «Добротолюбия» неоднократно раздаются слова: «Не дай умереть душе, но питай ее Словом Божиим, псалмами, пениями и песнями духовными и молитвами, ибо все сие и подобное сему есть пища и жизнь для души».⁸⁹⁶

16.3. Наконец, единогласный и торжественный призыв святых подвижников, обращенный ко всем, придти и поклониться Господу Богу и пребывать в постоянной молитвенной связи с Ним, является, можно сказать, заключительным аккордом в том гимне молитве, который воспевают в своих творениях святые отцы. Для них молитва не простой подбор слов, не простое повторение известных освященных формул, но движение самой души, входящей в личные отношения и в соприкосновение с таинственной Силой, с Всемогущим Богом. Где нет этой внутренней молитвы, там нет и жизни духа, нет и живой религии, в которую она входит как составная и нераздельная ее часть.

Вдохновенно и ободряюще звучит этот призыв: Чтобы не быть отосланным туда, где плач и скрежет зубов, — «приидите поклонимся, и припадем, и воспоемся пред благим Богом нашим, предварив лице Его во исповедании, в прощении, в сокрушении, в слезах, в молитвах...

Ибо Он есть очищение грехов наших; и еще не затворил двери милости Своей пред нами, не отвращается от обращающегося к Нему, но милостиво приемлет, как блудницу, как разбойника, как блудного».⁸⁹⁷

«Восстенаем и возболезнуем пред Ним от всего сердца, — и близ Сущий всем призывающим Его во истине, подаст нам помощь и силу отбросить греховные навыки и вступить в порядки добродетельной жизни, не щадя никаких жертв»,⁸⁹⁸ — призывает св. Феодор Студит. «Ей, прошу вас, — вызывает он же, — восстанем, пробудимся, восподвизаемся, чтоб как хорошо учащиеся дети, отпущенные из школы, радостно спешат в дома свои, так и нам, как искренним ученикам Евангелия, отрешившись от сей жизни, с радостью переселиться в жизнь вечную».⁸⁹⁹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Подводя итог всему вышеизложенному, следует обратить внимание на то значение молитвы, которое она имеет в деле совершенствования человека. Начиная с низшей (общедоступной) и кончая высшей, духовной, молитва состоит в тесной связи с духовным ростом человека. Чем выше человек в своем нравственном развитии, чем выше он поднялся по ступеням добродетелей, — тем выше и чище его молитва. Будучи у новонаначального «рассеянным детским лепетом», или корыстным, она у мужа совершенного переходит в непрерывную, чистую, чуждую помыслов, бескорыстную молитву. Чтобы молитва была услышанной, необходимо, чтобы она была правильной. Всякие уклонения от правильной молитвы приводят к разным ненормальностям, вплоть до состояния прелести, почему и требуется для всякого начинающего молитвенный подвиг опытный старец-руководитель.

2. Несмотря на трудность и продолжительность достижения высшей, непрестанной духовной молитвы, все же молитва доступна для всякого человека и может быть услышана, на какой бы ступени нравственного состояния он ни находился. Все будет зависеть от того чувства, которое будет вложено в молитву, а также от смиренного сознания своего недостойнства, уничтожающего преграды между Богом и человеком. Лишь бы только обратился человек к Богу, и будет услышан. «Не успеем мы призвать Господа, — говорит св. Феодор Студит, — как Он —

благий — уже близ есть с милостию и щедротами, — дает молитву молящемуся, рассеивает облако печали, и чрез благие помыслы светом исполняет сердце. И чего-чего не делает Он для нас!»⁹⁰⁰

Исследование наше заключим восторженными и выразительными словами, завершающими V (последний) том «Добротолюбия», в которых дается высшая оценка молитве: Что еще большее желать от молитвы, когда, благодаря ей, мысленно можешь всегда находиться пред лицом Бога и беседовать с Богом непрестанно, без Коего ни когда никакой человек не может быть блаженным ни здесь, ни в будущей жизни.⁹⁰¹

**Отзыв о сочинении
студента Владимира Веревкина
на тему «Учение о молитве по Добротолюбию»**

Трудолюбивый автор тщательно проштудировал обширный источник, подлежащий его изучению, и значительно вдумался в его содержание. В результате его упорной работы появилось сочинение в 224 страницы убористого письма, обстоятельно передающее основные положения «Добротолюбия» и удачно их раскрывающее.

При чтении сочинения г. Веревкина бросается в глаза та необыкновенная любовь, какую автор, бесспорно, был проникнут по отношению к его теме. Видно, что молитва интересовала его не просто — как предмет изучения, а гораздо более — как нечто самое близкое и дорогое его сердцу. Автор, знакомясь со святоотеческими воззрениями — плодом зрелым и жизненно полезнейшим, — видимо, желал бы провести их, эти воззрения, в свою собственную жизнь. Поэтому его интересует всякая частности в святоотеческом учении, и она в его глазах не является какою-либо незначительною мелочью, — нет, он старается поставить ее в связь с основным святоотеческим мировоззрением и отсюда получить себе новые и новые данные для всестороннего освещения темы.

Сердечный тон диссертации делает ее — уже сам по себе — приятною для чтения. Приходится только удивляться, как он при самых неблагоприятных условиях, в каких находился во время изучения вопроса о молитве, сумел так внимательно и глубоко вдуматься в дело.

Все, что от него требовалось, им выполнено добросовестно и вполне. Можно было бы посему высказать пожелание, чтобы его труд в будущем увидел свет в печатном уже своем виде. Отпечатанный — он явился бы прекрасным дополнением к работам на однородные темы, уже существующим в отечественной богословской литературе. Ведь святые отцы, всю жизнь проводившие молитвенно и в молитве, являются наилучшими в данном случае руководителями.

Как кандидатская диссертация сочинение г. Вережкина не только вполне удовлетворительно, но и заслуживает особого внимания Совета Академии.

22 июня
5 июля 1921 года

Профессор
Петроградской Духовной Академии
Александр Бронзов
Верно: проф. С. Зарин

ССЫЛКИ АВТОРА НА ДОБРОТОЛОБИЕ И ЕГО ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ

- ¹ Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Казань, 1884. С. 12.
- ² Добротолюбие в русском переводе // Соч.: В 5 т. 4-е изд., доп. М., Т. 1. 1905. Вступление. С. VI.
- ³ Там же. Вступление. С. IV.
- ⁴ Там же. С. V.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. VI.
- ⁷ Там же. С. III.
- ⁸ Там же. С. III—IV.
- ⁹ Добротолюбие в русском переводе еп. Феофана // Соч.: В 5 т. М., 1895—1905. Т. 1. 1905; Т. 2. 1895; Т. 3. 1900; Т. 4. 1901; Т. 5. 1900.
- ¹⁰ Там же. Т. 2. С. 671.
- ¹¹ Там же. Т. 3. С. 332 (св. Феодор Едесский).
- ¹² Там же. Т. 5. С. 168 (св. Феодит, митр. Филадельфийский).
- ¹³ Там же. С. 345 (св. Каллист и Игнатий).
- ¹⁴ Там же. Т. 4. С. 169.
- ¹⁵ Там же. С. 610.
- ¹⁶ Там же. Т. 2. С. 724.
- ¹⁷ Там же. Т. 5. С. 311.
- ¹⁸ Там же. С. 343—344.
- ¹⁹ Там же. С. 205.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 440.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Т. 1. С. 486.
- ²⁴ Там же. Т. 5. С. 343.
- ²⁵ Там же. Т. 5. С. 443.
- ²⁶ Там же. Т. 2. С. 677.
- ²⁷ Там же. Т. 5. С. 312—313.

- ²⁸ Там же. Т. 5. С. 443.
- ²⁹ Там же. Т. 2. С. 584.
- ³⁰ Там же. Т. 5. С. 467 (св. Симеон Новый Богослов).
- ³¹ Там же. Т. 2. С. 134.
- ³² Там же. Т. 1. С. 522.
- ³³ Там же. Т. 1. С. 504; Т. 2. С. 137; Т. 3. С. 178; 435—436; Т. 5. С. 228, 377, 387, 388, 389 и др.
- ³⁴ Там же. Т. 2. С. 133.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 133—134.
- ³⁷ Там же. С. 671.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Т. 5. С. 232.
- ⁴⁰ Там же. С. 431.
- ⁴¹ Там же. Т. 3. С. 410.
- ⁴² Там же. Т. 2. С. 167.
- ⁴³ Там же. С. 584.
- ⁴⁴ Там же. С. 229.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. Т. 5. С. 388.
- ⁴⁸ Там же. Т. 2. С. 229.
- ⁴⁹ Там же. Т. 5. С. 388.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. Т. 3. С. 38 (блж. Днидох).
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Т. 2. С. 733.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 716.
- ⁵⁸ Там же. С. 719.
- ⁵⁹ Там же. Т. 5. С. 357 (свв. Каллист и Игнатий).
- ⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 720.
- ⁶¹ Там же. Т. 5. С. 70.
- ⁶² Там же. С. 200.
- ⁶³ Там же. Т. 4. С. 344.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. Т. 5. С. 229.
- ⁶⁶ Т. е. об умной молитве, о чем речь будет ниже.
- ⁶⁷ Добротолюбие. Т. 5. С. 229.

- ⁶⁸ Там же. С. 431.
- ⁶⁹ Там же. С. 231.
- ⁷⁰ Там же. Т. 3. С. 435.
- ⁷¹ Там же. Т. 5. С. 231.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 357—358.
- ⁷⁴ Там же. Т. 2. С. 226.
- ⁷⁵ Там же. Т. 4. С. 252—253.
- ⁷⁶ Там же. Т. 5. С. 337, 369.
- ⁷⁷ Там же. Т. 2. С. 661.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. Т. 3. С. 366.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. Т. 5. С. 358.
- ⁸² Там же. Т. 4. С. 78.
- ⁸³ Там же. С. 248—249.
- ⁸⁴ Там же. С. 78.
- ⁸⁵ Там же. Т. 5. С. 233.
- ⁸⁶ Там же. С. 229.
- ⁸⁷ Там же. С. 219.
- ⁸⁸ Там же. С. 219—220.
- ⁸⁹ Там же. С. 58.
- ⁹⁰ Там же. С. 63. Ср.: Т. 1. С. 257.
- ⁹¹ Там же. Т. 5. С. 219.
- ⁹² Там же. Т. 2. С. 571.
- ⁹³ Ср.: Там же. Т. 5. С. 442—443 (св. Симеон, архиеп. Солунский).
- ⁹⁴ Там же. С. 134.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же. Т. 1. С. 96.
- ⁹⁷ Там же. Т. 5. С. 44.
- ⁹⁸ Там же. Т. 5. С. 229.
- ⁹⁹ Там же. Т. 2. С. 571.
- ¹⁰⁰ Там же. Т. 5. С. 371 (свв. Каллист и Игнатий).
- ¹⁰¹ Там же. Т. 4. С. 625.
- ¹⁰² Там же. Т. 5. С. 132—133.
- ¹⁰³ Там же. С. 133.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 237.
- ¹⁰⁶ Там же. Т. 4. С. 295.
- ¹⁰⁷ Там же. Т. 5. С. 452.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 454.

- ¹⁰⁹ Там же.
¹¹⁰ Там же. С. 455.
¹¹¹ Там же. С. 455—456.
¹¹² Там же. С. 456.
¹¹³ Там же.
¹¹⁴ Там же.
¹¹⁵ Там же. С. 462.
¹¹⁶ Там же. Т. 2. С. 432.
¹¹⁷ Там же. Т. 5. С. 340.
¹¹⁸ Там же.
¹¹⁹ Там же. С. 446.
¹²⁰ Там же. С. 340.
¹²¹ Там же.
¹²² Там же. Т. 4. С. 583. Ср.: Т. 2 (св. Ефрем Сирианин). С. 419.
¹²³ Там же. Т. 3. С. 365.
¹²⁴ Там же.
¹²⁵ Там же. Т. 5. С. 455—456.
¹²⁶ Там же. С. 356—357.
¹²⁷ Там же. Т. 1. С. 450.
¹²⁸ Там же. Т. 2. С. 523. Ср.: Т. 5. С. 340.
¹²⁹ Там же. Т. 3. С. 365.
¹³⁰ Там же.
¹³¹ Там же. Т. 2. С. 524.
¹³² Там же. Т. 4. С. 625.
¹³³ Там же. Т. 2. С. 730. Ср.: Т. 5. С. 352.
¹³⁴ Там же. Т. 2. С. 565.
¹³⁵ Там же. Т. 1. С. 450.
¹³⁶ Там же. Т. 5. С. 219.
¹³⁷ Там же. Т. 5. С. 341.
¹³⁸ Там же. Т. 5. С. 133.
¹³⁹ Там же. Т. 4. С. 126.
¹⁴⁰ Там же. Т. 3. С. 368.
¹⁴¹ Там же. Т. 2. С. 479.
¹⁴² Там же. Т. 1. С. 608, 615.
¹⁴³ Там же. Т. 2. С. 673—674.
¹⁴⁴ Там же. Т. 5. С. 352.
¹⁴⁵ Там же. Т. 3. С. 415.
¹⁴⁶ Там же. Т. 2. С. 274.
¹⁴⁷ Там же. Т. 1. С. 96.
¹⁴⁸ Там же.
¹⁴⁹ Там же. С. 97. Ср.: Т. 5. С. 352.

- ¹⁵⁰ Там же. Т. 2. С. 274.
¹⁵¹ Там же. Т. 5. С. 343.
¹⁵² Там же. Т. 2. С. 468.
¹⁵³ Там же. С. 749.
¹⁵⁴ Там же.
¹⁵⁵ Там же. Т. 3. С. 326.
¹⁵⁶ Там же. Т. 5. С. 285.
¹⁵⁷ Великий пост.
¹⁵⁸ Добротолюбие. Т. 4. С. 511.
¹⁵⁹ Там же. С. 418.
¹⁶⁰ Там же. Т. 5. С. 134 (прп. Никита Стифат).
¹⁶¹ Там же. Т. 2. С. 226 (прп. Нил Синайский).
¹⁶² Там же. С. 460.
¹⁶³ Там же.
¹⁶⁴ Там же. Т. 5. С. 469—470.
¹⁶⁵ Там же.
¹⁶⁶ Там же. Т. 4. С. 253 (св. Феодор Студит).
¹⁶⁷ Там же. Т. 5. С. 66 (св. Симеон Благоговейный).
¹⁶⁸ Там же. С. 173.
¹⁶⁹ Там же. С. 62 (св. Симеон Благоговейный).
¹⁷⁰ Там же. Т. 5. С. 473—476 (св. Максим Капсокаливит).
¹⁷¹ Там же. Т. 2. С. 473.
¹⁷² Там же.
¹⁷³ Там же.
¹⁷⁴ Там же. Т. 5. С. 480 (св. Григорий Палама).
¹⁷⁵ Там же. Т. 5. С. 18 (прп. Симеон Новый Богослов).
¹⁷⁶ Там же. С. 65 (св. Симеон Благоговейный).
¹⁷⁷ Там же. С. 338.
¹⁷⁸ Там же. С. 170.
¹⁷⁹ Там же. С. 480.
¹⁸⁰ Там же. Т. 2. С. 226. Ср.: Т. 5. С. 379.
¹⁸¹ Там же. Т. 2. С. 226.
¹⁸² Там же.
¹⁸³ Там же. Т. 5. С. 473.
¹⁸⁴ Там же. Т. 4. С. 427.
¹⁸⁵ Там же. С. 508.
¹⁸⁶ Там же. Т. 5. С. 283.
¹⁸⁷ Там же. С. 283.
¹⁸⁸ Там же.
¹⁸⁹ Там же.
¹⁹⁰ Там же. С. 284.

- ¹⁹¹ Там же.
- ¹⁹² Эти слова очень поучительны для «совопросников века сего», т. е. показывают, как Церковь смотрела на мощи, т. е. что они не должны обязательно представлять собой целое тело человека, а хотя бы какие-либо останки от костей святых.
- ¹⁹³ Добротолюбие. Т. 5. С. 284.
- ¹⁹⁴ Там же.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 297.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 357.
- ¹⁹⁸ Там же. Т. 2. С. 730.
- ¹⁹⁹ Там же. Т. 5. С. 73.
- ²⁰⁰ Там же. Т. 3. С. 394—395.
- ²⁰¹ Там же. Т. 5. С. 453—457.
- ²⁰² Там же. С. 454—455.
- ²⁰³ Там же. Т. 1. С. 290.
- ²⁰⁴ Подробнее о них будет сказано далее при изложении учения об умной молитве.
- ²⁰⁵ Добротолюбие. Т. 5. С. 469.
- ²⁰⁶ Там же. С. 284.
- ²⁰⁷ Там же. Т. 4. С. 360.
- ²⁰⁸ Там же. Т. 5. С. 109—110.
- ²⁰⁹ Там же. Т. 4. С. 380.
- ²¹⁰ Там же. С. 513.
- ²¹¹ Там же. Т. 5. С. 359.
- ²¹² Там же.
- ²¹³ Там же. С. 360.
- ²¹⁴ Там же. Т. 1. С. 96.
- ²¹⁵ Там же. Т. 5. С. 173.
- ²¹⁶ Там же. Т. 2. С. 526.
- ²¹⁷ Там же. С. 724.
- ²¹⁸ Там же. Т. 5. С. 173.
- ²¹⁹ Там же. Т. 2. С. 526.
- ²²⁰ Там же. Т. 4. С. 611.
- ²²¹ Там же. Т. 2. С. 526—527.
- ²²² Там же. Т. 3. С. 311.
- ²²³ Там же. Т. 5. С. 236.
- ²²⁴ Там же.
- ²²⁵ Там же. С. 345—346.
- ²²⁶ Там же. Т. 2. С. 526 (св. Иоанн Лествичник).
- ²²⁷ Там же. С. 229 (прп. Нил Синайский).

- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ Там же. Т. 5. С. 389.
- ²³⁰ Там же. Т. 5. С. 230.
- ²³¹ Там же.
- ²³² Там же.
- ²³³ Там же. Т. 2. С. 225.
- ²³⁴ Посторонними мыслями.
- ²³⁵ Добротолюбие. Т. 5. С. 133—134.
- ²³⁶ Там же. С. 387.
- ²³⁷ Там же. Т. 5. С. 387. Ср.: Т. 2. С. 214.
- ²³⁸ Там же. Т. 5. С. 387.
- ²³⁹ Там же. Т. 2. С. 661.
- ²⁴⁰ Там же.
- ²⁴¹ Там же. Т. 1. С. 541 (св. Марк Подвижник).
- ²⁴² Там же. Т. 2. С. 477.
- ²⁴³ Там же.
- ²⁴⁴ Там же. С. 139.
- ²⁴⁵ Нерассеянности и отсутствию посторонних мыслей.
- ²⁴⁶ Указание на обязательное участие сердца в молитве.
- ²⁴⁷ Добротолюбие. Т. 1. С. 216.
- ²⁴⁸ Там же. Т. 5. С. 464.
- ²⁴⁹ Там же. С. 465.
- ²⁵⁰ Там же.
- ²⁵¹ Там же. Т. 2. С. 137.
- ²⁵² Там же. Т. 5. С. 465.
- ²⁵³ Там же. Т. 2. С. 229 (прп. Нил Синайский).
- ²⁵⁴ Там же. С. 214.
- ²⁵⁵ Там же. Т. 5. С. 467.
- ²⁵⁶ Там же.
- ²⁵⁷ Там же. С. 474.
- ²⁵⁸ Там же. С. 467.
- ²⁵⁹ Там же. Т. 2. С. 134.
- ²⁶⁰ Там же. Т. 5. С. 389 (свв. Каллист и Игнатий, прп. Нил Синайский); там же. С. 388 (св. Иоанн Лествичник); там же. Т. 3. С. 436 (прп. Илия Екдик).
- ²⁶¹ Там же. Т. 3. С. 188.
- ²⁶² Там же. Т. 5. С. 431 (св. Каллист Тиликуда).
- ²⁶³ Там же. С. 455.
- ²⁶⁴ Так и у св. Исаака.
- ²⁶⁵ Добротолюбие. Т. 5. С. 474.
- ²⁶⁶ Там же. С. 389. Ср.: Т. 2. С. 229.

- ²⁶⁷ Там же. Т. 5. С. 389.
²⁶⁸ Там же.
²⁶⁹ Там же. С. 474. Ср.: Т. 2. С. 136—137.
²⁷⁰ Там же. Т. 2. С. 137.
²⁷¹ Там же. С. 210.
²⁷² Там же. Т. 3. С. 49.
²⁷³ Там же.
²⁷⁴ Там же.
²⁷⁵ Там же. С. 178.
²⁷⁶ Там же. Т. 2. С. 134—136.
²⁷⁷ Там же. С. 136—137.
²⁷⁸ Там же. Т. 5. С. 376—377.
²⁷⁹ Там же. С. 377.
²⁸⁰ Там же. С. 378.
²⁸¹ Там же. С. 473.
²⁸² Там же. С. 433.
²⁸³ Там же. Т. 5. С. 474.
²⁸⁴ Там же.
²⁸⁵ От слова «ум».
²⁸⁶ Добротолюбие. Т. 5. С. 204.
²⁸⁷ Там же. С. 443.
²⁸⁸ Там же. С. 443—444.
²⁸⁹ Там же. С. 372—373.
²⁹⁰ Там же. С. 373—374.
²⁹¹ Там же. С. 312—313.
²⁹² Там же. С. 443.
²⁹³ Там же. С. 444—445.
²⁹⁴ Там же. Т. 2. С. 140.
²⁹⁵ Там же. Т. 3. С. 435.
²⁹⁶ Там же. Т. 5. С. 370.
²⁹⁷ Там же. Т. 3. С. 436. Ср.: Т. 5. С. 170 (св. Феодит, митр. Филладельфийский).
²⁹⁸ Там же. Т. 5. С. 58.
²⁹⁹ Там же. С. 217.
³⁰⁰ Там же.
³⁰¹ Там же. С. 227—228.
³⁰² Там же. С. 228.
³⁰³ Там же. С. 374—375.
³⁰⁴ Там же. С. 217.
³⁰⁵ Там же.
³⁰⁶ Там же.

- ³⁰⁷ Там же. С. 227—228.
³⁰⁸ Там же. С. 216.
³⁰⁹ Там же. С. 292.
³¹⁰ Там же.
³¹¹ Там же.
³¹² Там же. С. 433.
³¹³ Там же.
³¹⁴ Там же. С. 335; 249—250.
³¹⁵ Там же. С. 301.
³¹⁶ Там же. С. 292.
³¹⁷ Там же.
³¹⁸ Там же. С. 301.
³¹⁹ Там же. С. 292.
³²⁰ Там же. Т. 2. С. 214.
³²¹ Там же. Т. 5. С. 337 (св. Каллист и Игнатий).
³²² Там же. Т. 5. С. 337. Ср.: Там же. С. 370.
³²³ Там же. Т. 3. С. 189.
³²⁴ Там же. Т. 5. С. 249—250.
³²⁵ Там же. С. 250.
³²⁶ Там же. С. 250. Ср.: С. 335.
³²⁷ Там же. С. 250.
³²⁸ Там же.
³²⁹ Там же.
³³⁰ Ср.: *От сердца бо исходят помышления* (Мф. 15, 19) — Добротолюбие. Т. 5. С. 292.
³³¹ Т. е. способности размышлять и чувствовать в сердце.
³³² Действие умной молитвы в сердце.
³³³ Добротолюбие. Т. 5. С. 250—251.
³³⁴ Там же. С. 295.
³³⁵ Там же.
³³⁶ Еп. Феофан. Письма о христианской жизни. М.: 1870. С. 47—48.
³³⁷ Добротолюбие. Т. 5. С. 469. Примечание.
³³⁸ Там же.
³³⁹ Там же. С. 294.
³⁴⁰ Там же. С. 301.
³⁴¹ Там же. С. 336.
³⁴² Там же. С. 432.
³⁴³ Там же. С. 338.
³⁴⁴ Там же. С. 481—482.
³⁴⁵ См. С. 96—97 настоящего издания.
³⁴⁶ Добротолюбие. Т. 5. С. 339.

- ³⁴⁷ Ср.: Добротолюбие. Т. 5. С. 469—470 (примеч. еп. Феофана).
³⁴⁸ Там же. С. 338 (свв. Каллист и Игнатий).
³⁴⁹ Там же. С. 370.
³⁵⁰ Там же. Т. 3. С. 38. Ср.: Т. 5. С. 371 и 379.
³⁵¹ Там же. Т. 5. С. 445.
³⁵² Там же. Т. 2. С. 139.
³⁵³ Там же. Т. 5. С. 445.
³⁵⁴ Там же. С. 445—446.
³⁵⁵ Там же. С. 441.
³⁵⁶ Там же. Т. 1. С. 606.
³⁵⁷ Там же. С. 281. Ср.: Там же. С. 445.
³⁵⁸ Там же. Т. 5. С. 231.
³⁵⁹ Там же. Т. 2. С. 671.
³⁶⁰ Там же. Т. 5. С. 229—231. Ср.: Там же. С. 337.
³⁶¹ Там же. Т. 2. С. 133.
³⁶² Там же. Т. 5. С. 433—434.
³⁶³ Там же. С. 433.
³⁶⁴ Там же. Т. 2. С. 140—141.
³⁶⁵ Там же. Т. 5. С. 379.
³⁶⁶ Там же. Т. 1. С. 97.
³⁶⁷ Внимательно, неразвлеченно.
³⁶⁸ Добротолюбие. Т. 4. С. 42.
³⁶⁹ Там же. Т. 5. С. 173.
³⁷⁰ Там же. Т. 4. С. 43.
³⁷¹ Там же. Т. 5. С. 178.
³⁷² Там же. С. 345.
³⁷³ Там же. С. 479—480.
³⁷⁴ Там же. С. 480.
³⁷⁵ Там же.
³⁷⁶ Там же.
³⁷⁷ Там же. С. 134.
³⁷⁸ Там же. Т. 3. С. 146.
³⁷⁹ Там же. Т. 5. С. 345.
³⁸⁰ Там же. С. 359.
³⁸¹ Там же.
³⁸² Там же. С. 172.
³⁸³ Там же. Т. 2. С. 552 и др. (св. Иоанн Лествичник).
³⁸⁴ Там же. Т. 5. С. 131 и др. (прп. Никита Стифат).
³⁸⁵ Там же. Т. 2. С. 653 и др. (св. Исаак Сирианин).
³⁸⁶ Там же. С. 552.

- ³⁸⁷ Ср.: Там же. Т. 5. С. 219 (св. Григорий Синаит), по св. Иоанну Лествичнику, безмолвие есть отложение помышлений о вещах и чувственных и мысленных.
³⁸⁸ Добротолюбие. Т. 5. С. 131.
³⁸⁹ Там же. С. 190.
³⁹⁰ Ср.: о двух высочайших состояниях у св. Максима Исповедника. — Там же. Т. 3. С. 178.
³⁹¹ Добротолюбие. Т. 3. С. 293.
³⁹² Там же. Т. 5. С. 190 (св. Григорий Синаит).
³⁹³ Там же. С. 358.
³⁹⁴ Там же. Т. 2. С. 556.
³⁹⁵ Там же. Т. 3. С. 363.
³⁹⁶ Там же. Т. 5. С. 300.
³⁹⁷ Там же. С. 301.
³⁹⁸ Там же. С. 474—475.
³⁹⁹ Там же. С. 475.
⁴⁰⁰ Там же.
⁴⁰¹ Там же. Т. 3. С. 363.
⁴⁰² Там же. С. 293 (блж. авва Фалассий).
⁴⁰³ Там же. Т. 5. С. 393.
⁴⁰⁴ Там же. С. 378.
⁴⁰⁵ Там же. Т. 3. С. 178; Т. 5. С. 370.
⁴⁰⁶ Там же. Т. 5. С. 359 (св. Исаак Сирианин).
⁴⁰⁷ Там же. Т. 3. С. 90. Ср.: Там же. С. 348 (прп. Феодор).
⁴⁰⁸ В стяжании, т. е. в приобретении.
⁴⁰⁹ Добротолюбие. Т. 2. С. 376.
⁴¹⁰ Там же. Т. 5. С. 370.
⁴¹¹ Там же. С. 375.
⁴¹² Там же.
⁴¹³ Там же. Т. 3. С. 90. Ср.: Т. 5. С. 439, 244.
⁴¹⁴ Там же. Т. 5. С. 295.
⁴¹⁵ Там же. С. 236 (св. Григорий Синаит), 360 (свв. Каллист и Игнатий).
⁴¹⁶ Там же. С. 433 (св. Каллист Тиликуда).
⁴¹⁷ Там же. С. 376.
⁴¹⁸ Там же. Т. 3. С. 366.
⁴¹⁹ Там же. Т. 2. С. 432.
⁴²⁰ Там же. Т. 5. С. 433.
⁴²¹ Там же. Т. 2. С. 752.
⁴²² Там же. Т. 5. С. 471.
⁴²³ Там же. Т. 2. С. 724.

- ⁴²⁴ Там же. Т. 3. С. 321 (св. Феодор Едесский). Ср.: Там же. С. 366 (св. авва Филимон).
⁴²⁵ Там же. Т. 2. С. 724.
⁴²⁶ Там же. Т. 3. С. 39
⁴²⁷ Там же. С. 363.
⁴²⁸ Там же. Т. 5. С. 338.
⁴²⁹ Там же. С. 315.
⁴³⁰ Там же. С. 371.
⁴³¹ Там же. С. 358.
⁴³² Там же. С. 370.
⁴³³ Там же. С. 456—457.
⁴³⁴ Там же. С. 479.
⁴³⁵ Там же.
⁴³⁶ Там же. С. 470, примеч.
⁴³⁷ См. С. 96 настоящего издания.
⁴³⁸ Добротолюбие. Т. 5. С. 473.
⁴³⁹ Там же. С. 276. Ср.: Там же. С. 374.
⁴⁴⁰ Там же. С. 369.
⁴⁴¹ Там же. С. 448—449.
⁴⁴² Там же. С. 449.
⁴⁴³ Там же. С. 450.
⁴⁴⁴ Там же. С. 443.
⁴⁴⁵ Там же. С. 229. Ср.: Т. 2. С. 564.
⁴⁴⁶ Там же. Т. 5. С. 16—17.
⁴⁴⁷ Там же. Т. 3. С. 345.
⁴⁴⁸ Там же. Т. 2. С. 474—475.
⁴⁴⁹ Там же. С. 664.
⁴⁵⁰ Там же. С. 210—211.
⁴⁵¹ Там же. С. 211.
⁴⁵² Там же. С. 280.
⁴⁵³ Там же. С. 695.
⁴⁵⁴ Там же. С. 693.
⁴⁵⁵ Там же.
⁴⁵⁶ Там же. Т. 3. С. 385—386.
⁴⁵⁷ Там же. Т. 2. С. 682.
⁴⁵⁸ Там же. С. 695.
⁴⁵⁹ Там же. С. 740. Ср.: Там же. С. 628 (прп. авва Дорофей).
⁴⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 211.
⁴⁶¹ Там же. Т. 3. С. 357.
⁴⁶² Там же. С. 394—395.
⁴⁶³ Там же. С. 395.

- ⁴⁶⁴ Там же. Т. 5. С. 370.
⁴⁶⁵ Там же. Т. 4. С. 86.
⁴⁶⁶ Там же. С. 177—178.
⁴⁶⁷ Там же. С. 510. Ср.: Там же. С. 338.
⁴⁶⁸ Там же. С. 581. Ср.: Там же. С. 612. Ср.: Т. 3. С. 281—282.
⁴⁶⁹ Старца-духовника.
⁴⁷⁰ Добротолюбие. Т. 4. С. 95.
⁴⁷¹ Там же. С. 99.
⁴⁷² Там же. С. 59.
⁴⁷³ Ср.: Там же. С. 275.
⁴⁷⁴ Там же. С. 380.
⁴⁷⁵ Там же. Т. 2. С. 211.
⁴⁷⁶ Там же. Т. 5. С. 73.
⁴⁷⁷ Там же. Т. 3. С. 113.
⁴⁷⁸ Там же. Т. 5. С. 11.
⁴⁷⁹ Там же. Т. 2. С. 623.
⁴⁸⁰ Там же. Т. 3. С. 226.
⁴⁸¹ Там же. Т. 2. С. 591.
⁴⁸² Там же. Т. 3. С. 281.
⁴⁸³ Там же.
⁴⁸⁴ Там же. С. 281—282.
⁴⁸⁵ Там же. С. 431.
⁴⁸⁶ Там же. Т. 5. С. 276.
⁴⁸⁷ Там же. Т. 2. С. 619.
⁴⁸⁸ Там же. Т. 3. С. 77.
⁴⁸⁹ Там же. С. 77—78. Ср.: Там же. Т. 4. С. 337 (св. Феодор Студит).
⁴⁹⁰ Там же. Т. 4. С. 493. Ср.: Там же. С. 536.
⁴⁹¹ Там же. С. 391.
⁴⁹² Там же.
⁴⁹³ Там же.
⁴⁹⁴ Там же. С. 392.
⁴⁹⁵ Там же. Т. 3. С. 268.
⁴⁹⁶ Там же. Т. 5. С. 276.
⁴⁹⁷ Там же. Т. 3. С. 345.
⁴⁹⁸ Там же. Т. 5. С. 16—17, 450 и др.
⁴⁹⁹ Там же. Т. 2. С. 134.
⁵⁰⁰ Там же. Т. 4. С. 159.
⁵⁰¹ Там же. Т. 2. С. 573.
⁵⁰² Там же. С. 572.
⁵⁰³ Там же. Т. 4. С. 344.

- ⁵⁰⁴ Там же.
⁵⁰⁵ Там же.
⁵⁰⁶ Там же.
⁵⁰⁷ Там же. Т. 3. С. 321 (св. Феодор Едесский). Ср.: Там же. Т. 3. С. 366 (прп. авва Филимон). Т. 4. С. 504 (св. Феодор Студит). Т. 5. С. 338 (свв. Каллист и Игнатий).
⁵⁰⁸ Там же. Т. 1. С. 174.
⁵⁰⁹ Там же.
⁵¹⁰ Там же. Т. 3. С. 87.
⁵¹¹ Там же.
⁵¹² Там же. Т. 2. С. 170—171 (прп. Исихий Иерусалимский).
⁵¹³ Там же. Т. 3. С. 242 (св. Максим Исповедник).
⁵¹⁴ Там же. Т. 2. С. 683 (св. Исаак Сирианнин).
⁵¹⁵ Там же. Т. 5. С. 205 (св. Григорий Синаит).
⁵¹⁶ Там же. С. 311 (свв. Каллист и Игнатий).
⁵¹⁷ Там же. С. 480—481 (св. Григорий Палама).
⁵¹⁸ Там же. С. 226.
⁵¹⁹ Там же.
⁵²⁰ Там же. С. 474.
⁵²¹ Там же. С. 443.
⁵²² Там же. С. 344—345.
⁵²³ Там же. С. 345.
⁵²⁴ Там же. С. 343—344.
⁵²⁵ Там же. Т. 4. С. 467.
⁵²⁶ Там же. Т. 3. С. 436.
⁵²⁷ Там же. Т. 5. С. 167.
⁵²⁸ Там же. С. 219.
⁵²⁹ Там же. Т. 1. С. 38.
⁵³⁰ Там же. Т. 2. С. 167.
⁵³¹ Там же. С. 582—583.
⁵³² Там же. Т. 1. С. 504.
⁵³³ Там же. С. 520—521.
⁵³⁴ Там же. Т. 2. С. 170 (прп. Исихий Иерусалимский). Там же. С. 217 (прп. Нил Синайский).
⁵³⁵ Там же. Т. 5. С. 370 (свв. Каллист и Игнатий цитируют св. Иоанна Златоуста).
⁵³⁶ Там же. С. 371.
⁵³⁷ Там же. С. 177.
⁵³⁸ Там же. Т. 3. С. 364 (прп. авва Филимон).
⁵³⁹ Там же. С. 311 (блж. авва Фалассий).
⁵⁴⁰ Там же. Т. 2. С. 225 (прп. Нил Синайский). Ср.: Там же. С. 303.

- ⁵⁴¹ Там же. Т. 1. С. 276 (св. Макарий Великий). Ср.: Там же. Т. 5. С. 445 (св. Симеон Солунский).
⁵⁴² Там же. Т. 3. С. 98 (св. Иоанн Карпафский).
⁵⁴³ Там же. Т. 2. С. 477 (св. Ефрем Сирианнин).
⁵⁴⁴ Там же. Т. 5. С. 175—176 (св. Симеон Благоговейный).
⁵⁴⁵ Там же. С. 73 (св. Симеон Богослов).
⁵⁴⁶ Там же. Т. 1. С. 608 и 615 (св. авва Евагрий). Ср.: Т. 5. С. 233 (св. Григорий Синаит). Т. 4. С. 461 (св. Феодор Студит).
⁵⁴⁷ Там же. Т. 2. С. 196.
⁵⁴⁸ Там же. С. 673.
⁵⁴⁹ Там же. Т. 3. С. 362.
⁵⁵⁰ Там же. Т. 5. С. 176.
⁵⁵¹ Там же. Т. 4. С. 566 (св. Феодор Студит).
⁵⁵² Там же. Т. 3. С. 98.
⁵⁵³ Там же. Т. 1. С. 613 (св. авва Евагрий).
⁵⁵⁴ Там же. Т. 2. С. 487.
⁵⁵⁵ Там же. С. 377.
⁵⁵⁶ Там же. Т. 1. С. 598.
⁵⁵⁷ Там же. Т. 2. С. 346.
⁵⁵⁸ Там же. С. 475.
⁵⁵⁹ Там же. Т. 1. С. 482 (св. Марк Подвижник).
⁵⁶⁰ Там же. Т. 4. С. 593. Ср.: Там же. Т. 2. С. 384 (св. Ефрем Сирианнин).
⁵⁶¹ Там же. Т. 5. С. 270.
⁵⁶² Там же. С. 175—176 (св. Феодит Филладельфийский).
⁵⁶³ Там же. С. 177.
⁵⁶⁴ Там же. Т. 2. С. 304 (прп. Нил Синайский). С. 161 (прп. Исихий). С. 724 (св. Исаак Сирианнин). Т. 3. С. 78—79 (св. Иоанн Карпафский). С. 321 (св. Феодор Едесский). С. 401 и 412 (прп. Филофей Синайский). Т. 5. С. 345 (свв. Каллист и Игнатий). С. 470—471 (св. Симеон Богослов). С. 108—110 (прп. Никита Стифат). С. 183, 225 (св. Григорий Синаит) и др.
⁵⁶⁵ Там же. Т. 4. С. 547.
⁵⁶⁶ Там же. С. 551.
⁵⁶⁷ Там же. С. 169.
⁵⁶⁸ Там же. С. 175.
⁵⁶⁹ Там же. Т. 2. С. 217.
⁵⁷⁰ Там же. С. 272 (прп. Нил Синайский).
⁵⁷¹ Там же. Т. 2. С. 462 (св. Ефрем Сирианнин).
⁵⁷² Там же. Т. 5. С. 471 (св. Симеон Новый Богослов).
⁵⁷³ Там же. Т. 3. С. 270 (св. Максим Исповедник).

- ⁵⁷⁴ Там же. Т. 5. С. 391.
⁵⁷⁵ Там же. Т. 1. С. 506. Ср.: Т. 3. С. 378 (прп. Феогност).
⁵⁷⁶ Там же. С. 506—507.
⁵⁷⁷ Там же. С. 504.
⁵⁷⁸ Там же. Т. 3. С. 291 и 294.
⁵⁷⁹ Там же. С. 173—174 (св. Максим Исповедник).
⁵⁸⁰ Там же. Т. 2. С. 272.
⁵⁸¹ Там же. С. 276.
⁵⁸² Там же. С. 467.
⁵⁸³ Там же. Т. 3. С. 414.
⁵⁸⁴ Там же. С. 195.
⁵⁸⁵ Там же. С. 372.
⁵⁸⁶ Там же.
⁵⁸⁷ Там же. Т. 2. С. 201.
⁵⁸⁸ Там же. Т. 5. С. 481 (св. Григорий Палама).
⁵⁸⁹ Там же. Т. 2. С. 225 (прп. Нил Синайский).
⁵⁹⁰ Там же.
⁵⁹¹ Там же. Т. 2. С. 213.
⁵⁹² Там же. С. 711 (св. Исаак Сириан).
⁵⁹³ Там же.
⁵⁹⁴ Там же. С. 710—711.
⁵⁹⁵ Там же. С. 756.
⁵⁹⁶ Там же.
⁵⁹⁷ Там же. Т. 3. С. 396.
⁵⁹⁸ Там же.
⁵⁹⁹ Там же. С. 396—397.
⁶⁰⁰ Там же. Т. 5. С. 481.
⁶⁰¹ Там же. Т. 1. С. 472.
⁶⁰² Там же. С. 503.
⁶⁰³ Там же. С. 390.
⁶⁰⁴ Там же. С. 27.
⁶⁰⁵ Там же. Т. 2. С. 439.
⁶⁰⁶ Там же. С. 442.
⁶⁰⁷ Там же. С. 357.
⁶⁰⁸ См. С. 87—90 настоящего издания.
⁶⁰⁹ Добротолюбие. Т. 2. С. 473 (св. Ефрем Сириан).
⁶¹⁰ Там же. С. 474.
⁶¹¹ Там же. С. 465.
⁶¹² Там же.
⁶¹³ Там же. С. 476.
⁶¹⁴ Там же. С. 463. Ср.: Там же. Т. 1. С. 215—216 (св. Макарий Великий).

- ⁶¹⁵ Там же. Т. 3. С. 39.
⁶¹⁶ Там же.
⁶¹⁷ Ср.: Там же. Т. 2. С. 210 (прп. Нил Синайский). Т. 5. С. 64 (св. Симеон Благоговейный).
⁶¹⁸ Там же. Т. 2. С. 209.
⁶¹⁹ Там же. Т. 5. С. 433.
⁶²⁰ Там же. С. 434.
⁶²¹ Там же. Т. 2. С. 251.
⁶²² Там же.
⁶²³ Там же. Т. 2. С. 517. Ср.: Там же. С. 653 (св. Исаак Сириан).
⁶²⁴ Там же. С. 517. Ср.: Т. 4. С. 33 (св. Феодор Студит).
⁶²⁵ Там же. Т. 5. С. 350 (свв. Каллист и Игнатий).
⁶²⁶ Там же. Т. 2. С. 230.
⁶²⁷ Там же. Т. 5. С. 221.
⁶²⁸ Там же. Т. 1. С. 514.
⁶²⁹ Там же. Т. 2. С. 23.
⁶³⁰ Там же. С. 209.
⁶³¹ Там же.
⁶³² Там же. С. 254 (прп. Нил Синайский).
⁶³³ Там же. Т. 5. С. 462—463.
⁶³⁴ Там же. С. 463.
⁶³⁵ Там же. С. 386—387.
⁶³⁶ Т. е. несоглашением, непринятием помыслов.
⁶³⁷ Добротолюбие. Т. 3. С. 401. Ср.: Т. 1 С. 215—216; 241—242 (св. Макарий Великий). Т. 2 С. 208 (прп. Нил Синайский). Т. 5. С. 439, 376 (свв. Каллист и Игнатий и Исидор). Т. 4. С. 38 и 42 (св. Феодор Студит).
⁶³⁸ Там же. Т. 3. С. 414.
⁶³⁹ Там же. С. 366. Ср.: Т. 2. С. 228 (прп. Нил Синайский).
⁶⁴⁰ Там же. С. 366.
⁶⁴¹ Там же. Т. 4. С. 566.
⁶⁴² Там же. Т. 1. С. 577.
⁶⁴³ Там же. Т. 5. С. 219.
⁶⁴⁴ Там же. С. 133.
⁶⁴⁵ Ср.: Там же. С. 169.
⁶⁴⁶ Там же. С. 173.
⁶⁴⁷ Там же. С. 379.
⁶⁴⁸ Там же. Т. 3. С. 439.
⁶⁴⁹ Там же.
⁶⁵⁰ Там же. Т. 5. С. 466.
⁶⁵¹ Там же. Т. 3. С. 415.

- ⁶⁵² Там же. С. 414.
⁶⁵³ См. С. 104—110 настоящего издания.
⁶⁵⁴ Добротолюбие. Т. 5. С. 295.
⁶⁵⁵ Там же. С. 296.
⁶⁵⁶ Там же. С. 469—470. Ср.: Там же. С. 367 (свв. Каллист и Игнатий).
⁶⁵⁷ Там же. Т. 4. С. 567.
⁶⁵⁸ Там же. Т. 2. С. 731.
⁶⁵⁹ Там же. С. 704.
⁶⁶⁰ Там же.
⁶⁶¹ Там же. Т. 3. С. 45.
⁶⁶² Там же. Т. 2. С. 704. Ср.: Там же. Т. 5. С. 433—434 (св. Каллист Тиликуда).
⁶⁶³ Там же. Т. 1. С. 215.
⁶⁶⁴ Там же. Т. 5. С. 314. Ср.: Там же. Т. 2. С. 467 (св. Ефрем Сирианин).
⁶⁶⁵ Там же. Т. 2. С. 477 (св. Ефрем Сирианин).
⁶⁶⁶ Там же. Т. 5. С. 481.
⁶⁶⁷ Там же. С. 380.
⁶⁶⁸ Там же. С. 471.
⁶⁶⁹ Там же. Т. 2. С. 223.
⁶⁷⁰ Там же. С. 224.
⁶⁷¹ Там же. Т. 3. С. 172.
⁶⁷² Там же. Т. 1. С. 537.
⁶⁷³ Там же. Т. 5. С. 469. Ср.: Там же. Т. 3. С. 177 (св. Максим Исповедник).
⁶⁷⁴ Там же. Т. 3. С. 430.
⁶⁷⁵ Там же. Т. 5. С. 346.
⁶⁷⁶ Там же.
⁶⁷⁷ Там же. Т. 2. С. 565 (свв. Варсануфий и Иоанн).
⁶⁷⁸ Там же. Т. 1. С. 459.
⁶⁷⁹ Там же. Т. 5. С. 439.
⁶⁸⁰ Там же. Т. 3. С. 439.
⁶⁸¹ Там же. Т. 5. С. 251.
⁶⁸² Там же. С. 268.
⁶⁸³ Там же. Т. 2. С. 216 (прп. Нил Синайский).
⁶⁸⁴ Там же. Т. 5. С. 466 (свв. Симеон Новый Богослов). Ср.: Там же. С. 389 (св. Каллист и Игнатий).
⁶⁸⁵ Там же. Т. 5. С. 387.
⁶⁸⁶ Там же. Т. 2. С. 719.
⁶⁸⁷ Там же. С. 671.

- ⁶⁸⁸ Там же. Т. 5. С. 234.
⁶⁸⁹ Там же. С. 219.
⁶⁹⁰ Там же. Т. 3. С. 299.
⁶⁹¹ Там же. С. 301.
⁶⁹² Там же. Т. 2. С. 731.
⁶⁹³ Там же. С. 468.
⁶⁹⁴ Там же.
⁶⁹⁵ Там же. Т. 4. С. 265.
⁶⁹⁶ Там же. Т. 2. С. 177.
⁶⁹⁷ Там же. Т. 3. С. 401.
⁶⁹⁸ Там же. Т. 2. С. 222 (прп. Нил Синайский).
⁶⁹⁹ Там же. Т. 3. С. 281.
⁷⁰⁰ Там же. Т. 1. С. 199 (св. Макарий Великий).
⁷⁰¹ Там же.
⁷⁰² Там же. С. 440.
⁷⁰³ Там же. Т. 2. С. 532 (св. Иоанн Лествичник).
⁷⁰⁴ Там же. Т. 1. С. 323.
⁷⁰⁵ Там же. Т. 2. С. 532.
⁷⁰⁶ Там же. С. 269 (прп. Нил Синайский). Ср.: Т. 5. С. 302 (св. Григорий Палама).
⁷⁰⁷ Там же. Т. 2. С. 724.
⁷⁰⁸ Там же. Т. 3. С. 436.
⁷⁰⁹ Там же. Т. 1. С. 598. Ср.: Т. 3. С. 332 (св. Феодор Едесский).
⁷¹⁰ Там же. Т. 3. С. 373.
⁷¹¹ Там же. Т. 2. С. 607.
⁷¹² Там же. Т. 3. С. 428.
⁷¹³ Там же. С. 431. Ср.: Т. 2. С. 677 (св. Исаак Сирианин).
⁷¹⁴ Там же. Т. 2. С. 209.
⁷¹⁵ Там же. Т. 5. С. 134 (прп. Никита Стифат).
⁷¹⁶ Там же. С. 25.
⁷¹⁷ Там же. Т. 2. С. 726.
⁷¹⁸ Там же. Т. 5. С. 377.
⁷¹⁹ Там же. С. 225 (св. Григорий Синаит).
⁷²⁰ Там же. Т. 1. С. 445. Ср.: Т. 3. С. 357 (прп. Феодор Едесский).
⁷²¹ Там же. Т. 2. С. 208 (прп. Нил Синайский).
⁷²² Там же. С. 217.
⁷²³ Там же. Т. 5. С. 399.
⁷²⁴ Там же. Т. 2. С. 653.
⁷²⁵ Там же. Т. 4. С. 202. Ср.: Там же. Т. 2. С. 346 (св. Ефрем Сирианин).
⁷²⁶ Там же. Т. 2. С. 498. Ср.: Т. 5. С. 280 (св. Григорий Палама).

- ⁷²⁷ Там же. Т. 2. С. 584.
⁷²⁸ Там же. Ср.: Т. 5. С. 378 (свв. Каллист и Игнатий).
⁷²⁹ Там же. Т. 5. С. 427—428.
⁷³⁰ Там же. Т. 2. С. 137—138.
⁷³¹ Там же. Т. 5. С. 168.
⁷³² Там же. Т. 2. С. 583—584.
⁷³³ Там же. С. 137—138 (св. Иоанн Кассиан Римлянин).
⁷³⁴ Там же.
⁷³⁵ Там же. Т. 5. С. 311. Ср.: Т. 3. С. 439 (св. Илия Екдик).
⁷³⁶ Там же. Т. 2. С. 281.
⁷³⁷ Там же. Т. 5. С. 69.
⁷³⁸ Там же. Т. 2. С. 459.
⁷³⁹ Там же. С. 131.
⁷⁴⁰ Там же. Т. 3. С. 431.
⁷⁴¹ Там же. С. 430.
⁷⁴² Там же. Т. 2. С. 702.
⁷⁴³ Там же. С. 529.
⁷⁴⁴ Там же. С. 702.
⁷⁴⁵ Там же. С. 192.
⁷⁴⁶ Там же. Т. 4. С. 80—81.
⁷⁴⁷ Там же. Т. 5. С. 455.
⁷⁴⁸ Там же. С. 172—173. Ср.: Там же. С. 232 (св. Григорий Синаит).
⁷⁴⁹ Там же. С. 232.
⁷⁵⁰ Там же. С. 341.
⁷⁵¹ Там же. Т. 2. С. 539.
⁷⁵² Там же. С. 540.
⁷⁵³ Там же.
⁷⁵⁴ Там же. С. 753.
⁷⁵⁵ Там же. Т. 5. С. 18—19.
⁷⁵⁶ Там же. С. 234.
⁷⁵⁷ Там же.
⁷⁵⁸ Там же. Т. 3. С. 79.
⁷⁵⁹ Там же. Т. 5. С. 234—235.
⁷⁶⁰ Там же. Т. 1. С. 576.
⁷⁶¹ Там же. Т. 2. С. 724—725 (св. Исаак Сириан).
⁷⁶² Там же. С. 725.
⁷⁶³ Там же. Т. 5. С. 300.
⁷⁶⁴ Там же. Т. 3. С. 431—432.
⁷⁶⁵ Там же. Т. 5. С. 58.
⁷⁶⁶ Там же. С. 456.

- ⁷⁶⁷ Там же. С. 360.
⁷⁶⁸ Там же. Т. 3. С. 86.
⁷⁶⁹ Там же. С. 194.
⁷⁷⁰ Там же. Т. 5. С. 392.
⁷⁷¹ Там же. Т. 2. С. 216.
⁷⁷² Там же.
⁷⁷³ Там же. Т. 5. С. 382 (св. Павел Латрский).
⁷⁷⁴ Там же. С. 464 (св. Симеон Новый Богослов).
⁷⁷⁵ Там же. С. 427 (блж. Каллист Патриарх).
⁷⁷⁶ Там же. Т. 1. С. 48 (св. Антоний Великий).
⁷⁷⁷ Там же. Т. 2. С. 221 (св. Нил Синайский).
⁷⁷⁸ Там же. Т. 1. С. 21—22 (св. Антоний Великий).
⁷⁷⁹ Там же. Т. 2. С. 219 (прп. Нил Синайский).
⁷⁸⁰ Там же. Т. 1. С. 22. Ср.: Т. 2. С. 220—221 (прп. Нил Синайский).
⁷⁸¹ Там же.
⁷⁸² Там же. Т. 5. С. 73. Ср.: Т. 2. С. 218—219 (прп. Нил Синайский).
⁷⁸³ Там же. Т. 2. С. 219.
⁷⁸⁴ Там же. Т. 5. С. 73. Ср.: Т. 1. С. 258—259 (св. Макарий Великий).
⁷⁸⁵ Там же. Т. 5. С. 434.
⁷⁸⁶ Там же. С. 233.
⁷⁸⁷ Там же.
⁷⁸⁸ Там же.
⁷⁸⁹ Там же. С. 214.
⁷⁹⁰ Там же. Т. 2. С. 215.
⁷⁹¹ Там же. Т. 5. С. 463.
⁷⁹² Там же. Т. 2. С. 221.
⁷⁹³ Там же. Т. 5. С. 233.
⁷⁹⁴ Там же. С. 384.
⁷⁹⁵ Там же. С. 384—385.
⁷⁹⁶ Там же. С. 214—215.
⁷⁹⁷ Там же. С. 218.
⁷⁹⁸ Там же. С. 73.
⁷⁹⁹ Выражение свв. подвижников о науке духовной жизни.
⁸⁰⁰ Добротолюбие. Т. 5. С. 464.
⁸⁰¹ Там же. Т. 2. С. 219.
⁸⁰² Там же. Т. 3. С. 436.
⁸⁰³ Там же. Т. 1. С. 575.
⁸⁰⁴ Там же. Т. 5. С. 98.

- 805 Там же. С. 476.
 806 Там же. С. 475—476.
 807 Там же. С. 389 (свв. Каллист и Игнатий).
 808 Там же. С. 206.
 809 Там же. С. 383—384.
 810 Там же. С. 474.
 811 Там же. Т. 3. С. 189 (св. Максим Исповедник).
 812 Там же. Т. 2. С. 555.
 813 Там же. С. 556.
 814 Там же. Т. 5. С. 380.
 815 Там же.
 816 Там же. Т. 2. С. 693.
 817 Там же. Т. 5. С. 223. Ср.: Там же. С. 430 (св. Каллист Тили-
 куда).
 818 Там же. Т. 2. С. 695.
 819 См. С. 96—97 настоящего издания.
 820 Там же. Т. 5. С. 133.
 821 Отпущение, отвращение.
 822 Добродетели. Т. 5. С. 433.
 823 Там же. С. 225.
 824 Там же. Т. 2. С. 565.
 825 Там же. Т. 5. С. 134.
 826 Там же. Т. 2. С. 214.
 827 Там же. С. 139.
 828 Там же.
 829 Там же. С. 140.
 830 Там же. С. 138.
 831 Там же.
 832 Там же.
 833 Там же. С. 505 (св. Иоанн Лествичник).
 834 Там же. С. 504.
 835 Там же.
 836 Там же. Т. 2. С. 132 (св. Кассиан Римлянин).
 837 Там же.
 838 Там же. Т. 5. С. 279 (св. Григорий Палама).
 839 Там же. Т. 2. С. 212—213.
 840 Там же. Т. 5. С. 133.
 841 Там же.
 842 Там же. Т. 3. С. 364—365.
 843 Там же. С. 364.
 844 Там же. Т. 1. С. 133—134.

- 845 Там же. Т. 5. С. 477—478.
 846 Там же. С. 478.
 847 Там же. С. 220.
 848 Там же. С. 225.
 849 Там же. С. 237. Ср.: Там же. С. 314 (свв. Каллист и Игнатий).
 850 Там же. Т. 4. С. 266.
 851 Там же. Т. 3. С. 380.
 852 Там же. Т. 1. С. 49.
 853 Там же. С. 48.
 854 Там же. С. 49.
 855 Там же. Т. 2. С. 570 (свв. Варсануфий и Иоанн).
 856 Там же. Т. 1. С. 590.
 857 Там же. Т. 2. С. 142—143.
 858 Там же. С. 143.
 859 Там же.
 860 Там же. Т. 5. С. 232.
 861 Там же. Т. 2. С. 143—144.
 862 Там же. Т. 5. С. 466.
 863 Там же. Т. 2. С. 144.
 864 Там же. С. 145 (св. Кассиан Римлянин).
 865 Там же.
 866 Там же.
 867 Там же. Т. 5. С. 382 (свв. Каллист и Игнатий).
 868 Там же.
 869 Там же. С. 14.
 870 Там же.
 871 Там же.
 872 Там же. Т. 1. С. 503 (св. Марк Подвижник). Ср.: Т. 5. С. 440
 (св. Симеон Солунский).
 873 Там же. Т. 2. С. 506 (св. Иоанн Лествичник).
 874 Там же. Т. 2. С. 225 (св. Нил Синайский). Ср.: Там же.
 С. 641—642 (св. авва Дорофей).
 875 Там же. Т. 3. С. 332 (св. Феодор Едесский). Ср.: Там же. Т. 5.
 С. 345 (свв. Каллист и Игнатий).
 876 Там же. Т. 3. С. 378 (прп. Феогност). Ср.: Там же. Т. 5. С. 231
 (св. Григорий Синаит).
 877 Там же. Т. 5. С. 223 (св. Григорий Синаит). Ср.: Там же.
 С. 311—312 (свв. Каллист и Игнатий).
 878 Ср.: Там же. С. 69 (св. Симеон Благоговейный).
 879 Там же. Т. 2. С. 506.
 880 Там же. Т. 5. С. 134. Ср.: Там же. С. 72 (св. Симеон Благоговей-
 ный).

- ⁸⁸¹ Там же. Т. 3. С. 310 (блж. авва Фалассий).
⁸⁸² Там же. Т. 5. С. 66 (св. Симеон Благоговейный).
⁸⁸³ Там же. С. 221 (св. Григорий Синаит).
⁸⁸⁴ Там же. С. 431 (св. Каллист Тианкуда).
⁸⁸⁵ Там же. Т. 2. С. 730 (св. Исаак Сирианн). Ср.: Там же. Т. 5. С. 345 (свв. Каллист и Игнатий).
⁸⁸⁶ Там же. Т. 5. С. 344.
⁸⁸⁷ Там же. Ср.: Там же. Т. 1. С. 606 (св. авва Евагрий).
⁸⁸⁸ Там же. Т. 1. С. 82 (св. Антоний Великий).
⁸⁸⁹ Там же. С. 351.
⁸⁹⁰ Там же. С. 521.
⁸⁹¹ Там же. С. 606. Т. 5. С. 344. Ср.: Там же. Т. 5. С. 45 (прп. Симеон Богослов).
⁸⁹² Там же. Т. 2. С. 163. Ср.: Там же. С. 674 (св. Исаак Сирианн).
⁸⁹³ Там же. С. 162. Ср.: Там же. Т. 3. С. 301, 303, 305 (св. авва Фалассий).
⁸⁹⁴ Там же. С. 642 (прп. авва Дорофей).
⁸⁹⁵ Там же. Т. 5. С. 344 (свв. Каллист и Игнатий).
⁸⁹⁶ Там же. Т. 2. С. 314 (св. Ефрем Сирианн).
⁸⁹⁷ Там же. Т. 4. С. 574 (св. Феодор Студит).
⁸⁹⁸ Там же. С. 352.
⁸⁹⁹ Там же. С. 574.
⁹⁰⁰ Там же. С. 612.
⁹⁰¹ Там же. Т. 5. С. 482.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Мф.	От Матфея святое благовествование
Мк.	От Марка святое благовествование
Лк.	От Луки святое благовествование
Ин.	От Иоанна святое благовествование
Деян.	Деяния святых апостолов
Иак.	Послание Иакова
1 Пет.	Первое послание Петра
1 Иоан.	Первое послание Иоанна
Рим.	Послание к Римлянам
1 Кор.	Первое послание к Коринфянам
2 Кор.	Второе послание к Коринфянам
Гал.	Послание к Галатам
Еф.	Послание к Ефессянам
Флп.	Послание к Филиппийцам
Кол.	Послание к Колоссянам
1 Сол.	Первое послание к Солуныям (Фессалоникийцам)
1 Тим.	Первое послание к Тимофею
Тит.	Послание к Титу
Евр.	Послание к Евреям
Откр.	Откровение ап. Иоанна Богослова
Втор.	Второзаконие
3 Цар.	Третья книга Царств
Пс.	Псалтирь
Ис.	Книга пророка Исаии
Сир.	Книга Премудрости Ииуса сына Сирахова
Ионл.	Книга пророка Ионы

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От составителей</i>	5
------------------------------	---

ИГУМЕН ВАРСОНОФИЙ

Игумен Варсонофий и его вклад в деятельность Александро-Невского братства	11
---	----

УЧЕНИЕ О МОЛИТВЕ ПО ДОБРОТОЛЮБИЮ

Кандидатская диссертация студента Петроградской Духовной Академии В. С. Вережкина. 1921 г.

Глава 1. Добротолубие — фундаментальный источник учения о молитве.....	47
--	----

1.1. Введение	47
1.2. История создания Добротолубия.....	48
1.3. Добротолубие — сборник, ярко живописующий неизреченную красоту жизни во Христе	49
1.4. Всестороннее рассмотрение молитвы на страницах Добротолубия	50

Глава 2. Сущность молитвы и многообразие ее видов.....	51
--	----

2.1. Определения, данные молитве святыми отцами.....	51
2.2. Божественное установление молитвы	52
2.3. Многообразие видов молитвы	53
2.4. Общеизвестная молитва устами	55

Глава 3. Первая степень молитвы — молитва устами.....	57
---	----

3.1. Борьба с помыслами во время молитвы	57
3.2. Молитвенное правило, его разнообразие, цель и значение	59
3.3. Плоды надлежащим образом исполняемого правила. Повесть о юноше Георгии.....	67
3.4. Молитвы утренние и вечерние и их значение.....	71
3.5. Благие плоды молитвы в ночные часы	73
3.6. Осенение молитвой всякого дела	74

3.7. Молитва в посты и праздники	75
3.8. Молитва в храме	76
3.9. Молитва в тихой и несветлой келье	77
3.10. Плоды домашней и церковной молитвы	78
3.11. Почитание икон, святого Креста и святых мощей	80
3.12. Значение крестного знамения и земных поклонов.....	81

Глава 4. Вторая степень молитвы — молитва сердечная.....	87
--	----

4.1. Первый признак второй степени молитвы — участие внимания и ума	87
4.2. Второй признак — участие сердца	88
4.3. Смирение, радость, благоговение — дары второй степени молитвы.....	90

Глава 5. Третья степень молитвы — молитва благодатная или духовная	91
--	----

5.1. Третья степень молитвы как неизреченное действие благодати Святого Духа в смиренном сердце	91
5.2. Возможность отсутствия внешних приемов при третьей степени молитвы.....	93
5.3. Три вида духовной молитвы	94
5.4. Духовная молитва — плод пламенной сердечной молитвы	95

Глава 6. Молитва Иисусова или умная молитва.....	98
--	----

6.1. Происхождение молитвы Иисусовой и глубина ее содержания	98
6.2. Краткость — необходимое условие умной молитвы	100
6.3. Формы и виды произношения молитвы Иисусовой	101
6.4. Сведение ума в сердце при молитве Иисусовой	102
6.5. Толкование слов Спасителя: <i>От сердца исходят помысления</i>	103
6.6. Цель упражнения в умной молитве	104
6.7. Сведение ума в сердце вместе с вдыхаемым воздухом	104
6.8. Цель постоянного творения молитвы Иисусовой — стяжание дара благодатной непрестанной молитвы	110

Глава 7. Благодатная непрестанная молитва	115
---	-----

7.1. Описание состояния человека, получившего дар непрестанной молитвы	115
7.2. Особые высочайшие духовные состояния, их редкость и проявление в виде дара откровений	116
7.3. Краткое описание всего процесса постепенного совершенствования в молитве	119

7.4. Необходимость многих и великих трудов для достижения ошутимого единения с Богом в чистой молитве	120
7.5. О навыках и постоянстве и о содействии Божественной благодати в деле стяжания чистой молитвы	122
7.6. Примеры стяжания дара благодатной молитвы людьми, живущими в миру	124
Глава 8. Сердечные мысли и чувства, присущие молитве христианина	127
8.1. Постепенный переход в молитве от прошения земных благ к благодарению Бога	127
8.2. Глубокий внутренних смысл молитвы: <i>Господи, помилуй!</i>	128
8.3. Образцы молитв святых подвижников	129
8.4. О необходимости начинать молитву с исповедания грехов своих	130
8.5. Причины, по которым нельзя в молитве настаивать на исполнении желаемого и просить высших дарований Божиих	131
8.6. Советы святых подвижников о том, что можно и должно просить в молитве	132
8.7. Призыв святых отцов к молитве за ближних	133
8.8. Обязательность и польза молитвы за врагов	134
8.9. О необходимости при прощении молитв у праведника и самим творить молитвы и добрые дела	135
8.10. Призыв святых Отцов к благодарению Бога	136
8.11. Основные элементы, присущие христианской молитве	137
Глава 9. Плоды молитвы	139
9.1. Неисчислимость благоденствий, получаемых молящимися	139
9.2. Уверенность святых Отцов в том, что Бог слышит воззвущих Его	140
9.3. Молитва — источник небесных даров	141
9.4. Молитва — пища души	143
9.5. Молитва — ключ к различию добра и зла	143
9.6. Молитва — источник истинного ведения	144
9.7. Дары молитвы — мир душевный и светлое, радостное настроение	145
9.8. Молитва — оружие против страстей	146
9.9. Молитва — оружие против злых демонов	149
9.10. Молитва — мать всех добродетелей	149
9.11. Молитва — просвещение и освящение ума, тела и души	150
9.12. Молитва — средство единения человека с Богом	151
9.13. Наивысший результат молитвы — спасение человека по дару благодати Божией	153

Глава 10. Условия плодотворной молитвы	155
10.1. Молиться необходимо с чистым сердцем, с любовью и со слезами	155
10.2. Предстоять перед Богом на молитве нужно со вниманием, страхом и трепетом	155
10.3. Гнев, многоядение и печаль — причины рассеянности на молитве	156
10.4. Необходимость борьбы с помыслами во время молитвы	159
10.5. Разумное благочинное пение и знание смысла молитвословий — помощники в борьбе с помыслами	160
10.6. Послушание старцу-руководителю и помощь Божия — средства, облегчающие достижение чистой молитвы	161
10.7. Внешние приемы борьбы с помыслами	162
10.8. Совершение красоты окружающего мира, чтение Святого Писания и писаний святых Отцов — орудия, способствующие чистой молитве	163
10.9. Воздержание от бесполезных бесед, понуждение себя к молитве из глубины сердца, хранение совести, отрешение от суетных забот, а также трезвение — помощники на пути к чистой молитве	164
Глава 11. Добродетели, необходимые для совершенной молитвы	171
11.1. Зависимость силы молитвы от исполнения заповедей	171
11.2. Смирение — первая добродетель, способствующая истинной молитве	172
11.3. Дом молитвы — терпение	174
11.4. Слезы во время молитвы — знамение милости Божией	174
11.5. Умиление сердечное — необходимое условие истинной молитвы	176
11.6. Любовь к ближним — и как результат молитвы, и как ее опора	180
Глава 12. Препятствия к чистой молитве и пути их преодоления	181
12.1. Празднословие, нецеломудрие, сребролюбие — несоместимы с чистой молитвой	181
12.2. Память о смерти — мать непрестанной молитвы	182
12.3. Второстепенность dobroгласия при молитве	182
12.4. Значение внешнего положения молящегося	183
12.5. Советы святых подвижников о том, как поступать при ослаблении молитвы от утомления	183
12.6. Уныние и ленность, их причины и меры борьбы с ними	184

12.7. Влияние различной литературы на состояние духа молящегося.....	185
12.8. Необходимость внимания к внутренним желаниям и стремлениям воли	186
12.9. Содействия промысла Божия и дара Духа Святого на пути к чистой молитве.....	187
Глава 13. Испытания от бесов во время молитвы.....	189
13.1. Испытания от бесов через мысли	189
13.2. Испытание от бесов через ощущение «света».....	190
13.3. Явление бесов в виде ангелов или даже Самого Христа	190
13.4. Устрашения со стороны бесов через разные привидения	190
13.5. Причины, по которым не следует бояться устрашений со стороны бесов	191
13.6. Признаки, позволяющие отличить посещение благодати Божией от испытаний со стороны лукавого	192
13.7. Совет святых Отцов: не принимать видений	192
13.8. Прелесть, происходящая от воображений в уме духовных предметов	193
13.9. Второй вид прелести, имеющий начало в сладострастии	195
13.10. Советы святых Отцов о том, как избежать прельщения	195
13.11. Указания святых подвижников о том, как различать явления прелести и благодати.....	198
13.12. Описание духовной молитвы, свободной от всяких представлений и воображений	200
13.13. Опасность желания скорее стяжать высшие дары молитвы	201
Глава 14. Конечный предел молитвы.....	203
14.1. Сердечная теплота — признак совершенной молитвы	203
14.2. Веселие духа при чистом уме — другой признак совершенной молитвы	204
14.3. Предел молитвы — соединение с Богом чистой и нераздельной любовью	204
14.4. Признаки того, услышана молитва или нет	205
14.5. Три способа достижения того, чтобы молитва была услышана.....	206
14.6. Причины, по которым молитва может быть неуслышанной.....	206
14.7. Важность сохранения плодов молитвы.....	207
14.8. Пример из жизни святителя Григория Паламы, показывающий, что все христиане имеют долг всегда пребывать в молитве	209

Глава 15. Необходимость духовного руководства при прохождении молитвенного подвига.....	211
15.1. Причины, в силу которых молящемуся необходим старец-руководитель.....	211
15.2. Примеры того, к чему приводит подвиг, совершаемый без совета старца.....	212
15.3. Описание того, как смирение и рассудительность приобретаются под руководством старца	213
15.4. Священное Писание о старчестве	215
15.5. Советы святых Отцов относительно выбора старца	215
Глава 16. Молитва — пища и жизнь для души	217
16.1. Только любовь выше молитвы.....	217
16.2. Молитва человеку необходима, как вода рыбе	217
16.3. Торжественный призыв святых подвижников к постоянной молитвенной связи с Живым Всемогущим Богом.....	219
Заключение	221
1. Краткое изложение содержания данной работы.....	221
2. Молитва — путь к вечной блаженной жизни в Царстве Небесном	221
Отзыв о сочинении студента В. С. Веревкина на тему «Учение о молитве по Добротолюбию»	223
Ссылки автора на Добротолюбие и его примечания к тексту.....	225
Список сокращений	249